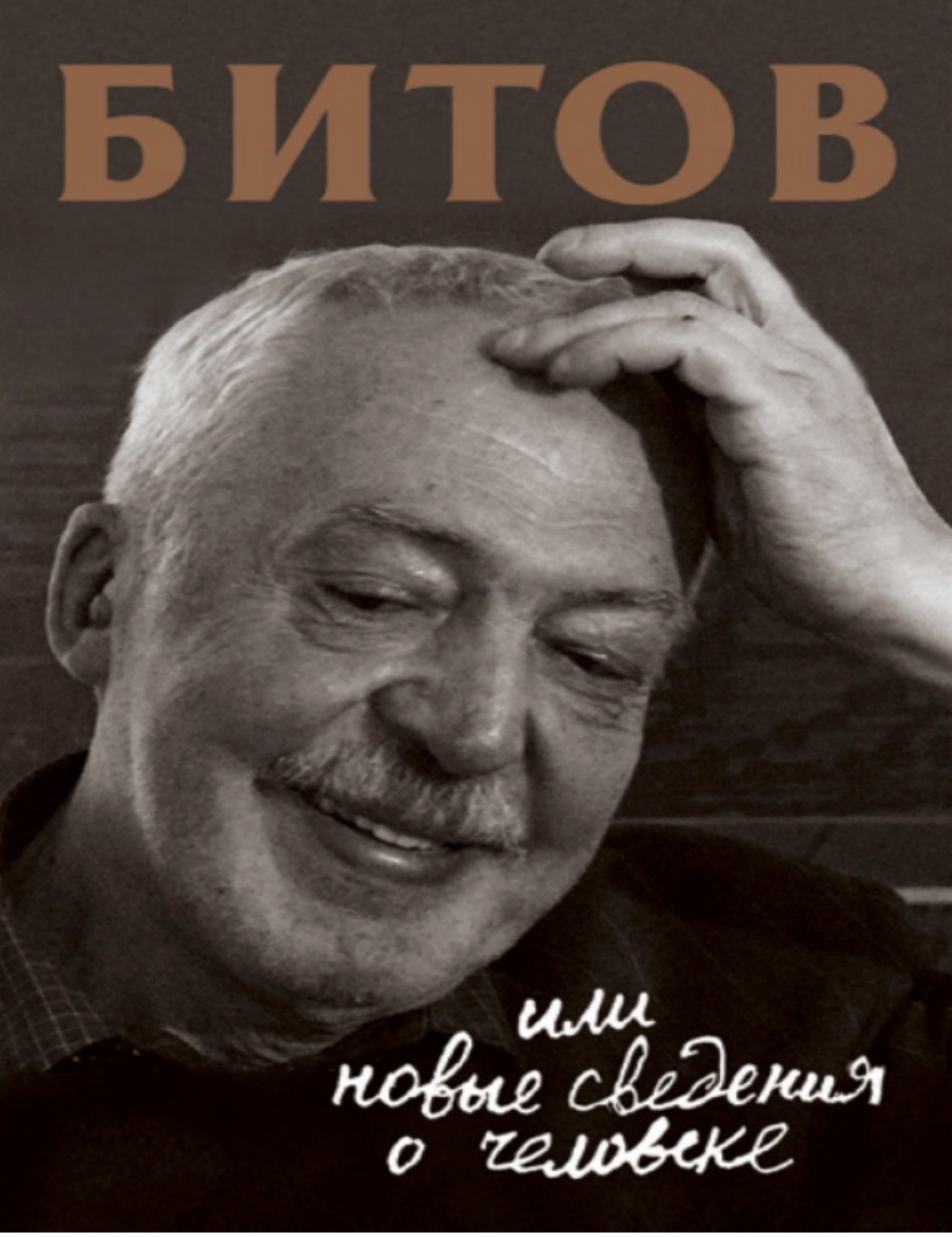
БИТОВ



или
новые сведения
о человеке

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Мы собрали воспоминания родных, друзей и товарищей Андрея Георгиевича Битова, преследуя цель найти и зафиксировать новую информацию о прославленном писателе, ту, что еще не была представлена в журнальных статьях или литературоведческих работах. Ширвиндт и Жванецкий, Рост и Великанов, Габриадзе и Фагот – все они поделились своими воспоминаниями о самом Битове, о его творчестве, о том ореоле, который окружал прославленного писателя. Здесь и насыщенная жизнь на орнитологической станции в Калининградской области, и крещение уже взрослого писателя в Грузии, и даже загадочное черкесское происхождение его фамилии. Книга позволит расширить ваши представления о давно любимом писателе.

- Битов, или Новые сведения о человеке
  - ○
  - ○
  - ○ Жизнь как текст
  - ○ Андрей Битов
    - ■ Автобиография – 75
  - ○ Полина Баженова[2]
    - ■ Дед
  - ○ Резо Габриадзе
    - ■ Больше, чем дружба
    - ■ Мы прожили с ним одну жизнь…
    - ■ После крещения
  - ○ Лео Габриадзе[3]
    - ■ У папы был друг…
  - ○ Ирина Сурат[4]
    - ■ Прощание
    - ■ Битва и пушки. жизнь как текст
  - ○ Александр Ширвиндт
    - ■ Еще бы не помнить…
      - ■ Сон. От составителя
  - ○ 60-е… Довлатов, Сергей Вольф, Светозар Остров
    - ■ Из предисловия к книге стихов Сергея Вольфа «Розовощекий павлин»
  - ○ Светозар Остров[5]
    - ■ Когда мы были молодыми…
  - ○ Юрий Рост[6]
    - ■ Жизнь требует усилия
      - ■

        - Из выступления Юрия Роста на прощании с Андреем Битовым (7 декабря 2018 года, Москва, ЦДЛ):
- Галина Юзефович[7]
    - Нам еще предстоит дорасти, дотянуться, дожить…
- Павел Крючков[8]
    - День звукописи
- Ольга Шамборант[11]
    - Одинокий Битов
        -
        - Из книги А. Битова «Птицы, или Новые сведения о человеке»
- Владимир Паевский[12]
    - Андрей Битов и орнитологи Куршской косы
        -
        - Воспоминание о Рыбачьем
- Александр Великанов[13]
    - Битов и архитектурный деконструктивизм (записки архитектора)
- Борис Мессерер[15]
    - Слово о друге
        - Из выступления памяти Андрея битова в ЦДЛ 7 декабря 2018 года
    - Живая память
- Александр Казакевич[16]
    - «Я русский писатель…»
- Евгений Попов[17]
    - Битов. Единственный экземпляр
    - Отступление о битове
- Евгений Сидоров[18]
    - После Битова
- Игорь Сид[20]
    - Геопоэт, или По дороге на Лхасу
- Александр Колесов[22]
    - «Там человек проявляется в чистом виде…»
- Черкесское происхождение
- Заур Чесебиев[23]
    - Пусть Всевышний простит грехи ему и откроет двери Рая
        -
        - Легенда о русском Битхэ
- Александр Фагот Александров[25]
    - Пушкин-бенд

- Последний памятник тысячелетия
- Бабушки
- «Зачем ты послан был»
- «Часы печальных иль…»

- Ольга Васнецова[26]
  - Редкий элемент
- Марина Смирнова
  - Точные вещи. Точные слова
- Ася Гусева[27]
  - В ожидании осени
- Эллен Чансенс[28]
  - Немного о себе
  - Письмо Андрею
- «Пушкинский дом», Пролог, или Глава, написанная позже остальных
- Анна Бердичевская[29]
  - С кем говорил ты, с кем ты говоришь?..

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26

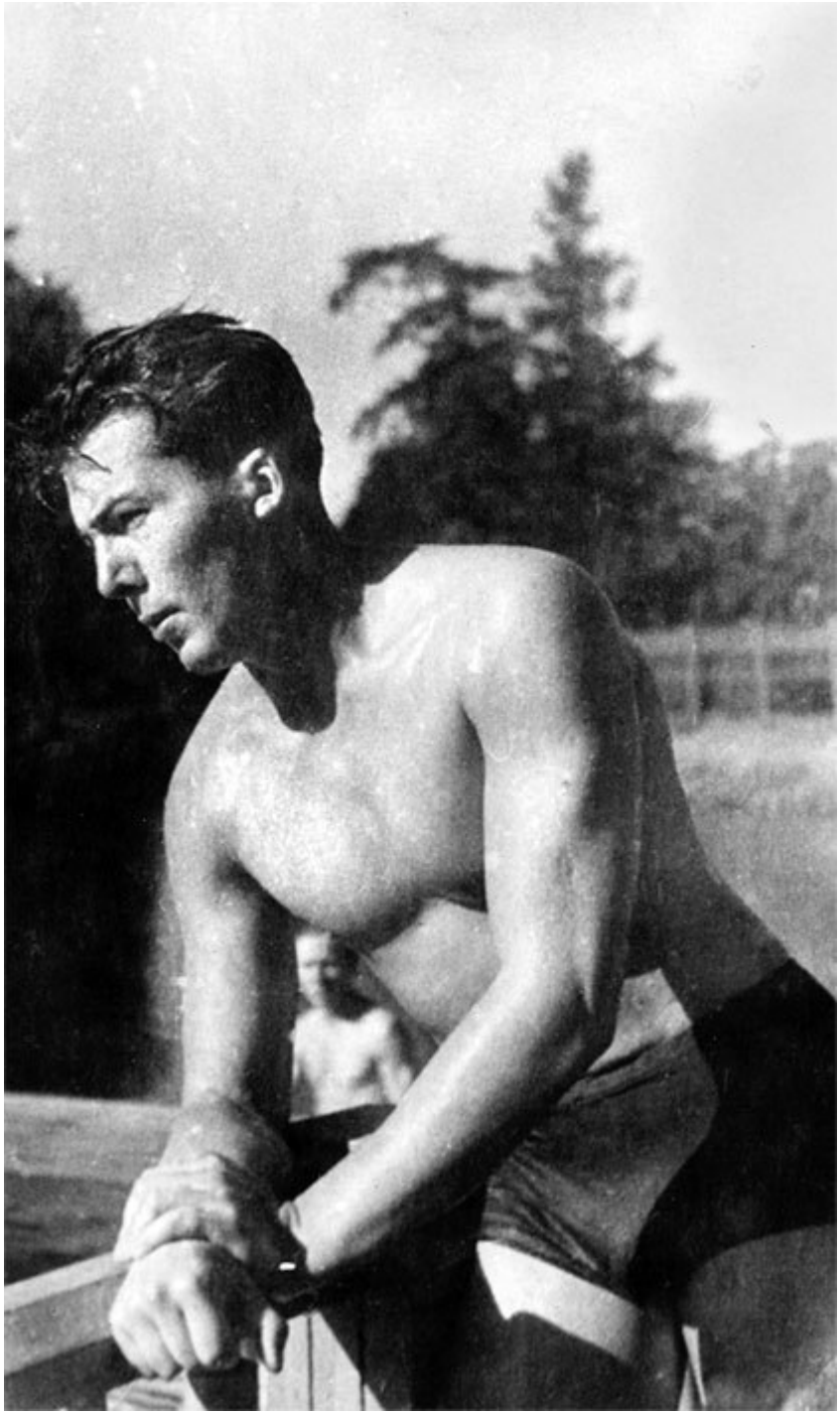
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30

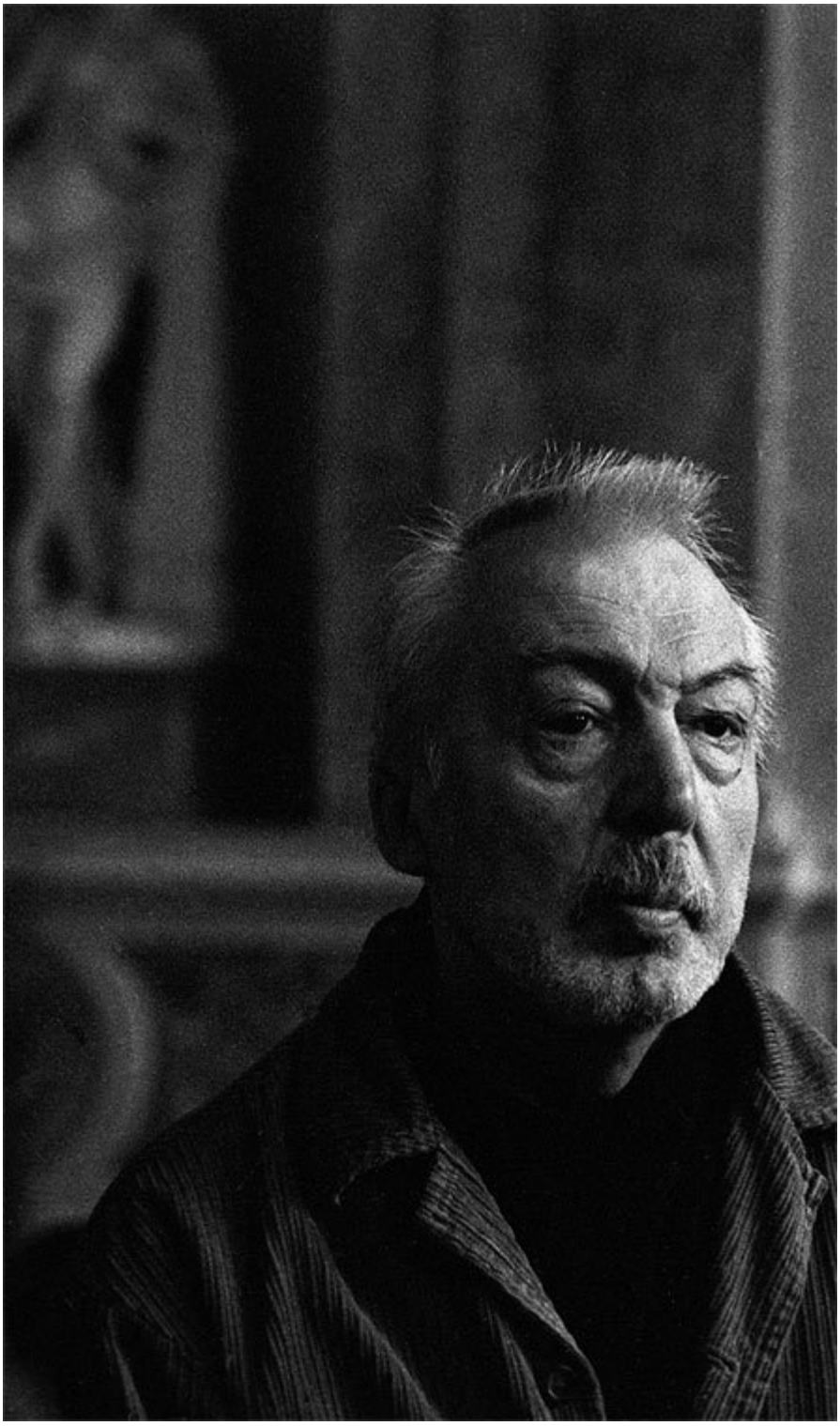
Битов, или Новые сведения о человеке

© Бердичевская А., составитель, 2019
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

РОССИЯ





«Хорошо бы начать книгу, которую надо писать всю жизнь. То есть не надо, а можно писать всю жизнь, пиши себе и пиши. Ты кончишься и она кончится. И чтобы все это было – правда. Чтобы все – искренне…»

Андрей Битов, рассказ «Автобус», 1960

Жизнь как текст

Ему было двадцать три года, когда он написал рассказ «Автобус».

Первой же строкой рассказа он не только вывел формулу своей судьбы, но и немедля начал ее воплощать.

Всю жизнь он писал одну невероятную книгу, и писал не «как нужно», а – свободно.

Все, что он написал, – правда, все – искренне.

Таким вот образом Андрей Битов и стал великим писателем.

3 декабря 2018 года его жизнь прекратилась.

Но, вопреки ожиданиям молодого автора рассказа «Автобус», книга, которую он писал всю жизнь, не закончилась, нет.

В тексте продолжают пульсировать искреннее чувство и правдивая мысль.

Они останутся новыми всегда. Это и делает автора классиком…

Книга воспоминаний «Битов, или Новые сведения о человеке» написана теми, кто знал Андрея Битова, делил с ним жизнь, любил его. В ней вы непременно найдете новые сведения – о человеке. Об Андрее Битове.

Спасибо всем, кто принял участие в этом издании.

Резо Габриадзе. Андрей Битов

Андрей Битов

Автобиография – 75

Потомственный петербуржец («сын дворянки и почетного гражданина», по определению Мих. Зощенко), родился в Ленинграде 27 мая 1937 года. Первое воспоминание – 1941 год, блокада.

Читать начал в 1946-м. Первой книгой был «Робинзон Крузоэ» (дореволюционное издание со старой орфографией; вообще все мои первые книги были по старой орфографии). Важность этого события нельзя преуменьшить: каждый писатель начинает как читатель. Я был очень горд тем, что сам прочитал свою первую толстую книгу от первого слова до последнего.

С тех пор я стал последовательным читателем: читал только от начала до конца и каждое слово, как бы вслух про себя, как бы по слогам. Такая тупость привела к тому, что я стал читать книги, которые достойны такого моего черепашьего чтения, т. е. только очень хорошие, т. е. восхищаясь.

В 1949-м в связи с двумя великими юбилеями – Пушкина и Сталина мне был поручен доклад о Пушкине. Я добросовестно прочитал «всего» Пушкина. Он мне понравился меньше, чем Лермонтов и Гоголь, но надолго залег в подсознание.

Летом того же года я впервые увидел Эльбрус и влюбился в горы.

В 1951-м я в одиночку додумался до того, что впоследствии было названо бодибилдингом, и яростно занимался им, не пропуская ни одного дня, несколько лет подряд. Я еще не знал, для чего мне это понадобится.

В 1953 году не стало Сталина, а я стал самым молодым альпинистом СССР.

В 1954-м, готовясь к вступительным экзаменам в Горный институт, я читал «Посмертные записки Пиквикского клуба» с таким восторгом, будто сам их писал.

В 1956-м, сразу по разоблачении культа личности, я стал писать стихи, влюбился в свою будущую жену, был исключен из института и попал в армию на Север в строительные части, которые были дислоцированы по только что опустевшим лагерным зонам. Это оказалась полезная «экскурсия»:

освободившись, я женился, бросил писать стихи и взялся за прозу, что сразу начало получаться значительно лучше.

Уже в 1963-м у меня вышел первый сборник рассказов.

Здесь у меня обрывается биография и начинается борьба за тексты внутри и снаружи параллельно с личной жизнью, женитьбами и рождением детей.

Поскольку моя литература не могла быть востребована режимом, я писал свободно как от социального заказа, так и от потенциального читателя, интересуясь только воплощением собственного замысла и посильным качеством его воплощения, руководствуясь пушкинским принципом «не продается вдохновенье, но можно рукопись продать».

Торопиться мне было некуда, писал я редко и быстро, романы складывались десятилетиями.

Однако в советских условиях, никуда не торопясь, по определению критики, я написал:

первый любовный роман «Улетающий Монахов» (1960–1976);

первый постмодернистский роман «Пушкинский дом» (1964–1971);

первый экологический роман «Оглашенные» (1970–1993).

Они наряду с «Путешествиями» сложились в итоговую, а-ля Пруст, эпопею «Империя в четырех измерениях», 1996. Это мой основной труд.

К нему примыкает «Пятое измерение» – о русской литературе, на протяжении своей короткой истории (от Пушкина до Солженицына) последовательно выразившей состояние нашей империи: ГУЛАГ КАК ЦИВИЛИЗАЦИЯ.

После «Пушкинского дома» началась и не кончается моя, уже сознательная, пушкиниана: «Пушкинский том» теперь равен «Пушкинскому дому».

Венчается все джазом. Черновики Пушкина, со всеми вычеркиваниями и вариантами, читаются под импровизацию джазового квартета.

Случилось это спонтанно в Нью-Йорке в 1998-м.

Первый пласт вдохновения гения оказался превосходной именно джазовой партитурой, до аудитории было наконец донесено то, чем занимались одни лишь специалисты.

И наконец, по определению той же критики…

Первый философский роман «Преподаватель симметрии»

(1971… 2007).

И хватит. Я теперь гораздо больше горжусь тем, что мне удалось пробить во Владивостоке установку памятника Осипу Мандельштаму к 60-летию его гибели (1998), а также, уже по собственному проекту, памятник зайцу в селе Михайловском, остановившему Пушкина от ссылки еще дальше, в Сибирь (декабрь 2000-го, к 175-летию восстания декабристов), и памятник Хаджи-Мурату (последнему произведению), открытый к столетию ухода Льва Толстого (2010) в том месте, где ему в голову пришел замысел, прекрасно описанный на первой же странице повести.

Мне не нравится, что меня объявляют стилистом и интеллектуалом, много работающим над словом и много знающим.

Темен я, как все мое поколение, до всего доходившее «своим умом», а пишу я редко, спонтанно и набело, поправляя едва одно-два слова на странице. Т. е. мои беловики суть черновики.

Я верю лишь в дыхание, единство текста от первого до последнего слова. Это не я работаю над словом, а слово – надо мной.

«Произведение – это то, чего не было, а – есть». Мне нравится это определение.

У меня четыре ребенка от четырех женщин, в разных эпохах (от Хрущева до Горбачева), и пять внуков. Эти произведения останутся после меня незаконченными.

Две первые жены стали видными прозаиками – Инга Петкевич и Ольга Шамборант.

Все, что мог, написал. Однако в работе еще одна книжка «Автогеография» – о различии менталитетов, и в мечтах хотя бы одна пьеса (жанр, не поддающийся моему разумению).

Авторитетов среди современников для меня никогда не было.

Я всегда пытался обратить свою зависть в восхищение, восхищение в дружбу и передружить между собою этих людей.

Происходило это на подсознательном уровне. В эпоху застоя я попытался сделать это осознанно. Попытка создать консорт «Багажъ» осталась виртуальной, чему и посвящена эта книжка.

Индивидуальности не пролетарии, чтобы объединяться, и оруженосцами им быть не пристало. Ревность и соревнование – однокоренные слова. У нас побеждала только дружба.

27 сент. 2011, Санкт-Петербург;

13 января 2012, Санкт-Петербург[1]

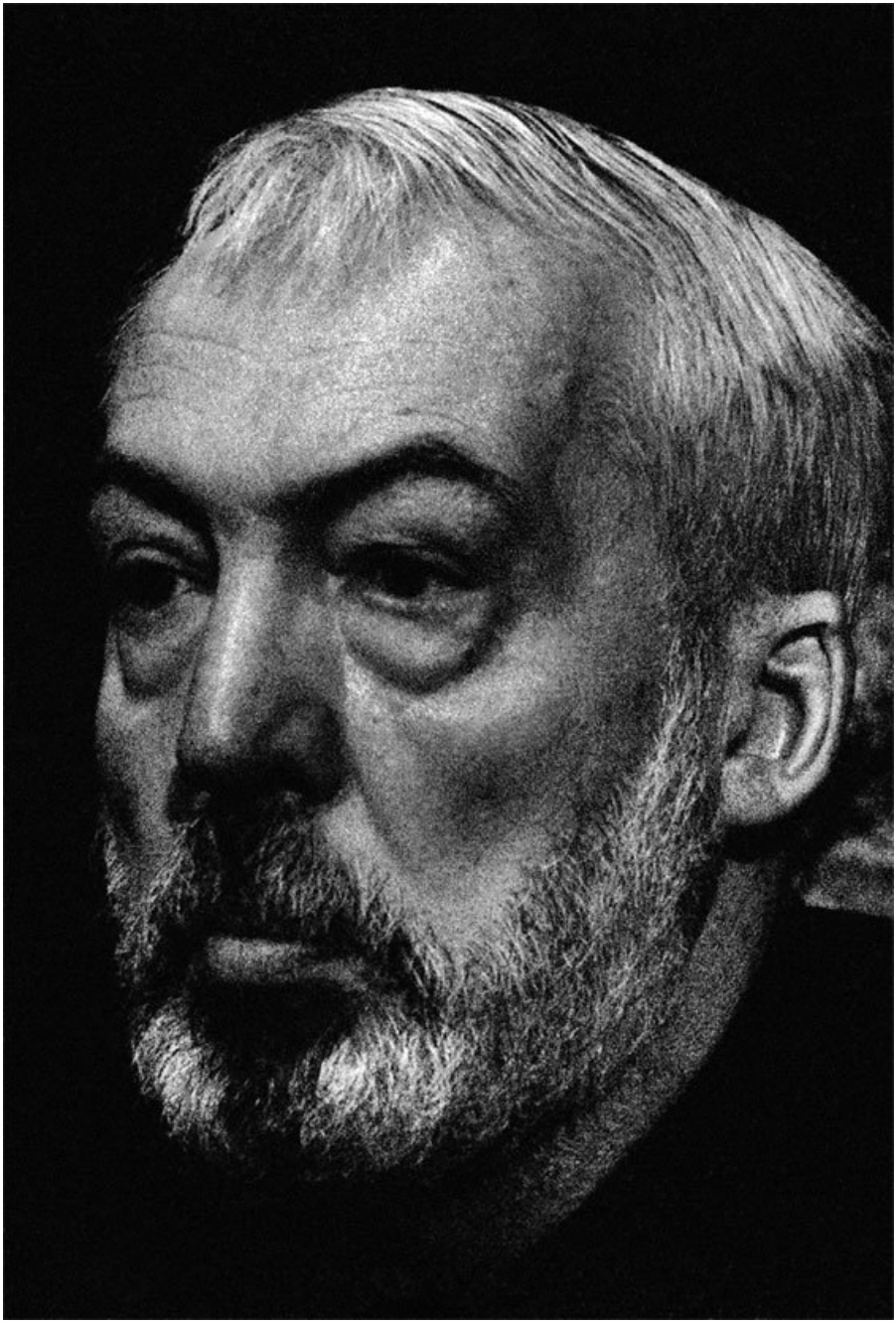


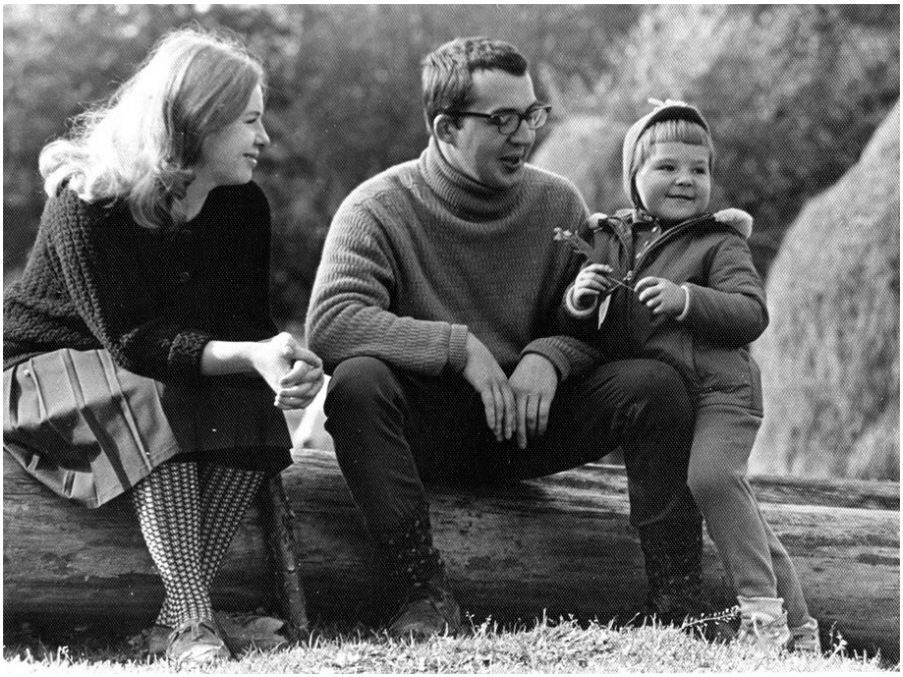
Фото Ю. Роста

Со старшим братом Олегом, перед войной

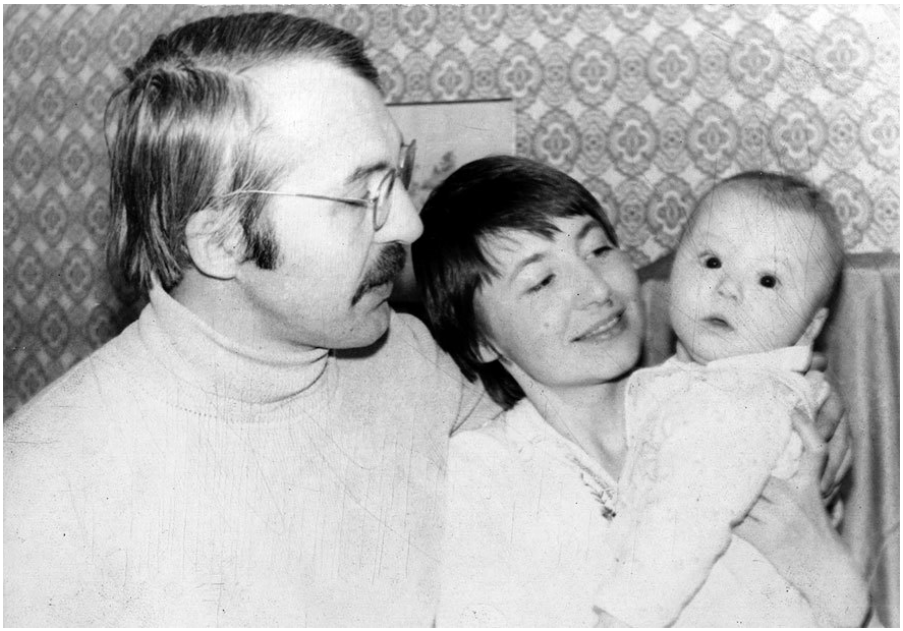
Бабушка Александра Ивановна Кедрова, профессор консерватории

С мамой после войны

Выпускник школы



С женой и дочкой Анной



С женой Ольгой Шамборант и сыном Иваном

С женой Натальей Герасимовой

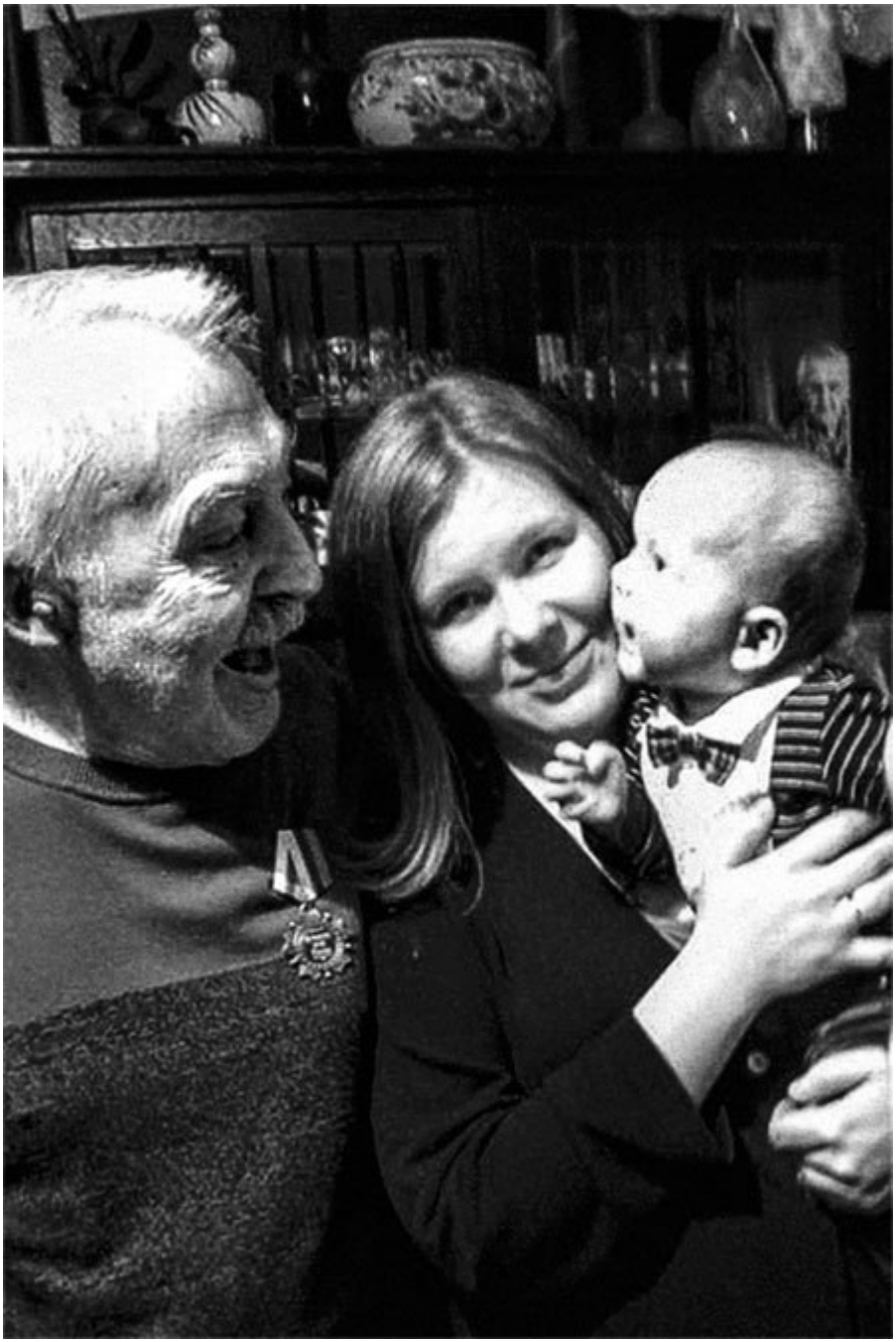
Полина Баженова [2]

Дед

Я в Токсово. Сижу в дедушкиной комнате за старым письменным столом, на столе компьютер-франкенштейн, сосланный на дачу, за ним он работал все прошлое лето. Никто его с тех пор и не включал…

Слева крохотный телевизор, который «ловит» три канала, за спиной на шкафу тикает будильник – ровесник моей мамы, а справа кровать. Чего-то не хватает… Да, около кровати обязательно должны стоять две кефирные бутылки, овсяное печенье, сумка с рукописями, на кровати должны лежать тетради и томик Пушкина. Этого нет…

Смотрю. Костик (правнук) пару лет назад оторвал кусок обоев у кровати, и дедушка, лежа на подушке, дорисовал образ и что-то написал, не могу разобрать… Почему я в прошлом году не спросила, что там написано? Балда я.



Задача: написать воспоминания о Битове А. Г. Вот как написать? Всю свою жизнь описывать? Это просто невозможно. Ведь это мой дед, единственный, кто до меня дожил. С моего рождения и до рождения его третьей правнучки, пусть не всегда очно, он был рядом со мной – постоянно…

Дед всегда писал свои тексты набело. Входил в поток и писал. Вот и я решила так же. Попробую.

Когда у деда умерла жена Наталья Герасимова, он словно осиротел и перешел жить к нам, на Невский, 10. Я как раз училась в аспирантуре, и он меня подначивал, что я пишу, как он, не в смысле качества, конечно, а именно способа: хожу маюсь неделю, ворчу, раздражаюсь, нервничаю, а потом за ночь все пишу и отправляю. Вот так мы частенько с ним маялись в три часа ночи на кухне, каждый со своей кружкой кофе. Размышляли, обсуждали, ворчали. Потом разбредались по компьютерам…

На сороковинах по деду меня спросили: «Каково быть внучкой Битова?». Я не могу ответить. Это странный вопрос. Другого живого деда у меня не было, чтобы сравнивать опыт. Это часть меня, и мне было всегда все равно, кто он для всего мира. Я всегда шла своей дорогой, все делала сама и очень благодарна, что никто в семье не «давил авторитетом». Дедушка наблюдал со стороны и никогда не осуждал.

Помню, он потом всем рассказывал, что теперь знает, что такое «позитивный стресс». Это когда я позвонила ему в Москву и сказала: «Деда, я поступила!» – «Куда поступила?» – «В Университет на клиническую психологию!» Он заплакал… Видимо, не ожидал.

Потом у нас было много бесед про биологию, физиологию, психологию. Нам было безумно интересно, особенно когда он понимал, что многое описал интуитивно в своих произведениях. Хохотал над моим разбором «Гадкого утенка» по психоанализу Адлера. Потом я увлеклась психосоматикой, и выяснилось, что дед в Москве периодически парится в бане с Тополянским, автором руководства по психосоматике для врачей. Так он мне через деда даже книгу свою подарил…

А вот в детстве мы виделись мало, дедушка часто работал за границей, приезжал редко, как Дед Мороз с игрушками. В 1990-е это казалось каким-то волшебством. Ведь здесь ничего не было, все было серое и страшное. Мишка до сих пор со мной, с моего годика…

В школе был забавный случай. Я сильно болела и попросила бабушку, тоже писательницу (И. Г. Петкевич), помочь мне написать два сочинения. В итоге мне поставили за одно трояк, а за второе вообще двойку, так как изложенные мысли не сходились с мнением учительницы. Бабушка от возмущения позвонила деду, а он: «Ха, чего ты переживаешь, я тут Егору сочинение написал по Пушкину, так нам вообще кол влепили!» После этого мы писали свои сочинения сами.

С Егором, то есть моим дядей, который младше меня на два

года, мы росли вместе, жили через дорогу. Это была наша маленькая деревенька, о которой мечтал дедушка. На Невском первая жена, на Восстания последняя. Об этом можно прочитать в его «Странноприимном дворе», написанном в память о моей бабушке. Прочитайте обязательно, там много о нашей жизни… С нашей покосившейся квартиркой на Невском много связано не только у дедушки с бабушкой. Задолго до моего рождения кто тут только не попивал чай или чего покрепче. Поэтому, несмотря на обветшалость дома, мы привязаны к этому месту.

У деда было такое качество: он одинаково легко общался абсолютно со всеми, будь то бельгийская королева, на приеме у которой он говорил, что теперь ему будет о чем рассказать внучке, или друг моего детства, с которым он на кухне попивал свой любимый кофе или рюмку с лимоном. Так же одинаково легко он мог послать на три волшебные буквы любого, кто был не прав. Быстро и без предупреждения. Терпением он не отличался. Поэтому и был правозащитником, борцом во всех отношениях.

Он умел раскрывать людей, находил интересное в каждом, – про «великих» я молчу. Не терпел лицемерия и несправедливости. Что зачастую приводило его в отделение милиции, по молодости особенно. Бабуля любила рассказывать о его приключениях.

Вообще, очень многие мои знакомые только после его смерти залезли в интернет, в книжный магазин и поразились, с кем это они непринужденно беседовали на кухне. Были, мягко говоря, в шоке.

В быту он был непритязателен, но обязательно должен был быть его набор продуктов и вещей. Когда дед звонил, что едет из Москвы, то надо было мчаться в магазин и покупать жирный (3,2 %) кефир, овсяное печенье, кофе, табак, плавленый сыр «Виола», бумажные платочки. За обедом обязательно должна стоять рюмочка водки с лимоном или с перепелиным яйцом. До сих пор в магазине по инерции ищу его любимое печенье и кофе…

Не получилось у меня написать текст за раз… Дети, недосып…

Я снова пишу в Токсово, вспоминаю бабушку Ингу, здесь ее родительский дом, который мало изменился за последние лет пятьдесят. Здесь все мои всегда обитали. «Жизнь в ветреную погоду, или Дачная местность» – это здесь… Дом находится на пересечении улицы Глухой и Веселого переулка, что очень забавляло деда.

Что я могу рассказать о том далеком прошлом? Только обрывки родительских рассказов из моего детства. Сидя на берегу

Кавголовского озера, дед вспоминал, как он на другой стороне озера проходил практику от Горного института, а бабушка на лодке ему привозила обед. Одногруппники завидовали, как это к нему такая огненно-рыжая красотка приезжает…

Бабушка вспоминала, как они познакомились: дед ее буквально снял с куста сирени, когда «угнал» машину у своего отца – моего прадеда – и поехал кататься по Петроградке, не умея толком водить. Или как моего юного деда послали за маслом, он исчез и обнаружился через неделю в Москве… Бабушка, дедушка… В их жизни было многое, но до самой смерти они оставались родными и близкими друг другу людьми.

На мамину долю выпало много переживаний за деда. Абсцесс мозга, рак, инфаркт, посттравматическая эпилепсия… Но он был как стойкий оловянный солдатик. И мама всегда рядом. После трепанации врачи говорили, что писать точно больше не сможет. Тогда он прямо в палате начал диктовать маме новую книгу.

Когда обнаружили рак голосовых связок, грозили, что если не сделать операцию и потом жить с трубкой в горле, он умрет. Дед отказался наотрез и победил. Голос вернулся. И умер он от другого – от сердечной недостаточности… А сколько было совершенно чудовищных падений из-за блэкаутов – последствий трепанации, – не счесть… Бедный мой дед…

Я знаю, он меня любил. Но как же я жалею, что, живя в одном доме, мы, любя друг друга, умудрялись подолгу заниматься своими делами и мало общаться!.. Только теперь так много хочется сказать, так много услышать…

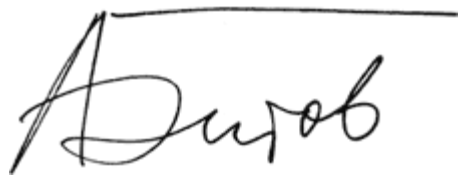
Последний наш разговор был 2 декабря по телефону, меня выписывали из роддома. Дед сказал, чтобы мы ему подготовили медаль «почетного трижды прадеда», когда он вернется из Москвы. А 3 декабря его не стало…

Правнуки А. Битова Костя и Катя

«Хорош никогда не был, а молод был…» *(Пушкин, 1835).*

Мы были молоды… Цилиндр, бакенбарды, пелерина, трость… Вот и Пушкин. Первый эскиз куклы «Пушкин» Резо сделал в 1984 году – так он из этого набора и

состоял. Две детали не сразу бросились мне в глаза… Под достаточно прорисованными головой и туловищем болтались две едва намеченные, как ниточки, ножки. Это было, впрочем, естественно для марионетки: ее водят сверху, и ноги ей нужны лишь для реализма: они у нее ходят безвольно и сами, как у пьяного. Каково же было мое восхищение, когда я прочитал (с большим опозданием) скандальную фразу Синявского о том, что «Пушкин вбежал в русскую поэзию на тонких эротических ножках»…



Резо Габриадзе

Больше, чем дружба

Для меня говорить об Андрее Битове – очень сложная задача, потому что он мой друг в еще старом, почти 40-летней крепости и выдержки, понимании этого слова. Но говорить, что он большой писатель, писатель огромной важности, писатель, который отвечает за свое время, оставаясь настоящим художником, – говорить о друге такое сложно. Но поверьте, что я сказал правду: это действительно писатель на все времена, который останется в русской литературе, что, согласитесь, не просто…

Из поздравления к 75-летию Андрея Битова. 2012 г. Санкт-Петербург, Дом Набокова

Мы прожили с ним одну жизнь…

Полвека близкой дружбы. Это уже не дружба, это совсем другое. Наверное, лучше все-таки сказать о нем – родной.

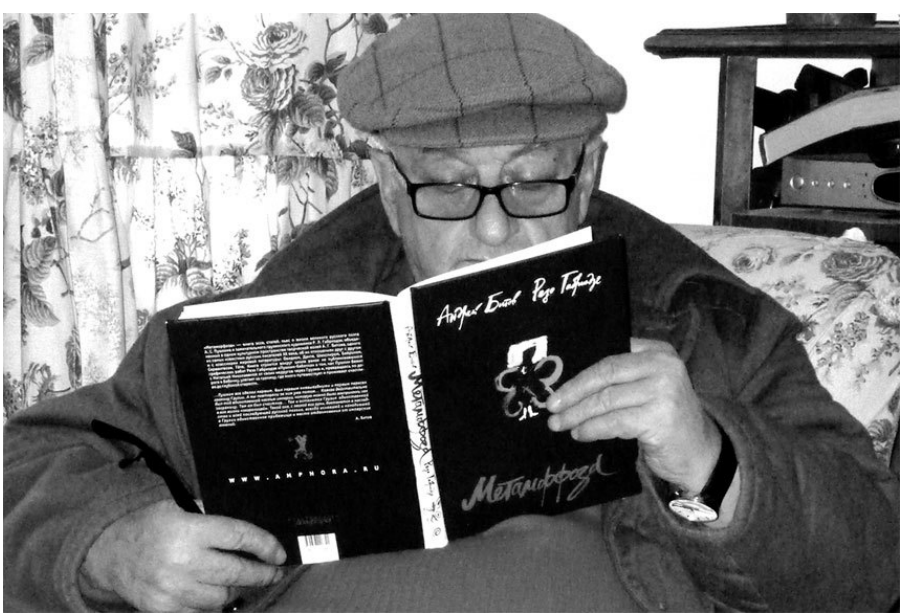
Я попал на Высшие курсы сценаристов в Москву случайно, совсем не рассчитывая там учиться. Я художник, не сценарист… Еще во время собеседований в общежитии мне дали прочесть «Пушкинский дом». Это был шок. Первое, что мне пришло после восторга, – это мысль поехать на Курский вокзал покупать билет домой, в Тбилиси… Тогда и открылась дверь, вошел Андрей. И сказал:

– Никуда тебе не надо уезжать.

Я остался жить с ним в общежитии. Как с рентгеном. Он знал, он понимал обо мне все. Куда больше, чем я сам о себе. Он оберегал меня. Открывал мне мир. С теплотой, которую и не заметишь, и ничем не заме-нишь.

Он ввел меня в огромное здание Пушкина. И я, советский школьник, с моим «буря мглою небо кроет», «пойдет направо – песнь заводит, налево – сказку говорит», очутился в огромном дворце. И он, Андрей, вел меня по залам этого дворца пятьдесят лет.

Я начал рисовать Пушкина. Сперва только для Андрея. Что еще мне было ему дарить?.. Так появились эти листки о Пушкине. Иногда в форме писем Андрею, иногда просто рисунки – сотни… нет, тысячи рисунков…



На них были истории, которые я старался придумать, когда был далеко от Битова. А когда мы встречались, Андрей обогащал их своими текстами. Кое-что стало нашими общими книгами («Трудолюбивый Пушкин», «Пушкин и заграница», «Метаморфозы»).

Мы прожили с ним одну жизнь. Я не забуду его. Голос… И его глаза, суровые, вдруг становившиеся веселыми, как у мальчика. И заразительный его смех!..

Так мы дружили – звонками, книгами, приветами и приездами. Он приезжал в Грузию. Он говорил с моей мамой, которая не говорила по-русски. Он крестился в Грузии. Писал, иногда в какой-нибудь районной гостинице. Много чего он написал у нас…

Да не могу я назвать его просто другом!..

Вот его нет. Без Андрея стало так пусто.

Неужели его голос тоже ушел?

Царство ему Небесное! Я хочу догнать его душу и успеть сказать ему – спасибо тебе, Андрей, за все.

(4 декабря 2018 года. Из Тбилиси – в Москву)

* * *

Я мало знаю таких писателей, которые так много сказали про нашу жизнь, про нашу эпоху.

Я радовался каждой встрече с ним – и в жизни, и в книге, и в театре. В маленький тбилисский театр он обязательно приезжал на премьеру. И это была и радость, и очень умные, по делу, оценки. Он подарил мне любовь к Петербургу, подарил моих петербургских и московских друзей. Я бесконечно благодарен ему за это.

Я никак не могу, не могу понять – как так, Андрея нет. Нет его голоса, его смеха, его мыслей, многие из которых требовали времени, чтобы понять их новизну и невероятную глубину. И тогда – какой восторг они приносили!

Щедрый, добрый, благороднейший человек, с которым я встречался в жизни.

Андрея нет. Остался только Невский, 110. Остановка троллейбуса. И троллейбус, который здоровается с тобой, опускается одним колесом в яму, говоря мне глазами – Андрей дома. Он ждет. Узкий черный проход во дворе. А потом, как в спектакле – точно освещение прибавили – узенький дворик, чья-

то машина как украшение, как напоминание о детстве – М-01, и окно на третьем этаже, и в окне Андрей. Сейчас этого ничего не будет. Прощай, дорогой. Спасибо за полувековую дружбу и бесконечную доброту…

(7 декабря. Из Тбилиси в Санкт-Петербург. Прочитано 22 декабря 2018 г. на вечере памяти Андрея Битова в Доме Набокова)

После крещения

Закат не ведал, как он красен был,
Морская гладь не для себя серела,
Не видел ветер, как он гладь рябил,
И дерево на это не смотрело.

Они стояли в ночь заточены,
Незримы для себя, свища, пылая.
Ни световой, ни звуковой волны
Не изучив, но ими обладая.

Не знало небо, что луна взошла,
Что солнце скрылось. Темнота густела.
Вокруг незнанью не было числа.
Никто не знал. И в этом было дело.

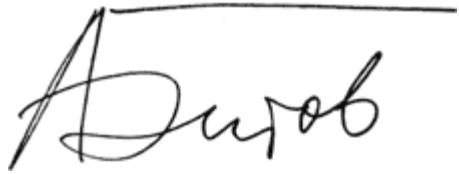
Ничто не для себя на этом берегу.
Зарозовела в небе птица… Что мне?
Куда бежал? Запнулся на бегу,
Стою сам по себе и силюсь что-то вспомнить.

Тень облак, сосен шум и шорох трав,
Напрягши ветер, вечер чуял кожей…
И умирал. И «смертью смерть поправ»,
Опять вознесся и опять не ожил.

Кого свое творенье веселит?
Кто верует в себя? Кому ключи от рая?
И волосы – лишь ветер шевелит
У дурака, что зеркальцем играет.

Кто строит не себе – не тот в дому живет.
Кто создал жизнь – не ищет смысла жизни.
Мысль свыше – не сама себя поймет.
И путник сам себя в своем пути настигнет.

Батум. Июль, 1982



Лео Габриадзе [3]

У папы был друг…

Лет с семи, а может и раньше, я знал, что у папы есть друг. Его зовут Андрей.

Однажды папа вернулся в Тбилиси из Москвы или из Ленинграда и привез немецкий магнитофон Telefunken.

Это был подарок от Андрея.

Первый магнитофон не только в нашей семье, но и в жизни только что созданного отцом театра марионеток. Вещь, без которой мы еще как-то и прожили бы, а вот театр жить никак бы не смог. Вначале, когда папа включил магнитофон впервые, оказалось, что на кассете записано голосовое письмо Андрея. Помню, что письмо было мне. Возможно, и папе. И маме. Но все-таки – и мне тоже. Письмо читал Андрей, его голос заполнил нашу квартиру в районе Сабуртало. Он был такой звучный и глубокий, что я представил себе папиного друга очень большим и, в общем, толстым… ведь где-то должен был помещаться такой голос!

Письмо Андрея почему-то заканчивалось пением Орсона Уэллса, великого режиссера, имя которого я знаю с тех пор.

Конечно, я Андрея полюбил, еще не встретившись с ним. Его

имя постоянно звучало в нашем доме. Из рассказов отца, из слов, из интонаций мамы я что-то об этом человеке понял, почувствовал. От одного его имени становилось тепло.

Когда мне было одиннадцать, родители привезли меня в Москву, где я впервые увидел Андрея. Мы приехали зимой, на неделю, и я помню, что он подъехал по снегу на красной машине, у него были «Жигули» модели 02. Он носил волчью шубу!.. Меня удивило, что он всего-то чуть выше папы и худой, я же представлял его великаном. Зато усы, и голос, как у паровоза…

Москва, 1985 год

Помню, он тогда нас с отцом возил на «жигуленке» по заснеженному холодному городу – в гости. Это были посиделки по теплым московским квартирам, и я помню, что на этих посиделках все читали стихи и все были очень умные и веселые. И все были – друзья.

Еще года через два, весной, Резо сказал, что летом Андрей приезжает с дочкой Аней на месяц. И что Андрей будет писать книгу. И что мы провезем гостей на машине по Грузии.

У отца, как и у Андрея, тоже была «02», но желтая.

Многие мои воспоминания об Андрее – как раз из этого путешествия.

Из Тбилиси мы поехали в Боржом. Андрей здорово водил, так уверенно… Резо ездил медленно, его друг – быстро, и очень ловко у него все получалось… В Боржоми Андрей меня спросил: машину водишь? (Те, кто знает Резо, понимают, что он очень любит волноваться, и соответственно он меня автомобилю не

учил, потому что это страшно – водить машину). Я сказал Андрею: нет, не вожу… Он сказал: хочешь? Я сказал, что Резо не разрешит, а он сказал, что договорится! И вот во дворе боржомского горкома я сел за руль. Андрей сел рядом и сказал: давай потихоньку ездить. Первые метры мы там, в Боржоми, и наездили. Там он научил меня первой скорости и задней.

Андрей на Кавказе. Рисунок Резо Габриадзе

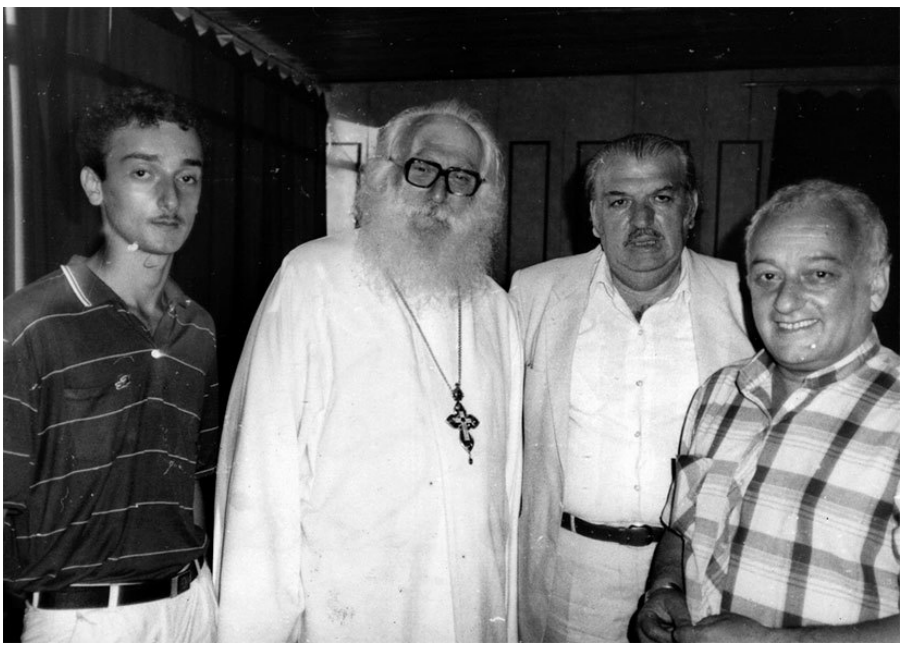
Еще я помню, что мы в Вардзии хотели сделать шашлыки на берегу Куры. А на десерт купили арбуз. Но пока мы возились с мясом, у нас арбуз река унесла – мы положили его в Куру, чтобы он охлаждался. Помню, как Андрей бежал вдоль Куры за арбузом, который так и не поймали… Потом нас еще покусали дикие мухи. Их называют у нас бычьими, в России слепень. И укусы краснеют и чешутся неделями… Там же, в Вардзии, была почти приличная гостиница, в ее дворе Андрей меня учил водить машину уже каждый день, подолгу и очень терпеливо.

С тех пор каждый раз, когда сажусь за руль машины с ручной коробкой скоростей, я всегда вспоминаю Андрея и его голос:

«ПЛАВНЕЕ ОТПУСКАЙ»…

После Вардзии мы отправились в монастырь Моцамета крестить Битова и его дочь Аню. Это заранее было обговорено между Резо и Андреем. Их крестными стали мы с отцом.

Место неподалеку от Кутаиси выбрал Резо. Там небольшой приток Риони огибает гору, и вдруг получается, что по очень тоненькому перешейку эта гора, практически остров, с материком как-то общается. Очень красивое место. Вокруг высокие зеленые холмы, река журчит, и по тоненькой дорожке, по перешейку надо идти к монастырю…



С о. Торнике в монастыре Моцамета

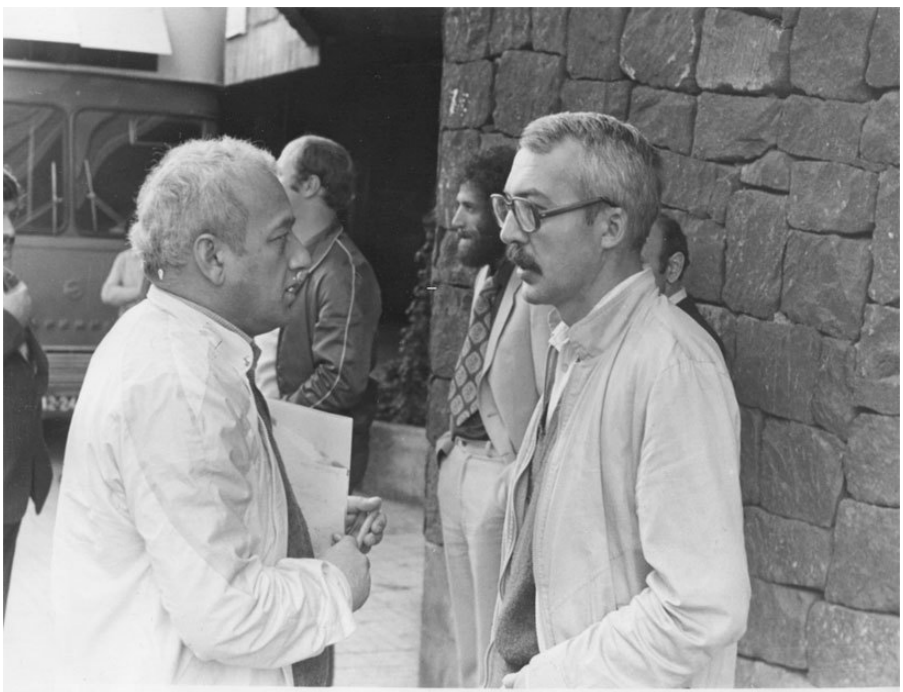
Было утро. Дошли до церкви. Священника звали Торнике (Гаги) Мосешвили. Какое-то время он был занят в храме, читал молитвы, и передал через монаха: подождите меня дома. А дом у него был чуть дальше, за храмом. Мы зашли в келью, осмотрелись… все было очень просто и скромно. Помню реакцию Андрея на маленький столик, на котором стояло много флаконов с одеколоном и туалетной водой. Как раз Андрей и привлек к нему наше внимание – смотрите, какой большой выбор запахов!.. Позже пришел Торнике. Вот кто оказался действительно огромным мужчиной, в белой рясе, в белой бороде, в очках. И тоже с очень мощным, низким голосом.

Мы завтракали у него, Торнике за столом рассказывал разные истории, например как он два раза сидел. Первый раз, потому что

в двадцать пятом году пришли большевики к нему в церковь и плохо высказались о фреске царицы Тамары… Торнике не стерпел и побил их, а он и в молодости был большой, с большими кулаками. За это его посадили, весь срок он отсидел в Сибири. А когда возвращался домой, то с поезда на маленькой станции увидел, что пионеры купаются в речке, совсем недалеко. Времени было мало, он не хотел терять его зря, поэтому спрыгнул с площадки вагона, подбежал к этим детям и покрестил их прямо в речке, как Иоанн Креститель. Они даже не подозревали, что стали христианами. Но кто-то заметил, и Торнике посадили снова.

Андрей и Резо тоже разговорились; помню, в это утро они втроем с о. Торнике как-то захотели все высказать друг другу, от всего сердца… и из этого получилась дружба. Торнике очень проникся, потому что рядом все были открытые люди. Так что даже попросил – можно и он будет крестным отцом… Андрей согласился, и потом все переместились в церковь, где и произошел обряд.

Потом нас ждал Кутаиси, город, в котором родился Резо. Отец всем все показывал и рассказывал. Потом мы отправились в Аджарию. Батуми стал финальной точкой путешествия…



Резо и Андрей путешествуют по Грузии

Когда я Андрея вспоминаю, какие-то детали так ясно вижу… его руки… и особенно ногти, они закруглялись вокруг пальцев,

как будто пытались стать когтями. Вижу, как он этими пальцами сворачивал самокрутку с душистым трубочным табаком «Drum» или брал стопку с водкой и не торопился выпить, а начинал что-то рассказывать. Когда он говорил, возникало ощущение, что ты спишь. Он проникал каким-то образом в твое подсознание, он догадывался, что тебе важно, про это и говорил. Как будто глубокие мысли, которые в тебе есть, он, глядя тебе в глаза, улавливает и начинает про это говорить. Его рассказы шли не вдоль, а в глубину. Не по сюжету. И еще этот голос, его тембр. Он умел владеть твоим мозгом. И он очищал его как-то, обогащал…

Самокрутка в руке, когтистые пальцы, волчья шуба, красный «жигуленок»-02 на снегу…

В нем чувствовалось боксерство. Он всегда вел себя смело. И эта смелость была за счет того, что он знал, что сможет за себя постоять. И не только за себя. Этим он как-то напоминал мне Высоцкого.

У меня есть еще и еще воспоминания. Например, питерские, детские, о том, как Андрей водил меня в стереокинотеатр на Невском. Или помню, как в Тбилиси у нас дома готовили к первому изданию книжку Битова «Грузинский альбом». А до этого были страсти насчет «ЛитГрузии»: напечатают – не напечатают его повесть в этом журнале?.. Если б не напечатали в журнале, то и книжка не вышла бы. Такие были времена, ведь Битова много лет вообще нигде не печатали, он был под негласным запретом. Журнал с повестью вышел, все обрадовались, и Андрей тогда приехал в Тбилиси. Собрались у нас на квартире, Резо рисовал эскиз обложки, писал название будущей книги. Крошка (так все звали и сейчас зовут мою маму) принесла старый семейный альбом. Там нашлась фотография моей прабабушки с дочкой. Она и стала обложкой книги!.. А на заднюю обложку нашлось фото из семейного альбома Битовых – бабушка Андрея с его мамой…

Резо и Андрей в Германии

А потом я закончил школу… А потом – «Кин-дза-дза!».

Андрей всегда приходил на все наши премьеры. Даже больной. Из Питера в Москву на премьеру фильма «Кин-дза-дза!» приезжал. Он всегда был рядом, всегда отец и Андрей друг друга поддерживали. Резо как-то раз уехал ставить спектакли в Швейцарию, и туда Андрей тоже приезжал на премьеры. А потом, когда в Грузии шла настоящая война, Битов устроил приезд Резо и Крошки в Германию, они вместе с Андреем жили в маленькой деревне Фельдафенг под Мюнхеном, в доме литераторов работали над своей «пушкинианой» – книгой о Пушкине с рисунками Резо и текстами Андрея. Все это происходило в маленьком доме у озера, в сказочном месте. Я тогда учился в Лос-Анджелесе и приезжал к ним из Америки.

На премьере фильма «Знаешь, мама, где я был?..». Москва, 2018 год

Последний раз я видел Андрея на премьере фильма «Знаешь, мама, где я был?..» в декабре 2017 года. Фильм открывал фестиваль «Черешневый лес» в ГУМе, на Красной площади.

Андрей был болен. Но – пришел. Для меня это было очень важно. И для Резо, который тоже был болен и не смог приехать в Москву на премьеру.

Андрей вошел с друзьями, бледный и хмурый, посмотрел на меня, подал руку, говорит своим хрипловатым, всепроникающим голосом: «Ну, здравствуй, отец!..»

Он глядит мне в глаза, сжимает руку.

И я вдруг вспомнил свои тринадцать лет, педали газа и сцепления, – плавнее отпускай… И как Андрей бежал вдоль Куры за арбузом. И что я вместе с Резо и Торнике крестил этого великого человека в монастыре Моцамета…

Ирина Сурат [4]

Прощание

Умер Битов.

Тексты его будут жить, но сам-то он умер.

Он думал всегда. Когда жарил картошку или варил кофе, когда сидел, уставившись в телевизор; кажется, что он думал во сне. Сны его – а он любил их рассказывать – были готовыми сюжетами прозы. Он думал, когда говорил. Не произносил заранее обдуманную речь, а мыслил прямо сейчас. Многие жаловались, что ничего не понятно, а это был процесс, в котором и самому ему было ничего не понятно. Но больше всего он думал, когда писал, а писал он практически набело, в последние годы просто записывал мысли – и все. Ничего не сочинял.

Он думал всегда своей головой, никогда не опирался на чужие мысли, хорошо это или плохо, но так. Он много думал о себе – так уж он был устроен, что мир воспринимал через себя, так устроена и его перволичная проза, хорошо это или плохо, но так. Очень любил Паскаля. Подарил мне когда-то свое любимое издание «Мыслей» 1843 года, а к нему – длинный блокнот в шелковом японском как будто старинном переплете, блокнот для мыслей, я оценила.

Пушкин навещает А. Битова в клинике Бурденко. Рисунок Резо Габриадзе

«Я люблю уединение и ничего не делать».

Он и прилюдно был наедине с собой, в голове его без остановки работал какой-то мотор, он неустанно собирал головоломку жизни. «Большой мозг – большие обломки» – так говорил о себе, смеясь (в 1994 году была операция на мозг, врачи сказали тогда, что он не будет писать, читать, ходить, говорить). Был всегда в борьбе – со своими пороками, с депрессией, ленью, в самоанализе был беспощаден. «Битва» – неслучайное у него слово, анаграмма имени, так назван один из лучших его текстов, точнее – блок текстов о поэзии и прозе, включенный им в разные книги. Узнав *диагноз* в феврале 2003 года, он испытал душевный подъем: «Меня посетил мой ангел, и я понял, что все выдержу. Успокойся, я справлюсь». В юности занимался альпинизмом и борьбой и говорил, что это помогает ему всю жизнь. Литературу сравнивал со спортом: «Писатель сам себе ставит планку и соревнуется с самим собой».

Слово «дар» он не любил. «Вдохновение – да, это у меня было». Лучшим своим делом считал трилогию «Оглашенные» и возражал, когда исключительно восхваляли «Пушкинский дом». «Оглашенных», как ему казалось, не оценили. Часто повторял, что пишет всю жизнь один текст и что в общем написал его, сделал все, что хотел. «Резо жалуется, что мало сделал. А я говорю ему: увеличь свою манию величия. Разве что-нибудь ты сделал без помощи Божьей? Так вот если сейчас ты ничего не делаешь – значит, Бог не дает тебе сделать лишнее».

В голове толкутся воспоминания, но хочется рассказать что-то случайное, невеликое. Однажды он шел с младшим сыном по Питеру, и на их глазах под машину попал котенок. Битов – он реагировал всегда мгновенно – выскочил на проезжую часть к котенку, и тот умер у него на руках. Он сказал: «агонизировал у меня на руках», и я это все представила. Еще один случай: он опоздал на вручение Пушкинской премии, где

председательствовал в жюри, пришел взволнованный, помятый, рука содрана в кровь. – Что с тобой? – Оказалось, в метро кто-то ударил бомжа, и он заступился, полез в драку, их разнимали.

Разговоры с ним бывали разные. Встретились на Нонфикшн, у меня шарф обмотан вокруг шеи.

– Шарф у тебя ужасный, сними его!

– А дети зачем?

Это мы коротко обсудили соблазн самоубийства.

Последний большой разговор был о смерти – он ее увидел в упор, заглянул ей в глаза, узнал.

Выплывают его отдельные фразы. «Просто космос во мне в полной мере», – это без пафоса сказано было, по поводу сбывшегося сновидения. Закончу это маленькое прощание его стихами:

И космос, как малая малость,
Сожмется до краткого сна…
И сердце со страхом рассталось,
И бездна всего лишь без дна.

4 декабря 2018

Битва и пушки. жизнь как текст

Истинная тема этих заметок, скрытая за названием, конечно, всем очевидна, но объявлять ее вслух не хочется – слишком пафосно прозвучит, на грани пародии. И давно уже нет доверия к конструкциям типа «Блок и Лермонтов», «Ахматова и Сафо» – при желании сравнить можно всё со всем, всех со всеми, разрыв во времени освобождает от ответственности, союз И подменяет мысль. Сам Битов почти сорок лет назад виртуозно пошутил по этому поводу в двух маленьких текстах: «Ленин и Пушкин», «Ленин и Гоголь» (а последний опыт такого рода – статья Дмитрия Быкова «Ленин и Блок», о сходстве почерков и т. п.)

А «битва» с «пушками» в убедительном родстве. Битов не раз обыгрывал свою фамилию, точнее работал с ней, как он работает и с другими именами, находя в них ключи судьбы. И не случайно один из фирменных текстов Битова называется «Битва» – размышление о словаре и писательском слове, о прозе и музе, о поэзии и ее живых смыслах, и, наконец, о «воинственности слова, отличающей поэзию от непоэзии». Блоковское «И вечный бой!» Битов относит «к самому стиху, к его победному продвижению от строки к строке». Но и проза, по Битову, завоевательна – это борьба за смысл, и всякая речь «которая с долей истовости “хочет что-то сказать”» – «это битва, это война, это бой».

Еще есть у Битова «Битва при Альфабете», тоже фирменный, символический текст – его название содержит метафору того жизненного дела, которое требует от художника едва ли не подвига (здесь нам поданного в виде святочной истории). Так что «битва» – это особое битовское слово, как-то связанное с существом писательского дела и так хорошо разработанное Битовым, что теперь уже кажется, что в русском языке оно произведено от его фамилии.

Ну а с пушками и так все ясно. В конце последнего битовского эссе о Пушкине он цитирует незамысловатые стихи: «Не Пистолетов, не Ружьёв, – но Пушкин!», связывая пушкинское имя не с легким пухом (как у Блока: «легкое имя: Пушкин»), а с тяжелой победительной пушкой, с громом артиллерийской канонады. А если вспомнить все пушкинские пушки, которые то «грохочут», то «с пристани палят», да еще вспомнить войсковые строфы «Домика в Коломне», в которых поэт предстает как «Тамерлан иль сам Наполеон», то внутренняя связь Пушкина с битвами и пушками будет удостоверена надежно.

Про кого из наших с вами современников можно сказать без натяжки: такой-то и Пушкин? Ни про кого. С первой третью

прошедшего века дело обстоит лучше: Блок, Ахматова, Мандельштам, Ходасевич – да, пожалуй, и все. Дальше, может быть, Набоков. Но среди живущих ныне авторов, в том числе и самых замечательных, реальных кандидатов на такую тему больше я не вижу, и это – еще один признак пережитого нами слома эпох. В этом отношении Битов – единственный, это реально так, и тут заключена какая-то личная тайна.

Начнем с того, что Битов действительно много о Пушкине написал. С этого начнем, этим закончим, но дело не в этом. Есть среди нас написавшие о Пушкине не меньше, но никто и никогда и ни с какой трибуны не станет говорить на тему «Сурат и Пушкин» (подставляю себя, чтоб других не обидеть). Итак, дело не в объеме написанного, и все же нужно обозреть пушкинский текст Андрея Битова, хотя сделать это нелегко. Начало своего пушкинизма Битов указал сам в «Мании последования» – это 1949 год, когда он, в возрасте Пушкина-лицеиста, впервые, для школьного доклада, прочел Пушкина *всего*. Первая опубликованная работа о Пушкине – статья Левы Одоевцева «Три пророка», помеченная 1970 годом и не потерявшая своей взрывной силы за прошедшие 37 лет. К «Трем пророкам» прибавим весь «Пушкинский дом» – роман о Петербурге и России как о «ПУШКИНСКОМ ДОМЕ без его курчавого постояльца», а дальше следуют «Предположение жить» (1980–1984), небольшая плотная книжка из семи текстов, которая впоследствии легла в основу большой, подготовленной совместно с Марией Виролайнен книги «Предположение жить. 1836» – о последнем годе жизни Пушкина (издана в 1999-м). К 1985 году относится вершина и концентрация битовского пушкинизма – рассказ «Фотография Пушкина», дальше – совместные с Резо Габриадзе серия «Пушкин за границей» конца 1980-х – 1990-х и книжка «Трудолюбивый Пушкин» (1991 год, тираж 99 экземпляров, нумерованных и подписанных авторами), книга «Вычитание зайца» малая, с рисунками Габриадзе (1993) и на ее основе подготовленная большая «Вычитание зайца. 1825» (2001) с вошедшей в нее пьесой «Занавес» и несколькими эссе 1990-х годов, фильм «Медный Пушкин» (1999), книга «Воспоминание о Пушкине» (2005) с пушкинско-гоголевским и пушкинско-грибоедовским сюжетами и эссе о «Медном Всаднике» «Мания последования», породившем, в свою очередь, пушкинский электронный проект «Глаз бури» (уникальный мультимедийный диск вышел в 2003 году в издательстве «Emergency exit»).

О последней пушкинской книге Битова нужно сказать особо – это книга «Моление о чаше. Последний Пушкин», соединившая битовские тексты о последнем годе жизни Пушкина, старые и самые новые, 2007 года. Между первыми и последними – 27 лет, лермонтовская жизнь. Целую жизнь Битов думает об одном и том же – это дорогого стоит и что-нибудь да значит. Небольшая на вид книжка оказывается изнутри большая, как судьба. «Последний Пушкин» – сильная формула, она точно отвечает непосредственному содержанию книги, но и превышает его: последний год жизни, последний прозаический текст, последний лирический цикл, последняя дуэль, последнее письмо – и вообще наш последний Пушкин, экзистенциально последний, с его последней глубиной, последней правдой, после которой, кажется, ничего уже не может быть. Мы привыкли повторять высокопарные тютчевские строки: «Тебя ж, как первую любовь, России сердце не забудет!», а мне хочется ответить на это словами современного поэта: «Первых любовей много – последняя одна». Последняя любовь посерьезней, чем первая, Тютчев тоже это знал.

Подзаголовком «Последний Пушкин» Битов как будто еще и зарекается, как и раньше он зарекался – сочинять стихи и писать о великих людях. Но зарекаться бессмысленно, когда не мы выбираем, но нас. Вот тут и заключено главное в пушкинизме

Битова – перед нами случай не просто «избирательного сродства», но очевидной обоюдной связи, открытого канала общения между двумя людьми в том пространстве, которое не знает границ, на «луговине той, где время не бежит». А иначе как объяснить те битовские *прозрения, догадки*, которые так редки в профессиональной пушкинистике, разве что у Анненкова да, как ни странно, у Благого, зато у поэтов нередки – у Ахматовой, у Ходасевича. У Битова мы знаем такие пронзительные догадки, из старых – о двух пушкинских статьях о Вольтере, из недавних – о связи пушкинской записи о некоем «Эн» или «Аш» с Гоголем и его «Невским проспектом». Сейчас это кажется очевидным, а до Битова никому не приходило в голову. В связи с этой работой о Пушкине и Гоголе, зафиксированной в нашем с ним диалоге под названием «Об нем жалеют – он доволен», скажу об одном пушкинистском приеме Битова – он вычитывает у Пушкина затерянную фразу, строку, которой никто до него не расслышал, вычитывает, ставит ее отдельно и крупно, как высказывание, и как будто сотворчествует с Пушкиным в той самой борьбе за смысл. Вырванные из контекста, пушкинские слова у Битова прирастают смыслами, обретая символичность: «Об нем жалеют – он доволен», «Меня искали, но не нашли», «Зачем ты послан был и кто тебя послал?» Эта последняя строка звучит теперь битовским голосом как личный запрос – с тех пор, как он прочел и записал под джаз черновое пушкинское стихотворение о Наполеоне. Если бы не Битов, кто бы задумался над пушкинскими словами: «Меня искали, но не нашли», которым Битов, по его признанию, завидует? Почему эта фраза производит теперь такое впечатление? Пытаясь понять, вспоминаешь евангельское «Будете искать меня, и не найдете…» (Иоанн 7–34) или автоэпитафию Григория Сковороды: «Мир ловил меня, но не поймал». Вот настоящий объем этой пушкинской фразы, Битов первый его почувствовал.

Вернемся к пушкинистским догадкам и прозрениям Битова. Механизм догадки прост, но неподражаем, прозрение возможно там, где происходит *встреча* – подобно Игорю Одоевцеву, Битов проживает свою жизнь рядом с Пушкиным, встречается с ним, как встречаются не субъект и объект, а живые люди. Но никакого панибратства, битовские встречи с Пушкиным – это бережные прикосновения к острым проблемам биографии или интуитивные художнические проникновения в проблемы пушкинского текста. В Игоря Одоевцева Битов вообще много вместил личного – поэтому «Фотография Пушкина» читается с таким замиранием сердца; в ней Битов блестяще воплотил такое понятное желание оживить Пушкина и услышать его реакции, смех, живьем увидеть его

рядом с собой.

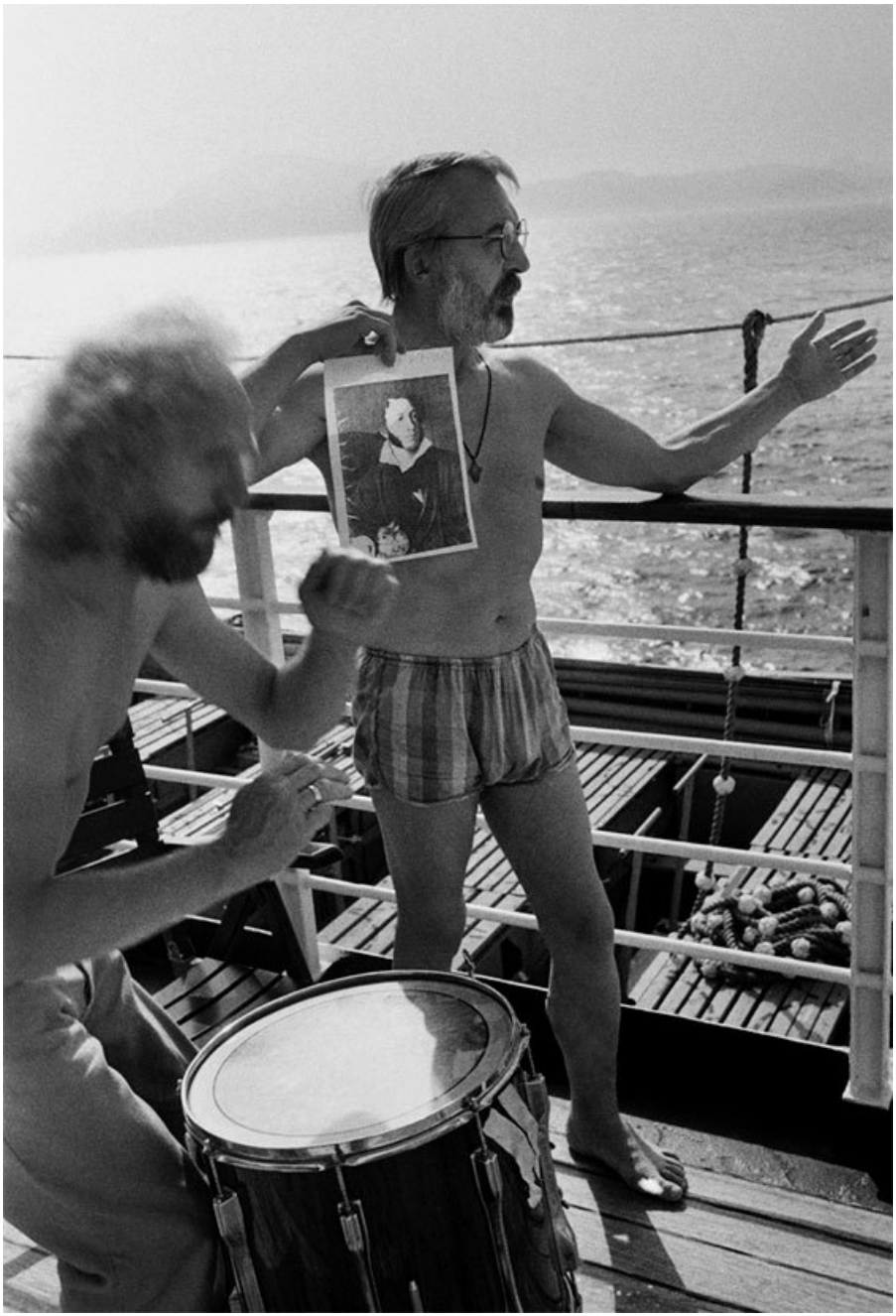
Времялетчик Игорь «тайно вывез» из будущего «упаковку пенициллина от воспаления брюшины», Битов тоже в жизни Пушкина участвует активно, что-то хочет внести в нее, что-то поправить. «…Пушкин много раз *хотел* за границу и столько же раз его не пустили»; «Если бы Пушкин увидел Париж и Рим, Лондон и Вену… Что было бы, если б и они увидели его?», и Пушкин у Битова и Габриадзе едет в Испанию, едет в Париж – живет! Вот природа битовского пушкинизма – его, как и Игоря Одоевцева, не грандиозное привлекает в Пушкине, а живое, и в своей жизни Битов как будто компенсирует что-то недожитое, недобранное Пушкиным. Проницательно была сформулирована одна из тем обсуждения на Первых Битовских чтениях, организованных Игорем Сидом и Виктором Куллэ в 2000 году в Музее Маяковского – «Одиссея А. Г. Битова как компенсация тоски по чужбине “отказника” Пушкина». А в 1990 году Битов помог Пушкину увидеть наконец свою африканскую Родину (засвидетельствовано фотографией Юрия Роста – см. еженедельник «Новая газета. Свободное пространство», 2007, № 19, 25.05–31.05). Думаю, Пушкин благодарен ему за это.

Игорь Одоевцев, приблизившись к Пушкину как исследователь, начинает с Пушкиным жить, потому что жить без

него уже не может. И перенести пушкинскую смерть он тоже не может: «Он не мог, что его больше не было. Без Пушкина и его самого больше не было». Силою любви автор и герой отменяют пушкинскую смерть: «Нет! Он не мог умереть! Я же вижу его живым, садящимся в поезд в том же 1837, вижу, как он пряменько так на скамеечке сидит и в окошко поглядывает, и мальчишеский смех рвется из его глаз».

Вспоминаются в связи с этим слова Фаины Раневской: «Пушкин – он где-то рядом. Что бы я делала в этом мире без него?»

Что бы делал Битов в этом мире без Пушкина? Кем бы он был и что написал бы? «Пушкинского дома» бы не было, кавказских путешествий, может быть, тоже бы не было – а если копнуть поглубже? Пушкин – постоянная величина, экзистенциальная основа всего битовского мира.



А. Битов показывает Пушкину Африку. Фото Ю. Роста

В 1921 году Владислав Ходасевич в пушкинской речи «Колеблемый треножник» говорил: «Той задушевной нежности, той непосредственной близости, с какой любили Пушкина мы, грядущие поколения знать не будут. Этого счастья им не будет дано»; «та близость к Пушкину, в которой выросли мы, уже не

повторится никогда…» Но близость повторяется, счастье – дано. Оно дано Битову, и он делится с нами этим счастьем. А нам кажется сегодня так же, как казалось тогда Ходасевичу, что грядущие поколения этого счастья близости к Пушкину не узнают, что мы уносим его с собой. Наверное, такое ощущение исторически нормально, и когда-нибудь в каких-то грядущих поколениях оно возникнет снова.

Битов не раз цитировал слова Блока: «Пушкин, *тайную свободу* / Пели мы вослед тебе! / Дай нам руку в непогоду, / Помоги в немой борьбе!» Завет тайной свободы и спасительная помощь в трудные моменты жизни – мне кажется, это основа внутренней связи Битова с Пушкиным. «Он мне помогает жить, реально помогает жить» – эти слова Битова можно было услышать в юбилейном фильме, показанном по каналу «Культура» в день его семидесятилетия. Но с этого и началась исследовательская пушкинистика Битова – по собственному его признанию, он взялся за статью о последнем тексте Пушкина, письме Ишимовой, когда переживал – в начале 1980-х, после «Метрополя» – «самую глухую пору своей жизни». Тогда ему было нужно понять, с чем и как Пушкин в своей жизни справлялся, ему важно было сличение опыта. И Пушкин ему тогда «чрезвычайно помог» (цитирую беседу 1999 года с корреспондентом «Комсомольской правды» Валентиной Львовой).

Пушкин спасает от уныния и малодушия – но главный пушкинский урок, хорошо усвоенный Битовым, я осмелюсь сформулировать за него: ценою слова может быть только жизнь, другой цены Бог не принимает. Здесь я вижу корень их родства и корень битовской ответственности за слово, так отличающей его в современной литературе.

Судьба обнаруживает себя в датах. Битова угораздило родиться в пушкинские даты – в год столетия гибели Пушкина, но при этом почти в день его рождения, с зазором в один день, и тем уже заложена в его судьбе не только связь с Пушкиным, но и установка на преодоление пушкинской смерти. Последний текст в последней пушкинской книге Битова писался с 27 января по 10 февраля 2007 года – дуэль по старому стилю и смерть по-новому, а следом напечатана лермонтовская «Смерть поэта» с почти теми же датами, а в печать книга подписана 27 мая 2007 года, почти в день рождения Пушкина и в день 70-летия Битова. Мы знаем, что это честные даты, их никто не подгонял. Смерть и рождение, смерть человека и рождение текста. Таких попаданий в пушкинскую судьбу в жизни Битова немало. Укажу на одно из них. Как-то в интервью Битов обмолвился о важнейшем событии своей жизни: «Вера приходит, как удар молнии. Мне было 27 лет,

и я спускался как раз по лестнице в метро в толпе людей. Неожиданно увидел надпись. Я очень испугался. Она говорила: без Бога жизнь бессмысленна. Я был под землей, но надо мной было будто небо» (Интервью газете «Die Zeit», 2003 год, о том же – в конце «Записок из-за угла»). Это рассказ о втором рождении в духе – но это ведь и сюжет «Пророка», написанного Пушкиным в те же 27 лет («В пустыне мрачной я влачился…», «И Бога глас ко мне воззвал…»). А вот фрагмент из «Пушкинского дома» – рассуждение Левы Одоевцева о трех пророках: «Лева говорит, что люди рождаются и живут непрерывно до двадцати семи лет ‹…› – и в двадцать семь умирают, к двадцати семи годам непрерывное и безмятежное развитие и накопление опыта приводит к такому количественному накоплению, которое приводит к качественному скачку, к осознанию системы мира, к необратимости жизни. С этого момента, говорит далее Лева, человек начинает «ведать, что творит», и «блаженным» уже больше быть не может. Полное сознание подвигает его на *единственные* поступки, логическая цепь от которых уже ненарушима, и если хоть раз будет нарушена, то это будет означать духовную гибель».

Это Битов о себе или о Пушкине? Или обо всех нас?

Но не все так серьезно – тут открывается и поле для игры, и Битов охотно играет, оформляя ссылки на издание своего «Пушкинского дома» так, как специалисты оформляют ссылки на пушкинские рукописи, хранящиеся в Пушкинском Доме Академии наук: ПД – 230, например. А в «Трудолюбивом Пушкине» у него Пушкин как будто играет в Битова – кто знает Битова, тому легко представить, как могла родиться в его воображении идея описания пушкинского трудового дня, заполненного ничегонеделанием.

Однажды Битов сидел в очереди в унылом казенном доме, в белом коридоре. Дверь кабинета открылась: «Пушкин кто? Кто Пушкин, спрашиваю?» Битов, по свидетельству очевидца, смутился, завис и долго смотрел на женщину в белом халате, пока она не захлопнула дверь… Не только своей судьбой Битов попадает в пушкинскую жизнь, но и Пушкин в переломные минуты вторгается в битовскую жизнь, посылает весточки, знаки присутствия. Любовь Игоря Одоевцева к Пушкину Битов назвал «безответной» – его собственные отношения с Пушкиным построены на взаимности.

Слово дает нам такое счастье и такую муку – переживать чужую жизнь как свою. «Сии листы всю жизнь мою хранят», – сказал Пушкин, и вот по этим листам мы можем читать его жизнь как текст, что и делает Битов всю свою жизнь. Что он выбирает из биографии Пушкина? Или это она его выбирает? В каких своих

точках она выбирает именно его, чтобы быть понятой? Благодаря Битову теперь все уже знают про зайца, перебежавшего дорогу Пушкину в декабре 1825 года и тем предотвратившего его участие в восстании на Сенатской площади. Для Битова за анекдотом стоит момент выбора пути, важнейший момент в жизнестроительном деле художника. Но больше всего Битов написал о последнем пушкинском годе и о смерти, читая и смерть как текст и усиливаясь понять пушкинскую жизнь тем единственным способом, каким можно ее понять, – с конца. Подходы тут у него – разные, результаты – неожиданные. Так, неожиданным был результат битовского сопоставления двух независимых текстов – письма Жуковского о последних пушкинских днях и пушкинского описания смерти Петра I. Битов сказал осторожно, что эти параллели «наводят на мысль». Осмелюсь продолжить – они наводят на разные мысли, и, в частности, на ту, что слово, сказанное не всуе, оплачивается жизнью, совпадает с судьбой, получает пророческую силу во времени. Это знал Пушкин, это знает Битов – «такова цена непрерывности текста русской литературы» (Битов, последние слова книги «Моление о чаше. Последний Пушкин»).

В заключение дадим слово самому старшему из битовских героев-пушкинистов – Модесту Одоевцеву:

> «Ты царь: живи один. Дорогою свободной
> Иди, куда влечет тебя свободный ум…

Ведь не “дорога свободы”, а дорога – свободна!.. Дорогою свободной – иди! Иди – один! Иди той дорогой, которая всегда свободна, – иди свободной дорогой. Я так понимаю, и Блок то же имел в виду, и Пушкин… Куда больше. Понять – можно. Немота нам обеспечена. Она именно затем, чтобы было время понять. Молчание – это тоже слово… Пора и помолчать» («Пушкинский дом», с. 354).

Александр Ширвиндт

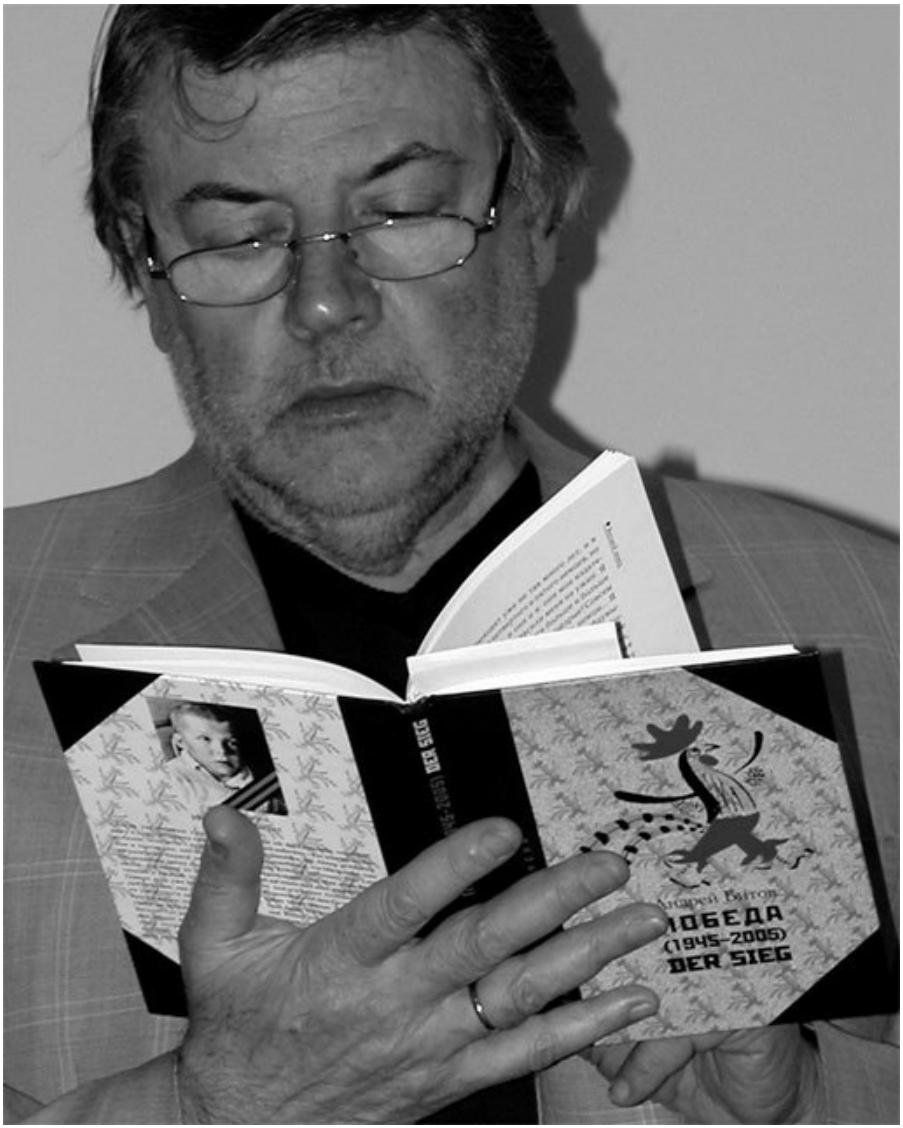
Еще бы не помнить…

Сон. От составителя

Вот цитирую интернет, который все помнит, но не всегда говорит правду. Сообщение «Новостей культуры» от 28 апреля 2005 года:

«Новая книжка Андрея Битова “ПОБЕДА 1945–2005” включает в себя короткие заметки, рассказ, эссе, отрывок из дневника – они сложились воедино благодаря сну. Именно во сне автор увидел эту книгу…»

И это – правда. Сон действительно был. Знаю об этом, потому что Андрей Георгиевич, проснувшись, позвонил мне утром, чтобы немедленно его рассказать. Дело это обычное, друзья знают: Битов часто видел и рассказывал сны и вообще относился к ним внимательно. Научился этому у Пушкина. Его сну о книжке «Победа» суждено было сбыться. Еще и потому, что я в то время была главным редактором маленького книжного издательства, а сон о книге «ПОБЕДА» был очень хорош. Книга обязана была выйти!



И вышла. Вовремя, в конце апреля. Как и привиделось во сне автору, на русском и немецком языках, на обложке – фотография пятилетнего Андрея времен ленинградской блокады… Пора было подумать о презентации. Договорились с Домом русского зарубежья. Небольшой зал был полон. Пришли не только русские читатели Битова, но и немцы из посольства Германии во главе с атташе по культуре.

А в качестве чтеца горьких, но местами и смешных до слез битовских текстов – о русских и немцах – я пригласила Александра Ширвиндта. Он согласился.

Презентация прошла блистательно. Два давно

знающих друг друга джентльмена – Андрей Георгиевич и Александр Анатольевич – довели немецко-русскую публику до счастливого изнеможения тонкостью русских и немецких отношений и характеров, выведенных в книге… Через несколько дней актеру с писателем захотелось встретиться снова, на этот раз просто в любимом Битовым кафе, которое когда-то оформил Резо Габриадзе… Сон сбылся, и было счастье.

Анна Бердичевская

Мы не были закадычными друзьями, встречались не часто, но очень долго по сроку знакомства.

Битов был из тех редких особей, которые инстинктивно брезгливы и осторожны во взаимоотношениях. Не от фанаберии, а от обратно-противоположного, от стеснительности. Потому что не хотел нарываться на глупость и пошлость.

Это не одиночество, это фильтрованное существование в так называемом обществе.

В тот майский день, что на снимке, грех было не выпить за Победу… Мы выпивали с Битовым не часто, но и не раз. Делали это исключительно со взаимным удовольствием, когда-то помногу, потом поменьше, потом мало. Не от осмысления вредности алкоголизма, а от спидометра возрастных возможностей. Как-то, помню, в прошлом тысячелетии, сидя в ресторане ЦДЛ, после какого-то моего внешне успешного выступления, Андрюша сказал грустно: «Тебе не надоело быть круглосуточно находчивым?..»

Он, правда, сказал не «не надоело», а иначе. Но уместно ли это ёмкое выражение в интеллигентном издании?.. Хотя, по сути, продавать книги с грозными предупреждениями – ловкий коммерческий ход. Вот книга закатана в целлофан с огромной наклейкой 18+ и на весь «супер» раскинута надпись: «Здесь используются мат и нецензурные выражения». Сам видел в книжном магазине очередь пятиклассников за этой литературой… Книга об Андрее Битове обойдется и без такого пиара…

Русская словесность, как уходящая натура, говоря кинематографическим языком, превращается в легенду. Ее все реже читают, а только вспоминают. Вот у Хармса: «В лесу меж сосен ехал всадник, храня улыбку вдоль щеки»… Или у Энтина: «Затянуло бурой тиной гладь старинного пруда, что ж ты, милый Буратино…» и т. д. Срифмовать «Бурой тиной» с «Буратиной» – и можно больше ничего не создавать…

Но Битов! В одном из его текстов парень обнимал любимую

девушку пиджаком – нежнее и образнее не придумаешь. Не скажу, сколько лет помню свое изумление по поводу этой битовской девушки, этого пиджака и этого объятия… И так у него повсюду – обмираешь от точности, от простых, а иногда и очень простых пропущенных тобою вещей…

Битов тяготится своей эрудиции. Он стесняется расшифровывать образность для жлобов. Отсюда извинительная нежность к слову и тяга к монологу. В замечательном предисловии к книге Михаила Жванецкого «Год за два» он

заметил: «Монолог – это когда остальные вынуждены молчать, когда им некуда вставить словечко»…

Что делать, когда человек – ушел? Вспоминать. Грустное занятие. Но и счастливое, и единственное. А по зрелом размышлении – необходимое. Суммарно мы, уже немногие живые свидетели, «восстанавливаем» живого человека. И настоящего русского писателя. Это хотя б отчасти застрахует любознательных потомков от обращения к Гуглу за справкой про Андрея Битова – чтобы внести его в кроссворд по вертикали из пяти букв.

Нет, Битов олухам не дастся. Он и при жизни совершенно не подлежал использованию не по назначению.

60-е… Довлатов, Сергей Вольф, Светозар Остров

Из предисловия к книге стихов Сергея Вольфа «Розовощекий павлин»

«В тридцатые одному эмигранту из Петрограда довелось посетить Ленинград. Он прошелся по Невскому и спросил: куда подевались красивые люди?

Вольф – красив: это, как сказали бы теперь, его имидж, его месседж.

Все мы, питерские, такие: не шестидесятники. Шестидесятники мы разве потому, что нам за шестьдесят, что дети наши родились в шестидесятые, что мы с шестидесятой параллели. «Великий город с областной судьбой»… К Питеру несправедливы как к красоте.

Что это было за время такое, когда разница до пяти лет… означала чуть ли не разницу в поколениях?

Конец пятидесятых… Сережа Вольф сильно старше меня: года на полтора-два… В моих воспоминаниях: ни строчки без дня. Вот день, когда Вольф мне дает «Столбцы»; вот день, когда я слышу от него слово Набоков; вот день, когда он мне показывает четыре тома Пруста; вот день, когда он учит меня пиву: в Ленинграде открыли первый бар, а я еще ни разу в жизни пива не пробовал. Учитель.

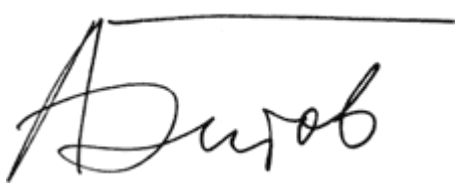
Вольф был учителем целого поколения. Великолепный рисовальщик Свет Остров что бы ни рисовал, зайца или льва, а получался – Вольф…

Между прочим, он мог сочинить и такой стишок:

Сяду я на саночки
И поеду к самочке.

А мог и такой:

Шел по улице зверек,
Делал лапкой поперек.



Светозар Остров [5]

Когда мы были молодыми…

О Толстом Набоков сказал: «Толстого вы читаете потому, что не можете оторваться».

Начало шестидесятых, июнь или июль, Ленинград, сижу в мастерской.

Заходит Сережа Вольф:

– Ну привет! Что ты здесь засел в своих казематах?

– Как видишь, засел и сижу.

– Значит, так: Андрей Битов скучает на даче, без конца зовет: там был вчера тихий семейный праздник, я не смог поехать, а завтра давай вместе.

– А кто это?

– Ты что, не знаешь этого монстра?

– Впервые слышу.

Художник Светозар Остров. Наши дни

– Странно. Короче, бросай все, и пройдемся по воздуху. Он с соседом изобрел какой-то летательный аппарат и хочет его опробовать, да и просто проветримся.

– Давай!

Назавтра с утра тепло, солнечно. Финский вокзал, электричка, Токсово. Дорожка в зелени и цветах. За столом сидят хозяин с женой. Самовар с неснятой трубой, из которой дрожит воздух.

Объятья друзей, знакомство незнакомых, к столу. Только

сели, вскакивает хозяин:

– Сейчас я вам что-то покажу.

– Только не долго! Надо самовар раскочегарить! – Жена миловидная, полная, с приятными веселыми нотками в голосе, зовут Инга…

Пристройка к дому. За деревенской занавеской (на белом фоне розовые цветочки и зелененькие листики разбросаны) в полной тишине что-то капает… Впервые я вижу самогонный аппарат! О них, естественно, слышал. Мне уже двадцать четыре или пять; оказывается, я полный профан.

– Хватит глазеть! – это хозяин.

Заходим в залитую солнцем комнатку, вспоминаю слова из стиха Арсения Тарковского: *Отец стоит на дорожке. Белый-белый день…*

Андрей открывает шкафчик с полным графином.

– Ну, старики, за нас с Ингой!

Сережа меня лет на десять старше, и впрямь «старик». А Битов почти ровесник.

Одна-две рюмки, и возвращаемся за стол.

– Как прошли смотрины? – Жена обращается к мужу: – Как *летательное устройство*?

– Все в восхищении!

– Я чувствую, плавный взлет начинает быть… Всё, я пошла к соседке. – Инга смеется и желает нам счастливого полета.

Мы переехали в комнату Андрея, и завязалась беседа Сережи с Андреем, двух еще почти не печатаемых писателей. Я поймал себя на том, что поражаюсь Андрею, тому, что и как он говорит, и с большим, неведомым мне интересом – слушаю его. Способность стать эрудированным человеком дается, я уверен, от природы. Но такую неожиданную, парадоксальную интерпретацию глубоких познаний я вряд ли когда слышал.

Художник Светозар Остров. 60-е годы

Андрей поразил меня даром рассказчика. Напомнил в этом плане Довлатова, однако – другой! Удивительны обороты, редкая конструкция фразы. Иосиф как-то сказал замечательно, что «слова во фразе значительно больше предполагают, чем буквальное их семантическое восприятие»… У Битова именно так.

Ну что, думаю, еще один незаурядный будущий автор. Так как уже знал и Бродского с Довлатовым, и стихи Сергея Вольфа, и даже первую его детскую книжку проиллюстрировал. Рад был услышать еще одного очень талантливого человека. Потом была прогулка по лесу и – в наш летний мегаполис…

Да, Андрей чем-то напоминал мне Бродского. Иное, но тоже поразительно острое мышление, лучше сказать – мысление (мысль, смысл и т. д.). Оба владели одним из достойных искусств – умением говорить живо и умно, увлекательно…

В дальнейшем, увы, в состоявшихся профессионалах я слышал звуки флейты и контрабаса, уныло ведущих одну и ту же тему…

Каким-то образом наши с Андреем жены подружились, да и мы тоже.

Прошло энное количество времени. Звонит Инга моей жене и приглашает нас на ужин. Морозная зима. Вечером в Питере уже ночь.

Чудесный семейный ужин при свечах. Вдруг Андрей предлагает мне после аперитива выйти во двор, хочет кое-что

показать. Двор едва освещен мерцающим светом, напомнившим слова из песни Глеба Горбовского «Когда качаются фонарики ночные, когда на улицу опасно выходить…» И при этом свете в углу двора посверкивает свежим лаком машинка, кажется голубой «Москвич».

– А-А-А-??!!!? – это я.

– Ну что, неплохо? – то ли спрашивает, то ли утверждает Андрей.

А мне на днях предстоит сдавать на права вождения, и он знает это. Вдруг говорит:

– А что, если нам прокатиться? Давай?

– Давай!

В это время еще не было охлаждающей жидкости, короче, он сбегал за водой, мы залили ее… И… к счастью, машина не завелась. И мы мирно вернулись к столу.

На следующее утро звонит Андрей:

– Свет, давайте немедленно ко мне!

У нас было принято, если кто-то звонит – без объяснений, ничего не спрашивая, каждый срывался и ехал. Благо мастерская моя была рядом.

Я уже у него. Андрей со счастливым видом приглашает меня к столу, где стоит непочатой матовая литровая бутыль «Московской» водки (кстати, был как-то удивлен в Каире: в дорогом баре, в гостинице, на видном месте красовалась точно такая же бутыль).

– Ну что, – говорит Андрей, – выпьем за бесшумный взрыв?

– Что за взрыв? Почему бесшумный?

– А потому бесшумный, что я не слышал. Я спал. Короче, я идиот, забыл слить вчера воду, которую мы с тобой влили, и мотор разорвало.

Я в шоке. Вот беда!.. Приехал мастер, который учил Андрея сидеть за рулем. Покачал головой, ушел.

Проходит какое-то время.

Звонит мне Андрей:

– Ты очень занят? Сейчас буду у тебя!

Входит со счастливым видом. Кидает на стол книгу.

– Что это?

– Это «Колесо», читай на обложке: Андрей Битов, «Колесо»… Если бы не ты, книжки бы не было. – И восклицает: – Вот жизнь! Что ни эпизод – то минус! Но перечеркнутый минус – это плюс!..

Оказывается, пришлось бедному Битову (так как ничего он еще не знал и не понимал в авто) искать непростой путь реабилитации меня, себя и своего автомобиля. Нашлись удивительные люди – автогонщики, с которыми он подружился еще и потому, что они читали его книжку «Аптекарский остров». Узнав, что Андрей – автор шедевра, они просто обалдели и

машину сделали с благодарностью за то, что – гений!

Неожиданно Андрей предлагает мне нарисовать его книжку «Путешествие к другу детства». Это едва ли не единственная у него вещь, интересная не только взрослым, но и детям. Я прочел ее с удовольствием, он звонит:

– Ну как тебе?

– Просто прекрасно.

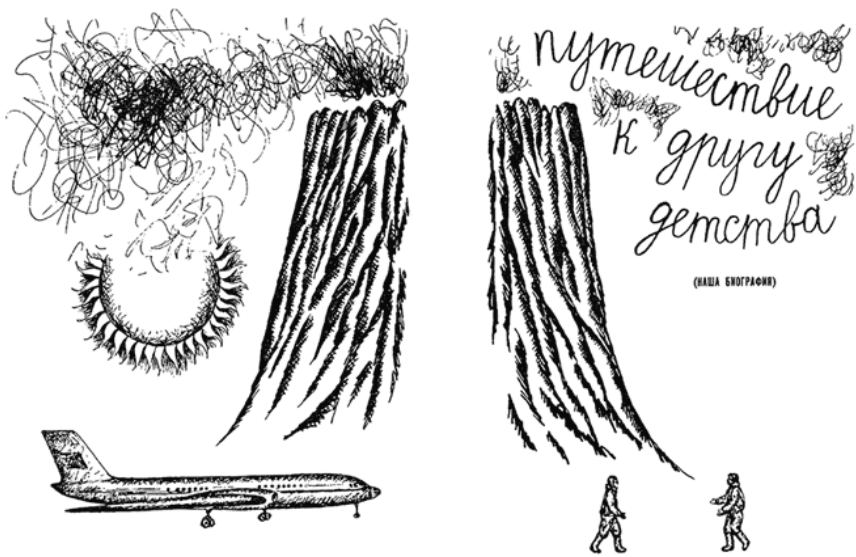
– Ну брось… – застенчивым голосом. – Можно заглянуть?

– Немедленно!

Приходит.

– Ты знаешь, мне несколько неловко… одним словом, мне кажется, что названия главок мне хотелось бы между строк как-то… ну, чтобы они читались, но не бросались в глаза…

– Прекрасно! – говорю я. – Эту важнейшую мысль осуществим немедленно!



Рисую ему варианты. Андрей смотрит наброски, шуршит бумажками:

– О, да, да, да!..

Его застенчивость и то, как он просто, но доходчиво объяснил мне ход своих мыслей, меня удивили и порадовали, в его манере была тонкость.

Он ведь опасался, не вторгается ли он в мою профессию.

Кстати, в связи с этим же удивительным качеством,

тонкостью, далеко не всем присущей, Андрей еще раз напомнил мне о Бродском…

Еще такой случай, при Горбачеве.

Союз писателей находился в двух шагах от моего работодателя, издательства «Детская литература». В СП было уютнейшее кафе – скорее, маленький ресторанчик с барной стойкой. Но после «горбачевской» вырубки виноградников стойку закрыли… Я заглядывал в этот уютный уголок, и довольно часто мы там встречались с Андреем.

Помню, там постоянно присутствовал один человек, с виду безобидный, но… неприятный. Мало сказано. Просто всем известный стукач. Как правило, посетители собирались к концу дня, а он уже там, подсаживался бесцеремонно к столикам, внедрялся в разговор. Начинал он, перебивая всех, с коварной улыбочкой: «Пора давать отпор!..» И, естественно, он получил прозвище – Отпор.

В один из дней он появился в кафе. Совершенно пьяный, прошел к столу, куда присаживались официантки, и заказал графинчик водки. За всеми столами идет тихая беседа, играет музыка. Почти все друг с другом знакомы.

Вдруг раздается бешеный вопль: «Ты что мне вчера сказал, жидовская морда?!» А это Отпор, он стоит у стола Наровлянского и орет, наклонившись над его лицом.

Наровлянский – крайне пожилой и очаровательный человек, знаменитый фотокорреспондент, прошедший всю войну.

Молниеносно перед Отпором возникает Андрей, разворачивает его к себе лицом – и тот улетает под пустующий стол. Далее тишина. Кто-то заглядывает под стол. Всеобщий ступор. И тут слышится звучный храп. Отпор заснул, не приходя в сознание. И милиционеры, которых вызвали, мирно его унесли…

В Евангелии от Матфея сказано: «Ибо нет ничего сокровенного, что не открылось бы, и ничего тайного, что сокрыто».

С горечью и грустью вспоминаю ушедшего Андрея Битова. Но, конечно же, мы там увидимся еще!

Юрий Рост [6]

Жизнь требует усилия

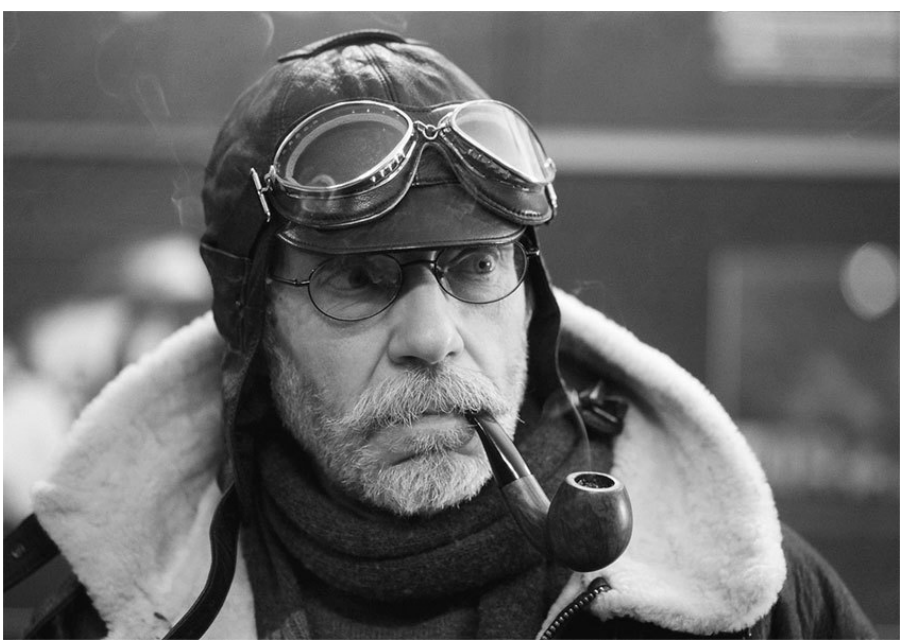
Жизнь требует усилия.

Даже постижение (не то чтобы создание) нетривиального требует душевных затрат.

Мир устраивается теперь для ленивых и нелюбопытных, все больше обретая черты дешевого (или дорогого) рынка с разовыми формулами, готовыми к недолгому потреблению. Они упаковываются в цветные, лакированные или нарочито грубые, из крафт-картона, слова и сминаются нами в мусор после случайного и легкого использования, не оставляя следа в душе или вовсе опустошая ее до звона.

И только Текст и Комментарий к нему, на которых, может быть, и следа не видно того, что их породило (безостановочной работы ума и сердца), добавляют к тому, что подарил нам Творец.

Битов создавал тексты и рождал мысли, порой вызывая раздражение блестящим и непростым русским языком, психологичной точностью письма и глубиной, до которой не каждому донырнуть.



Ю. Рост. Из архива А. Битова

Когда-то, в молодые годы, он и меня пугал неприступностью (избранный для избранных), пока однажды в беспокойстве и смятении, порожденном хламной сутолокой каждодневной

мерцательной аритмии городской жизни, я не открыл книгу Андрея Битова «Птицы»…

Потом «Человек в пейзаже».

Дальше я путешествовал с ним. Не скажу, что он помог мне организовать пространство и время, упорядочил душевное движение. Нет, но я обрел Человека – в том самом, опасном для одного и единственном пейзаже…

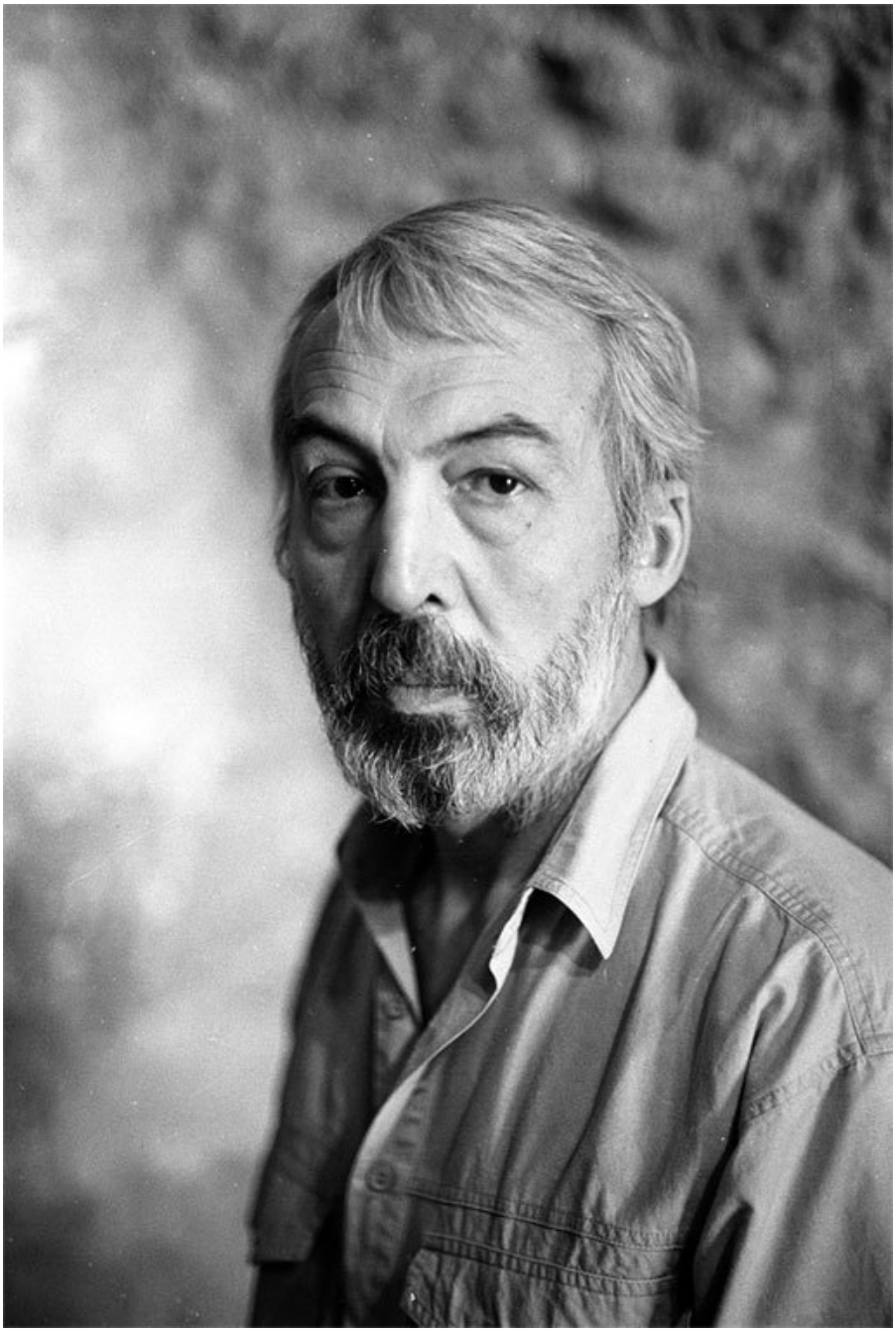
А. Битов, Ю. Рост, А. Великанов, Р. Габриадзе в клинике Бурденко

Потом я полюбил все его книги, объединенные в «Империю», и оставшиеся независимыми статьи, эссе и предисловия к чужим трудам…

Я любил его слушать и следить за тем, как смысл обретает форму. Я любил дружить с ним, и на это мне не было жалко усилий.

…Поостерегусь оценки его дара и места в русской и мировой литературе. Не потому, что оценка эта может показаться чрезмерной какому-нибудь ревнивцу, а потому, что Битову она не нужна.

К своему Таланту он был еще и очень умен. И образован. И любим друзьями. И верен им. И красив…



Андрей Битов. Фото Ю. Роста

Из выступления Юрия Роста на прощании с Андреем Битовым (7 декабря 2018 года, Москва, ЦДЛ):

Может быть, что главным своим другом он считал

Александра Сергеевича Пушкина. У него с ним были отношения. Мы этих отношений не знаем, мы знаем только отголоски их. Он очень много писал и разговаривал с Пушкиным. И в этом ничего удивительного нет, потому что умнейший человек XIX века в русской культуре и умнейший человек XX века – они находили общий язык.

Галина Юзефович [7]

Нам еще предстоит дорасти, дотянуться, дожить…

Прозу Андрея Битова у нас принято паковать в коробку с надписью «шестидесятники» – вместе с книгами Василия Аксенова, Анатолия Гладилина, Фазиля Искандера, Беллы Ахмадулиной, Андрея Вознесенского, Евгения Евтушенко и других отечественных литераторов, которым довелось родиться в тридцатые или в самом начале сороковых и пережить творческий расцвет в шестидесятые годы. В некотором смысле такое определение его принадлежности справедливо: выпускник геологоразведочного факультета, романтик, физик и лирик в одном лице (первые его литературные опыты были именно поэтическими), Битов воплощал в себе многие типические черты своего обаятельного поколения.

Однако при всем том трудно представить себе фигуру более обособленную даже внутри такой неоднородной и многоликой общности, как «шестидесятники». На протяжении без малого тридцати лет, с начала 1960-х до конца 1980-х, от первых публикаций в толстых литературных журналах до громкой, но относительно скоротечной постперестроечной славы, Битов неизменно пребывал на тесном пятачке вненаходимости, причем не идеологической, а сугубо эстетической и культурной. Равно чуждый как советской романтике, так и антисоветскому протесту (участие в знаменитом неподцензурном альманахе «Метрополь» в 1979 году было для писателя жестом в первую очередь художественным, а не политическим), бесконечно далекий от литературно-идеологических противостояний и альянсов своих сверстников, на протяжении большей части своей писательской карьеры Андрей Битов писал безупречно европейскую, антипровинциальную по своей сути прозу, которая в его времена, казалось, чисто технически не могла быть написана на русском.

Статья в «Википедии», а вслед за ней многие другие публикации с оттенком легкой снисходительности описывают Битова как «одного из основателей постмодернизма в русской литературе». И это суждение, в общем, так же трудно оспорить, как и его причисление к категории шестидесятников. Многослойные интертекстуальные игры в самом известном романе Битова «Пушкинский дом», его ироничный литературоцентризм, поливариантность концовки (читателю предлагается самостоятельно решить, погиб ли герой в драке со своим антагонистом или чудесным образом выжил) – все это

вполне укладывается в наше сегодняшнее понимание постмодернистского канона и совсем не укладывается в представления о советской литературе во всех ее мыслимых изводах. Пунктирность, прерывистость повествования в следующем крупном тексте писателя – романе «Улетающий Монахов» – и несколько миражная (но от этого не менее шокирующая) полиамория главного героя в качестве основы сюжета тоже позволяют говорить о Битове как о первом – или одном из первых – русских постмодернистов.

Тем не менее здесь вновь требуется важная оговорка. Описывая Андрея Битова таким образом, мы как бы по умолчанию предполагаем, что он всего лишь привил приемы постмодерна к родным осинам, адаптировал импортную интеллектуальную моду к отечественным культурным реалиям. Но это определенно не так: роман «Пушкинский дом» писался во второй половине 1960-х, когда и на Западе эстетика постмодернизма оставалась слабо отрефлексированной и почти не описанной экзотикой, а в СССР не просачивались даже самые скудные слухи о ней. Более того, даже по западным меркам «Пушкинский дом» был текстом в высшей степени необычным и

новаторским – не столько копирующим актуальные тенденции, сколько предвосхищающим их.

О Битове правильнее думать не как о «трансляторе» и «переводчике», но как о подлинном создателе, независимом изобретателе самобытного отечественного постмодерна. Или, пожалуй, еще точнее будет сказать, что те же сложные социальные и культурные вибрации, которые породили постмодернизм на Западе, парадоксальным образом пробились сквозь железный занавес и вступили в диковинный резонанс с ленинградским писателем Андреем Битовым, навечно обособив и отделив его от других авторов того же поколения.

Эта чуть рассеянная и отстраненная, обманчиво высокомерная, но на самом деле абсолютно природная и естественная неспособность соответствовать актуальной повестке сыграла с Битовым странную шутку. Не став активным участником перестроечных идейных баталий, в 1988 году он внезапно оказался на посту председателя российского ПЕН-Центра, которым – опять же в силу органической неспособности к альянсам и кулуарным играм – руководил не слишком эффективно. Преподавал в Литинституте, но не оставил людей, готовых назвать себя его учениками. Политические высказывания Битова (например, в 2014 году писатель выступил против присоединения Крыма) не отличались системностью, поэтому прав на него не смогли предъявить ни условные «либералы», ни такие же условные «почвенники»: казалось, он откликался лишь на события, важные ему персонально, причем выборка их была непредсказуемой и произвольной.

Как результат, Битов оказался в странной изоляции. Признанный классик, он вместе с тем практически не присутствовал в сколько-нибудь широком читательском сознании, а его поздняя проза – в частности, балансирующий на грани гениальности сборник малой прозы «Преподаватель симметрии» – так и не была толком прочитана.

Странно говорить такое, но, возможно, это обстоятельство отчасти смягчит нам горечь утраты: писатель ушел, но оставил тексты, до которых нам еще предстоит дорасти, дотянуться, дожить.

А дотянувшись, вновь поразиться тому, как же советское культурное пространство смогло породить нечто настолько необычное, яркое и вневременное, как творчество Андрея Битова.

Павел Крючков [8]

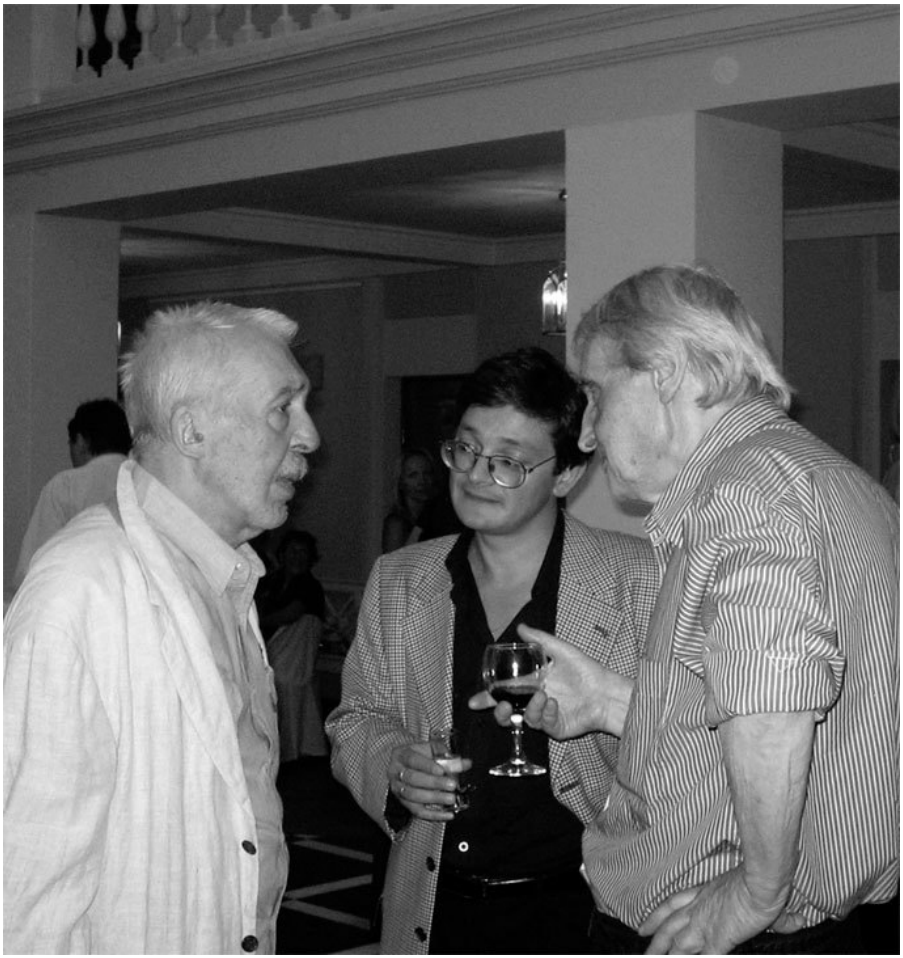
День звукописи

«Текст – фантастическое совершенно существо…»

Андрей Битов

Все началось в 1987 году, с «Фотографии Пушкина», моей любимой битовской повести, впервые прочитанной, как сейчас помню, на страницах «Знамени». (Наша семья – пять человек в однокомнатной квартире – выписывала не менее десяти толстых журналов.)

В битовскую повесть я был влюблен. Всей душой сочувствовал и остро завидовал ее герою, бедному Игорю Одоевцеву, потомку того самого Левы, с которым мне еще предстояло встретиться в конце «перестроечного» года, на страницах уже другого знаменитого журнала, «Нового мира», там впервые в России был опубликован роман «Пушкинский дом».



О том, что Пушкин – это тайна, причем ускользающая, я, как ни странно, знал с самого детства. И вот в «Фотографии Пушкина» мне *показали*, как именно она ускользает.

Только теперь я сообразил, что Битов писал свою повесть в «доцифровую» эпоху, сегодня его герой отправился бы в прошлое – фотографировать и записывать голос Пушкина – без пленочных магнитофонов и фотокамер. Зачем, когда есть айпады и айфоны? Но тогда все было «по-другому»: «Слайды Игоря проявили, пленки прослушали… Шорохи, трески, мольбы самого времелетчика, чье-то бормотанье, будто голос на другой частоте или магнитофон не на той скорости, и вдруг – отчетливо, визгливо и высоко: “Никифор! Сколько раз тебе говорил: ЭТОГО не пускать!”»

Если бы мне сказали, что спустя годы я попаду на работу в «Новый мир», где однажды буду готовить стихи Андрея Битова к публикации, – я бы, разумеется, не поверил. И уж тем более не

поверил бы, что я же «спровоцирую» аудиозапись его авторского чтения и удивительных монологов-воспоминаний! Теперь они есть и останутся…

Забегая вперед, скажу, что в день прощания с Новой Пушкинской премией фрагменты памятной для меня звуковой истории впервые прозвучали публично. Произошло это, как всегда, в Государственном музее А. С. Пушкина на Пречистенке 27 июня 2019 года. Премия была закрыта в связи со смертью пожизненного председателя жюри этой уникальной премии… И вот живой голос Битова зазвучал в московском «пушкинском доме». Сначала он просто заговорил: низкий, хриплый, неторопливый голос.

«…Часто спрашивают: “кого вы читаете, кого цените?”, – а я не читатель, и читаю мало, трудно, так же как и пишу… То есть читать я могу только то, что можно написать. А это – редко. И лучше перечитать что-нибудь из того, что не подведет. И оно снова живет: текст вообще фантастическое совершенно существо. Он, действительно – форма, которая наполняется следующими смыслами. …Я даже сейчас читаю стихи, которые я считал заведомо плохими, а они мне кажутся лучше… не потому что… ну, в общем, не потому, что я стал относиться к себе лучше».

Это был первый день рождения Андрея Георгиевича – без него самого.

В начале последнего десятилетия прошлого века появилась «Независимая газета» («НГ»). Некоторые предварявшие ее появление редакционные заседания будущего отдела культуры (напоминавшие встречи в прогрессивных масонских ложах) проходили на одной из старинных переделкинских дач. Вокруг низкого столика рассаживались, например, такие люди, как Фазиль Искандер и Владимир Лакшин.

Битов в то время поселился неподалеку, в Железнодорожном проезде, и довольно скоро начал сотрудничать с газетой. Интернет в России еще не появился, и я несколько раз оказывался битовским курьером, отвозил его рукописи в редакцию, куда меня взяли корреспондентом. Битов знал, что по выходным я вожу экскурсии в – самодеятельном тогда – Доме-музее Корнея Чуковского, а это четверть часа ходьбы.

…На дворе стояла зима, и однажды я отправился к нему, чтобы взять сочинение под названием «Усталость паровоза» (услышав название, помню, спросил: «Какого паровоза?» – «Ну, если хочешь, того самого, который *вперед лети*», – усмехнулся А. Г.).

Когда, преодолев сугробы, я вошел в дом, глазу открылась

примечательная картина: посреди ярко освещенной комнаты стоял высокий деревянный стул для кормления, в котором вертелся младший сын писателя Егор. Жена Битова Наталья безуспешно пыталась его накормить.

Сам Андрей Георгиевич, в накинутой на плечи куртке, сидел у стола, заваленного бумагами, курил «Беломор» и говорил о Пушкине.

Я рассказал ему о своей влюбленности в его фантастическую повесть. «И чем же это она тебя так пленила?» – покосился он на меня.

«Пуговицей, которую Игорь незаметно оторвал с пушкинского сюртука, и финалом. Ну, что ничего у него не получилось с Пушкиным – ни записать, ни сфотографировать…»

«Им невозможно заниматься… – Битов как будто продолжал начатый разговор. – Вот я сейчас думаю о Пушкине у Хармса. Помнишь, про четырех сыновей, один из которых не умел сидеть на стуле и все время падал?»

На этих словах младший битовский сын вывернулся наконец из своего стульчика и действительно полетел на пол вместе с кашей. Истошный рев наполнил комнату, Наташа бросилась спасать положение.

Битов остался невозмутим и даже доволен. «Ну, я же говорю тебе».

В этот момент дверь за моей спиной распахнулась, и на пороге появился заснеженный и сердитый Булат Окуджава, в

самой обыкновенной телогрейке.

Оба знаменитых писателя горячо заговорили о неведомом тогда мне «ПЕН-клубе», а я взял рукопись и приготовился бежать с поля боя.

«Подожди, – остановил меня Битов, – у Чуковского в кабинете все еще стоит игрушечный паровоз?» – «Стоит, и даже ходит». – «Он может пригодиться, устрой нам с паровозом свидание».

Через несколько дней Битов прибыл поздно вечером в дом-музей Чуковского на свидание с маленьким жестяным паровозом. Из Москвы, чтобы сфотографировать эту встречу, выдвинулся фотограф «Независимой» Дмитрий Бортко. Войдя в дом, Андрей Георгиевич достал из кармана бутылку джина и поставил ее у зеркала в прихожей. Мы пошли наверх, скоро появился и Дмитрий.

Эта был какой-то сюрреалистический вечер. Битов радовался детскому паровозу, как родному, фотографировался с ним и так, и сяк. Потом он рассматривал книжки на полках, довольно ехидно вспоминал, как Чуковский чуть не стал рецензентом его первой книжки «Большой шар», но, узнав, что ее нечаянно похвалил «душитель сталинской закалки» Ермилов, – от своего намерения отказался. Потом… я не помню. К счастью, в моем архиве сохранилось несколько фотографий Дмитрия Бортко. А паровоз в музее Чуковского стоит и сейчас.

Впрочем, нет, кое-что помню. Битов рассказывал нам об Олеге Васильевиче Волкове, однокашнике Набокова и соловецком сидельце, с которым дружил.

Велел прочитать «Погружение во тьму» и постараться увидеть Олега Волкова живьем: «Этот голос и эту выправку вы не забудете никогда».

Пройдет немного времени, и я окажусь у Волкова дома, приеду брать интервью для «Независимой» – о русском языке. Жена Олега Васильевича, Маргарита Сергеевна, пригласила в столовую: «Олег Васильевич сейчас выйдет». Открылись двери, и в комнату вошел очень красивый, высокий старик в отличном костюме, при галстуке. Он церемонно поздоровался, сел на диван и положил руку на голову породистой собаки, которая вбежала вслед за ним.

Зазвучала грассирующая, петербургская речь. Я включил свой магнитофончик.

Спустя годы, когда Олега Васильевича уже не будет на свете, я покажу фрагмент этой записи в эфире «Радио Свобода», в программе Леонида Дубшана, посвященной литературной

звукоархивистике.

И благодарно вспомню совет Андрея Битова.

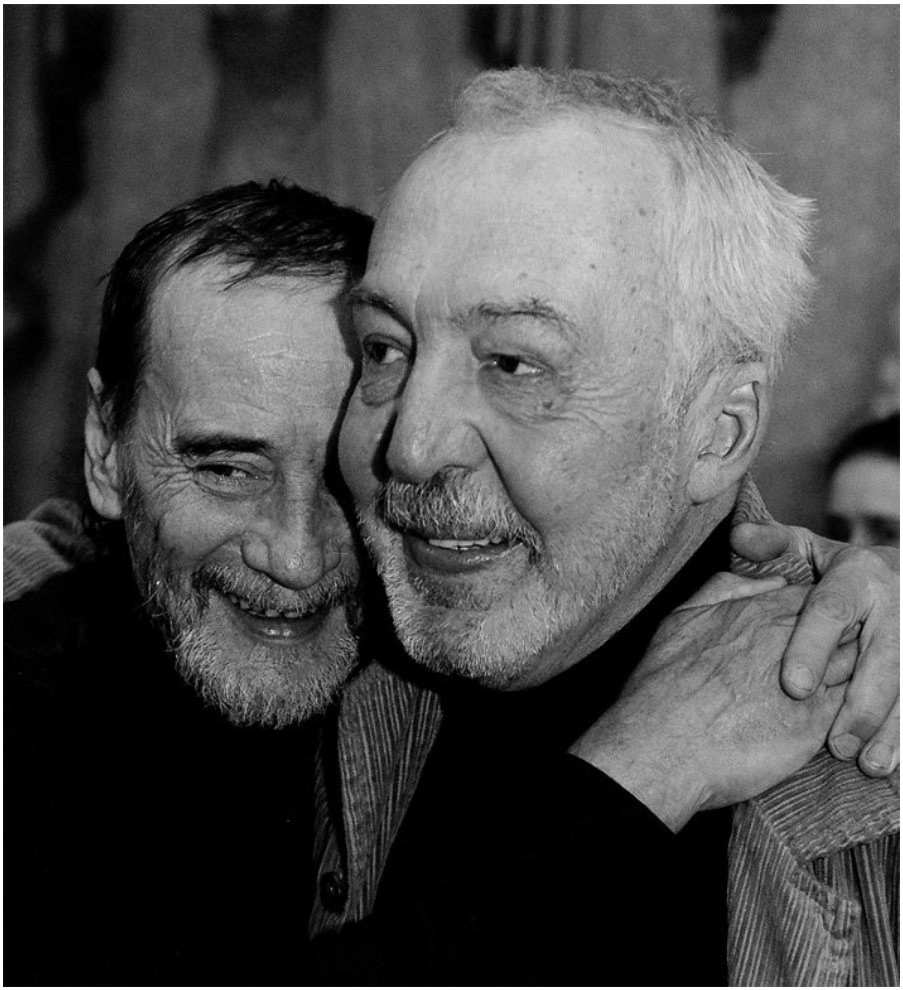
Устная речь была для Битова особой темой. Он сам не раз говорил, что разница между нею и письменным словом (в его конкретном случае) постепенно стирается и становится все менее заметной. Что же до авторского *чтения*, то это явление, где, как я всегда полагал – вослед моему учителю, звукоархивисту Льву Шилову, – сохраняется богатый отпечаток личности *читающего*. И тут Битову равных не было.

Он шел куда дальше: читая вслух чужое, открывал «шкатулки», снимал «замки». Это касается и его невероятных чтений беловых и черновых пушкинских тестов – вместе с игрой прославленных джазменов (я дважды с упоением писал об этом его искусстве в новомирской рубрике «Звучащая литература»).

Когда в октябре 2004-го на сцене московского Дома ученых мы с музыкантом и звукорежиссером Антоном Королевым представляли аудиопроект – интернет-сайт «Звучащая поэзия» и десять компакт-дисков с авторским чтением современных поэтов, от Александра Кушнера и Елены Шварц до Олега Чухонцева и Бахыта Кенжеева, – Андрей Георгиевич был в зале среди слушателей. После окончания вечера – а большой зал был переполнен, – все пошли на фуршет[9]. И там Андрей Георгиевич увиделся с древним своим товарищем – знаменитым поэтом, музыкантом и художником Алексеем Хвостенко. Я уже знал, что – помимо всего прочего – Хвост сам записывал авторское чтение русских поэтов в Лондоне и Париже: сначала Бродского, затем Сапгира и, кажется, Холина.

Стоять рядом и слушать, как они разговаривают, было наслаждением.

Как будто зазвучали два диковинных инструмента: низких, глубоких, обаятельно-хриплых. Эту счастливую и очень нежную встречу старинных друзей запечатлел легендарный фотограф Юрий Феклистов.



А. Битов и А. Хвостенко

А потом мы договорились с Андреем Георгиевичем о записи его авторского чтения. И в декабре того же года мы с Королевым отправились к нему на Краснопрудную улицу. Эта поездка и подарила название моему нынешнему «мемуару». Настал «день звукописи».

Андрей Георгиевич был дома один. Пока мы налаживали аппаратуру, пока Антон размещал где-то над головой писателя специальные микрофоны[10], пока крепил еще один к его пиджаку, – Битов рассказал, что перед нашим приходом у него сочинилось стихотворение. «Давайте и его запишем», – попросил я.

«Сначала его надо внятно записать на бумагу», – ответил А. Г.

Мы договорились, что «ничего специально делать не будем»,

пусть все идет само: чтение стихов вместе с рассказами о них – как складывались, кто «стоял за кадром» и прочее.

Перед тем как прочитать стихи, Битов рассказал нам о своеобразии своей поэтической работы:

«…Значит, так у нас и пойдет, вперемежку с воспоминаниями, потому что для меня стихи – это мой дневник, это не “литература” для меня. Они фиксируют какие-то мгновения, и сейчас выплывают эти мгновения… Значит, однажды… ой, какая хорошая история…»

И рассказал, как однажды в Питере домашние послали его за маслом, а он встретил на улице своих «приятелей-пьяниц», которые по нему давно скучали. Выпив на Московском вокзале, Битов с друзьями почему-то решили на ночь глядя ехать в Москву. В столице они пошли с утра на Центральный телеграф – отправлять телеграмму домой с просьбой прислать денег. Дальше – туши свет: встречи с Борисом Спасским и Леонидом Губановым, утренние возлияния за пустыми столиками неподалеку от кинотеатра «Россия». «…Вот, сидим. Еще я не знаю, что там сзади – “Новый мир”. То есть я на него сержусь, потому что он меня никогда не печатал… Мы – сидим. Губанов начинает читать свою поэму “Козыри” во весь голос, остановиться он не может. Мы балдеем, потому что у него энергетика очень сильная и музыка очень сильная. И нас никто не вяжет, вот такие изумительные были дела…»

Если когда-нибудь битовская поэзия будет переиздаваться, нашу запись можно приложить к ней в виде компакт-диска. О, там есть что послушать!

Вослед чтению «переводов» из «Преподавателя симметрии» Битов рассказывает о встречах с Бродским. После стихотворения «Дядя» («Изменившийся простор, покосившийся забор…») – говорит об отце и деде. После посвящения Гранту Матевосяну – о самом Гранте. И конечно, о Габриадзе. О куклах, о театре кукол и Образцове, о зависти и восторге…

Стихотворение «Лестница» («Протоптал дорогу к Богу…») – из «Улетающего Монахова» – Битов дочитал с трудом, еле сдержав рыдание. Ко времени нашей записи он уже побывал на первых ступеньках этой лестницы, едва не погиб… Мы записали и маленькие больничные стихи, и поминание Георгию Владимову, и памяти брата…

Когда он читал стихотворение «Пасха», начали тихонько звонить настенные часы. Такие у него были часы, звонили, когда хотели.

В какой-то момент вспомнили о Хвостенко, которого мы с

Антоном записали за два месяца до неожиданной кончины поэта (без гитары, чистое чтение)…

Вспомнили, как они с Битовым недавно встречались в Доме ученых. А.Г. тут же рассказал, что Алешин отец, стихи которого Хвост тоже пел, был в школе битовским учителем английского. «…Почему он, Алешка, всю жизнь кажется мне маленьким? Потому что я был его на три года старше. Теперь уже *я был*. Неправильное время получается… Это здорово, что вы его записали, но смотрите только не будьте похоронщиками. Страшная часть вашей профессии…»

Мы выключили наши аппараты. Было заметно, что он устал. Я скрепя сердце напомнил ему о стихотворении, которое он сочинил именно сегодня. Андрей Георгиевич взял лист бумаги и довольно долго записывал текст крупными буквами.

По ходу, кажется, правил. «Включайте».

– И вот стишок, который я совершенно случайно, ни с того ни с сего – к вашему приходу написал, ровно когда вы входили. Значит, 19 декабря этого, 2004, года, на Краснопрудной улице:

Стихи заведомо плохие
Ты не боялся записать.
И вот приходят дни другие,
Их начинают узнавать.

И невостребованность тайны
Озимо всходит, как зевок,
Не шевели покров случайно
И не разглядывай намек.

Через полгода, в июне 2005-го, стихотворная подборка Андрея Битова под названием «Год Козы» вышла в «Новом мире». Стихотворение стало другим.

(Перед аудиозаписью)

Стихи, заведомо плохие,
Ты не боялся записать,
Ко мне приходят дни другие,
Их «Не дано предугадать».

Предлог, казалось бы случайный,
Вдруг превращается в урок.
Не шевели покрова тайны

И не разгадывай намек.

19. XII.2004, Краснопрудная

На вечерах, посвященных литературной звукоархивистике, я в подобных случаях говорю, что существуют не только «бумажные», но и «звучащие» черновики. Но в случае с Битовым мне хочется думать, что это два *отдельных* стихотворения.

Были и другие истории, другие встречи.

Однажды, летом 2007-го, оказавшись на кладбище в Комарове, под Питером, в один из ахматовских «деньрожденных» дней, – он повел показать могилу своего друга и отчасти литературного учителя Виктора Голявкина.

На мраморной плите я увидел невероятную надпись: «Мой добрый папа».

«Ты читал эту вещь? – спросил меня Битов. Я кивнул. – …Вот что надо печатать в наших журналах. Просто брать и печатать, снова и снова».

А в тот день, когда мы с Антоном Королевым его записали, он подарил нам по книжке своих стихов под названием «Дерево. 1971–1977». Это питерское издание было отпечатано тиражом в 99 экземпляров. На моем надпись: «…в день звукописи».

А. Битов у могилы В. Голявкина

По-моему, «день звукописи» продолжается и посейчас, ведь смерти – нет.

И голос у Андрея Георгиевича – все такой же. Абсолютно живой.

2019, июнь, Переделкино

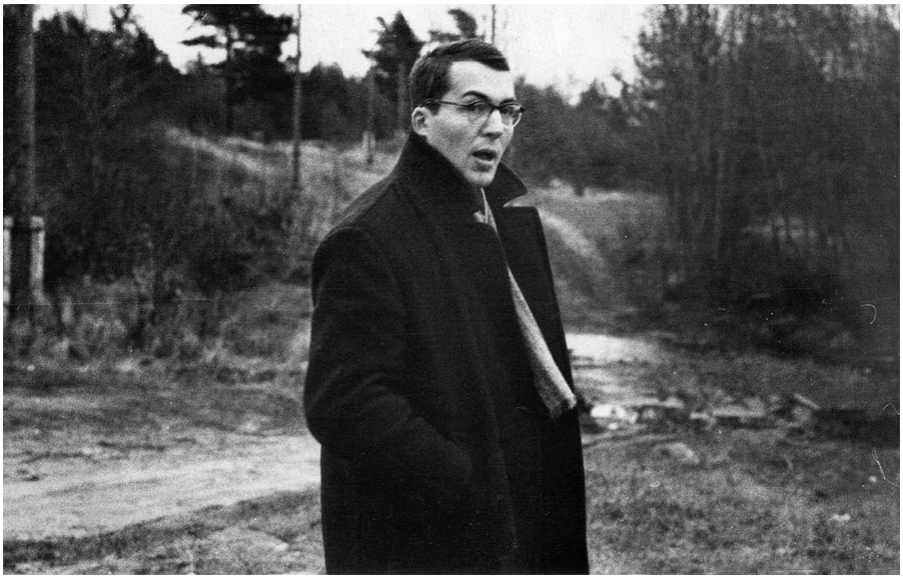
Ольга Шамборант[11]

Одинокий Битов

– Андрей Георгиевич! Барин! Как же быть?

Совершенно не к кому обратиться…

Битов – это слово. Стать словом – для писателя высшее достижение. Понять, как это делается, как возникает в массовом сознании эта вакансия – сложно, да и нет необходимости разжевывать – и так ясно, кто слово, а кто нет. Есть фамилии, есть клички, есть условные обозначения, но СЛОВО – только оно, пардон за каламбур, пароль. Наше детство (а наш советский период жизни в некотором смысле тоже сродни детству) еще до прочтения книг было наполнено такими фамилиями-словами разного калибра. Фамилии писателей, чьи книги требовалось читать, играли роль названий планет, вокруг которых мы вращались. Можно даже представить себе такую детско-юношескую игру – определять, кто слово, а кто нет. Попробуйте поиграть. Очень увлекательно. Пушкин, Гоголь, Чехов, Блок, Мандельштам, Пастернак, Есенин, Маяковский… Даже неразбериха с Толстыми не помешала Толстому-слову – если говорят просто Толстой, а не Алексей Константинович или, не дай бог, Алексей – всем ясно, что речь идет о Льве Толстом. (Есть случаи, когда вместо фамилии стреляет даже имя – Юз, Резо…) И то ли судьба раздает им такие ударные имена, то ли шлейф смутных о них слухов и представлений, то ли незабываемый эффект прочитанной книги, то ли все вместе. Недаром раньше, давно, многие брали псевдоним – чувствовали, что Горенко или Голиков могут разве что в местную газету заметки писать, а не очаровывать или пугать одной только фамилией. Не только у Островского и прочих гиперреалистов персонажи носят говорящие фамилии. Фамилии значительных писателей рождают новые вспышки смысла. Есть замечательные писатели, которые все же так не бьют своим именем наповал. Гончаров, например. Ах, Битов! С тобой бы поиграть в эту игру! Уверена, ты бы увлекся.



И вдруг, притомившись писать, заглядываю наугад в книжечку «Текст как текст» – страница 9.

Родина Руставели

Не стану утверждать, что я повторял знакомые мне с детства строки. Есть особая убедительность в имени поэта, и не читанного тобою. Ухо слышит звук, соответствующий чьему-то имени, сто раз, и в нем не будет имени. Но стоит раз произнести его человеку, знающему, что оно значит, знающему на высоте собственной любви, как вы и услышите и поверите. Слово «Руставели» слетает с уст грузина именно таким убедительным образом. Вы уже не сомневаетесь. Вам необязательно проверять.

Ах, Битов! Обо всем уже подумал!

В чем подвиг? Быть умным, быть очень умным, думать о смысле жизни постоянно как об актуальной проблеме, обращать внимание на все, что попадает в поле зрения, быть, в конце концов, талантливым – это нормально. Не так уж часто, но нормально. А вот суметь заставить себя и суметь все это варево изумительно написать и долго публично плодоносить – вот это уже другое дело. Это уже жертвоприношение. Конечно, все тщеславны, все любят лесть, но разница в том, что это было – служение или умысел. Как ни хитер он был, а все же его хитрость напоминала скорее фантазии Дон Кихота, помятого нашей действительностью. Он мечтал о торжестве смысла, искал, боялся и искал. Замечательно о нем сказал о. Владимир Вигилянский, увы, на отпевании – про его жизнь под Богом, под страхом

Божьим.

Битов требовал поклонения, а сам в себе сомневался, ориентировался не на восторги читателей, а на Высший Суд. Расчет в быту, в отношениях с Издателем был для него неуклюжей попыткой соответствовать делам человеческим, по сути, ему неинтересным.

Все пишут оттого, что не с кем обсудить НЕВЫРАЗИМОЕ, а если вдруг есть с кем, то сразу понимаешь, методом вычитания обнаруживаешь отличие своего восприятия от чужого и потребность свое – обозначить, застолбить и оградить – написать…

Битов – это совершенно обособленное явление, планета, со своими спутниками, силой притяжения, периодами обращения вокруг своего солнца и своей оси. Битов писал не беллетристику, а свои тексты, свои мысли, облекаемые сперва в рассказы, повести, роман, очерки путешествий, а потом персонажи все более превращались в участников диалога, на который распадался монолог автора. Путешествия превратились во взаимодействие автора с пространством, с поводами для размышлений, с подтверждениями наитий и предубеждений и т. п.

Битов искусный писатель, он написал уйму изумительных текстов, создал свою неповторимую интонацию, своим уникальным ходом мысли ошеломил, восхитил, но не дал приблизиться никому. Он выходил на дорогу и шел по ней – один. Бедный и богатый, маленький и большой. Герой какой-то замечательной сказки.

Все попытки сейчас сказать о Битове точно или более или менее полно напоминают присказки. Сказка впереди. И назвать ее надо большими буквами – ПРО БИТОВА.

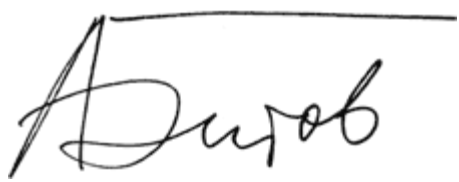
Из книги А. Битова «Птицы, или Новые сведения о человеке»

«Мы живем на дне воздушного океана. Среди домов и деревьев, как меж ракушек и водорослей. И вот ползет такой краб, скребя своим днищем по асфальту, с панцирно-неподвижной шеей, задерет лишь ненароком голову, переползая обстоятельство на пути, – там полощется небо, в нем повисла, еле шевеля плавниками, птица. Птицы – рыбы нашего океана. Мы живем на границе двух сред. Это принципиально. Мы не то и не другое. Только птицы и рыбы знают, что такое одна среда. Они об этом, конечно, не знают, а – принадлежат. Вряд ли и человек стал бы задумываться, если бы летал или плавал. Чтобы задуматься,

необходимо противоречие, которого нет в однородной среде, – напряжение границы. На этой границе постоянный конфликт и инцидент. Мы – напряжены, мы расслабляемся лишь во сне – в какой-нибудь отрысканной безопасности, как под камнем. Сон – наше плавание, единственный наш полет…

…У этой повести есть и своя героиня, и намек на любовную линию – Клара. Нет, это не была рядовая командировочная интрижка – это была нежность, род чистой влюбленности – и ровный ее свет скрашивал мне корреспондентское одиночество. Клара была молода, умна и красива. Она любила блестящие вещи, табак и умела считать до пяти. Она любила другого. Валерьян Иннокентьевич был изящный молодой человек. Она ласкалась к нему как кошка (сравнение очень некстати: кошек на биостанции не подпускали на выстрел – орнитологическая специфика…). Я думаю, что неразвращенному читателю уже ясно, что Клара…

Человек возникает как раз там, где вымирает любой другой вид. Ни теплой шерсти, ни грозных зубов, ни волчьей морали – брюки, пуля, религия…



Владимир Паевский [12]

Андрей Битов и орнитологи Куршской косы

3 декабря 2018 года в Москве, в возрасте 81 года, скончался русский писатель Андрей Георгиевич Битов.

Спустя девятнадцать дней, 22 декабря, в Петербурге, в музее-доме Владимира Набокова, что находится в самом центре города, рядом с Исаакиевской площадью, состоялся вечер памяти писателя. Литераторы, филологи и друзья Андрея Битова поделились с аудиторией своими воспоминаниями и своим отношением к его удивительному и оригинальному творчеству и к его замечательной, независимой, ни на кого не похожей персоне. Из широко известных поэтов на этом вечере о своей самой долголетней дружбе с Андреем рассказал и Александр Кушнер. Андрей Битов всегда был ленинградским, петербургским писателем и долгое время жил практически на два дома – и в Питере, и в Москве, постоянно переезжая между двумя столицами. Помимо всех общественных постов в писательской среде, именно он был идейным вдохновителем создания музея Владимира Набокова в Петербурге в 1998 году.

Присутствовали на этом вечере и мы – Татьяна Дольник (вдова Виктора Дольника, прототипа героя книги «Птицы, или Новые сведения о человеке») и я. Мы с сожалением отметили, что никто из выступающих не рассказал о том значительном пласте жизни Андрея Битова, который был связан с орнитологами. Биологическая станция «Рыбачий» на Куршской косе в Прибалтике – небольшой филиал ленинградского Зоологического института Академии наук СССР. Здесь, в бывшей Восточной Пруссии, с 1956 года усилиями профессора-энтузиаста Льва Осиповича Белопольского, а затем и профессора Виктора Рафаэльевича Дольника (в тексте Битова – доктор Д.), были возрождены интенсивные исследования птиц на одном из самых массовых путей их миграций. Во время Второй мировой войны исследования прежней, немецкой, широко известной орнитологической станции «Vogelwarte Rossitten» были прерваны. На этой станции в свое время было налажено научное кольцевание птиц, изобретенное в 1899 году Гансом Христианом Мортенсеном в Дании. Мы пошли дальше предшественников: в этом месте Куршской косы наша Биостанция впервые в орнитологической практике соорудила огромные, так называемые «Рыбачинские ловушки для птиц», ими можно было поймать (разумеется, в целях кольцевания) до нескольких тысяч птиц –

даже в один день при массовой миграции…

А. Битов на Куршской косе с вороной Кларой

Орнитолог В. Паевский

Я постараюсь здесь кратко рассказать об этой странице жизни Андрея Битова. Ведь она нашла весомое и – что говорить! – прекрасное отражение и в его творчестве.

Куршская коса! Размеренный шум морского прибоя, необъятные пустынные дюны, над которыми пролетают бесчисленные стаи птиц, поющий под ногами чистейший песок, янтарные россыпи на берегу… Все, кто приезжал в те годы на косу, безлюдную по причине пограничного режима, проникался очарованием и огромных песчаных дюн со стороны залива, и бесконечных зарослей низкорослой горной сосны, окаймленных ежевичными кустами, и беспрерывным пением зябликов и славок… Андрей Битов впервые появился на нашем полевом стационаре «Fringilla» в августе 1969 года. Приехал он вместе со своей второй супругой Ольгой Шамборант, посещавшей нас и ранее, сотрудницей известного московского Института химии природных соединений (ныне Институт биоорганической химии).

Наш стационар был удален от ближайшего поселка на двенадцать километров, в просторечии его так и называли – «Двенадцатый». Мы жили маленьким сплоченным коллективом всего из четырех человек. Большая часть сотрудников станции

жили и работали в главном здании – в поселке Рыбачий, но они иногда появлялись и на стационаре.

Битов приезжал именно к нам, на Двенадцатый, причем регулярно, на долгие сроки в летние сезоны многих лет… По крайней мере до начала 1980-х годов.

Впоследствии он также иногда появлялся на Куршской косе, но уже кратковременно. Поселялся Андрей в разных местах нашего «пункта». Иногда на чердаке, иногда, во время моего отпуска, в моем так называемом «панском» домике (Пан тогда было моим прозвищем). Жили мы практически бок о бок, столовая была общая. Там проходили вечерние чайные, а иногда и не только чайные, посиделки, обсуждения суеты нашего маленького мирка. Но и мира окружающего – с новостями, услышанными из всяких радиоголосов, и при этом – анекдоты и дружеское подшучивание, перемежаемое вдруг выросшей в разговоре очередной научной проблемой… Такова была обычная картина того времени.

Занимая разные помещения в наших домиках лачужного типа, Андрей Битов творил там ставшие современной классикой романы, включая «Пушкинский дом», и часто осчастливливал нас возможностью читать их в рукописи. Помню, что в беседах с ним я не раз говорил ему о том, что на меня произвели огромное впечатление его ранние рассказы, такие как «Пенелопа», «Сад», «Дверь», а вот текущая его проза кажется очень усложненной и трудной для восприятия обычного человека. Однако беседовать с Битовым было нелегко, поскольку его философски-образная манера мыслить, подчас парадоксально, иногда с трудом понималась в обычном разговоре.

Говорил мне Андрей и о том, что обычная человеческая жизнь протекает внешне спокойно, как бы «без эксцессов». Стоит ли ставить героев в искусственно создаваемые автором внешние критические ситуации? Он считал – нет, не стоит. Он в жизни, в поведении птиц, погоды, в психологии людей – самых простых, ежедневных – умел видеть тайную суть. Да, это было неожиданно…

Наиболее часто Андрей беседовал с Виктором Дольником, нашим ровесником, но уже тогда директором нашей биостанции (Битов и я родились с разницей в месяц в самый жестокий энкавэдэшный 1937 год, а Дольник – годом позднее). Эти беседы, проходившие часто во время неспешных продолжительных прогулок по морскому берегу, касались проблем биологической эволюции и этологии.

Андрей позже признался, что беседы с Дольником произвели на него неизгладимое впечатление – открыли ему глаза на

природу и на человеческое общество с совершенно новой стороны.

Несмотря на то что мы просили Андрея не писать о нас и нашей жизни (мы были просто по горло сыты, напичканы статьями о нас и наших птичках от многочисленных проезжавших мимо журналистов), он, слава богу, все же не утерпел и написал повесть «Птицы, или Новые сведения о человеке». Она была вначале предложена журналу «Аврора», но из-за вмешательства тогдашнего вездесущего партийного ока в лице ленинградского обкома КПСС печать затормозили. Интересно, что же они там крамольного нашли?.. И «Птицы» чудом, как писал потом Битов, были опубликованы в книге «Дни человека» в 1976 году, с посвящением «В. Р. Дольнику». В этой повести Виктор Дольник фигурирует под именем «доктор Д.».

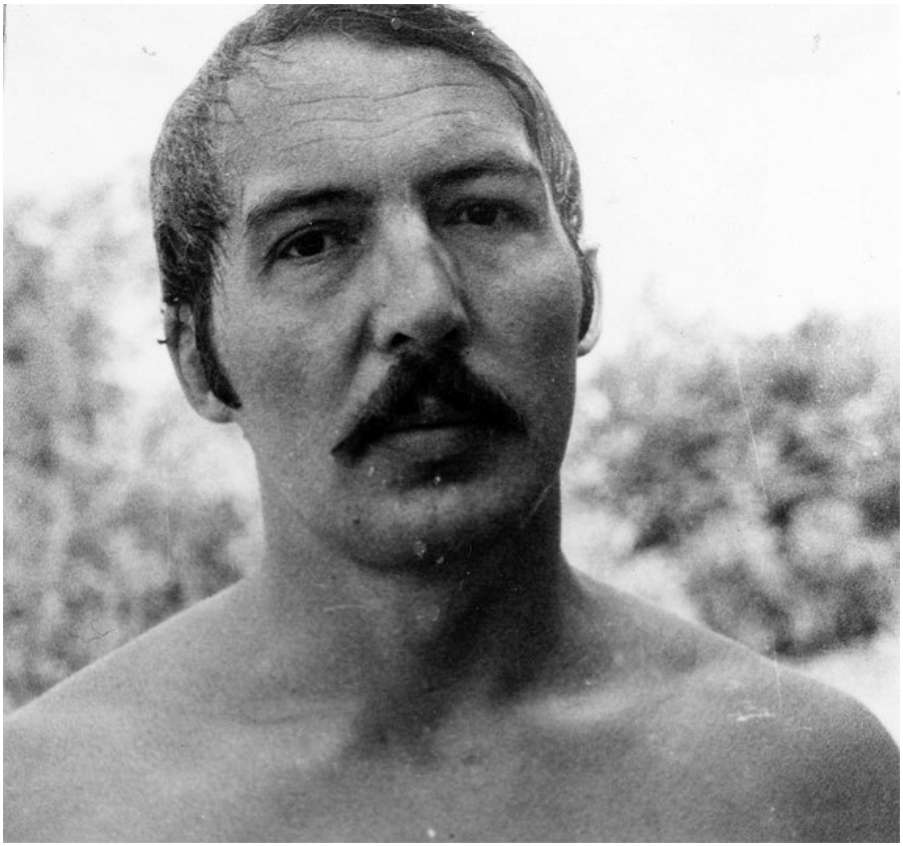
Этим дело не кончилось. Беседы с Андреем побудили Виктора Дольника написать популярную книгу «Непослушное дитя биосферы (беседы о поведении человека в компании птиц, зверей и детей)», выдержавшую семь изданий! Книга завоевала популярность и любовь самого широкого круга читателей.

Во введении этой книги написано:

«Андрею Битову. В память о тех ветреных и ясных днях на безлюдном берегу моря, в течение которых два перипатетика – Стилист и Этолог – разрисовывали схемами песок, а ветер и волны – Редактор и Цензор – тут же поспешно и равнодушно разрушали написанное. Как же поведать людям об этологии и экологии человека как биологического вида? “Ты подымай, не то я подыму”, – повторял ты слова Ахиллеса. Ты поднял в своих “Птицах”, а теперь я подымаю в “Непослушном дитя”».

> Обессмертив наш полевой стационар, Андрей увековечил и мой «панский» домик, где прожил несколько сезонов. Вернувшись однажды из отпуска, я нашел на столе записку:
>
> «Дорогой Пан! Спасибо за приют (в который раз!). Я здесь наконец дописал “Лес”, стихи из которого ты знаешь. Привет от Оли.
>
> *22.8. Андрей.*

P. S. Не подмели из предрассудков. Ты знаешь на своем опыте, что у меня в данном случае могут быть основания: мы – на машине».



Утро писателя. Куршская коса

Действительно, я хорошо помнил на опыте его опасения. Опыт этот мы приобрели в августе 1969 года, когда вчетвером, Андрей с Ольгой и я с женой Еленой, пустились в дальний путь с Двенадцатого в Ленинград через всю Прибалтику. Водительский стаж у Битова был уже немаленький, и продвигались мы довольно резво, пока не проехали Шауляй. Моросил мельчайший дождик, и видимость оставляла желать лучшего. В один из моментов Андрей пошел на обгон, и неожиданно перед нами возник стремительно несущийся на нас грузовик. В эту секунду Битов принял, как потом оказалось, единственно правильное решение – он резко кинул машину влево, и мы стали сваливаться под откос. Эти секунды отпечатались в моем мозгу, как в замедленной съемке, и запомнились навсегда. После броска наша машина полностью перевернулась и, вновь встав на колеса, уперлась бампером в небольшое деревце. Андрей, каким-то особенно медленным движением убирая со своего лица осколки ветрового стекла, произнес, не оборачиваясь: «Живы? Все живы?». И хотя немедленного ответа не последовало, мы ощутили постепенно

возвращающуюся радость жизни – все мы были не только живы, но и без видимых ранений.

В те годы, как и всегда, я писал стихи и, не удержавшись, показал кое-что Андрею. Разумеется, получил значительный заряд критики, но, к счастью, конструктивной. Сам Андрей Битов писал прекрасные стихи, где в его особенной философской манере отражалась его жизнь, в том числе и протекавшая на Куршской косе. В те годы Андрей очень чутко воспринимал суждения простых читателей о своем творчестве. Я признался ему в том, что его стихи нравятся мне даже больше, чем его ранняя замечательная проза. Как ответ на это, в дарственной надписи на книге «Образ жизни», вышедшей в 1972 году, Битов написал мне: «В оправдание этой прозы скажу, что образ жизни автора ей все-таки соответствует, а поэзия – все-таки нет». Тем не менее после этого Андрей стал дарить мне не только свои книги, но и рукописи своих стихов с дарственными надписями. Одно из них – нижеследующее.

Воспоминание о Рыбачьем

15 августа 1980

Дорогому Пану – не знаю как – поэзия или проза, но зато Коса, птицы и дружба остаются.

И вот отлив… Среди мочалок тины
Выклевываю зерна янтаря.
Вдыхаю тлена запах непротивный
И время провожу свое не зря.

Бежав от суеты, системы и обид
В сень мне любезную, прекрасного пейзажа
В упор не вижу… Мне по силам вид –
Бутылки, поплавка, ракушки, пробки, скажем.

Мир за моей спиной, и мир вокруг меня,
И я в нем заключен, как следствие в причине,
Как выброшенный морем Бытия
Тот янтарек. Как муха в паутине.

Последнее вниманье истребя
На гребешке волны, на донышке отлива,
Что мне найти еще внутри себя?..
Остановись! Взгляни на гладь залива!

Там солнце и лазурь! Там парус и крыло!
Там не куриный – Бог! Там все, чем мы не нищи…
Здесь лодочный скелет, обглодано весло,
Оборванная снасть, бочоночные днища…

Здесь сон обуглился, как яви бахрома.
Ночной горшок слепит на солнцепеке,
Он бел, как кость, и чист, как смерть сама –
В нем ничего ночного и в намеке!

То свет иных богатств, наследственный настой
Из Стивенсона или Робинзона…
И я нашел горшок. Он полон пустотой.
И я забыл, что это погранзона.

«Стой! Кто идет?» И ты замрешь, как штык,
Как лист перед травой, стыдясь своей добычи.
Ты нарушать законы не привык
В одних трусах, средь знаков и отличий.

Они тебя простят, они тебя поймут,
Они отпустят, лишь прогонят с пляжа…
Лишь посмеются… Даже не пугнут,
А ты придешь домой, и ты на койку ляжешь.

И будешь думать ты о том же, все о том,
Что есть и есть они, повсюду, где нас нету.
Что жизнь свою на берегу пустом
Нельзя воспринимать за чистую монету…

Впоследствии и я стал дарить Битову свои книжки, в том числе и мемуарные, и стихотворные, а получал взамен его книги с дарственными надписями. На мой взгляд, эти надписи могут много сказать о характере Андрея. Приведу здесь самые интересные.

В подаренном номере журнала «Звезда» № 8 за 1976 год, который открывался повестью «Улетающий Монахов», было написано: «Дорогой Пан! В доме Паевского, что расположен в Восточной Пруссии, неподалеку от местечка Росситен, была написана эта вещь, по крайней мере наполовину. Надеюсь, что хотя бы наполовину она придется тебе по вкусу. Привет! Андрей. Сент. 76».

На форзаце книги «Дни человека» Андрей написал: «Пану

Паевскому – полуполяку от полунемца – с естественной точкой встречи именно на Косе. Сердечный привет! Андрей Битов. 29 декабря 76 г. С Новым Годом!». А на форзаце «Семь путешествий»: «Пану Паевскому – книгу, в которой намешано не меньше кровей, чем в нем, – дружески. Андрей Битов. Сентябрь, 76».

Андрей проложил дорогу на косу и другим известным людям – журналисту Юрию Росту и писателю Юзу Алешковскому (незабвенному автору известной зэковской песни «Товарищ Сталин, вы большой ученый и всех наук вы главный корифей, а я простой советский заключенный, не коммунист и даже не еврей»). В нашей книге посетителей полевого стационара появилась в те годы и такая запись Юрия Роста: «…Вы давно вошли в мою жизнь как литературные герои Андрея и были любимы. Теперь, побывав здесь, я убедился, что хорошие люди и хорошая литература могут соседствовать реально…»

Несмотря на то что с 1997 года я уже работал не на биостанции института, а в самом Зоологическом институте в Петербурге, мы с Андреем неожиданно встретились вновь на полевом стационаре в августе 2008 года. Он подарил мне книгу «Моление о чаше. Последний Пушкин» и написал: «Пану 12-го – про то, как человеку было никак не лучше, чем нам. 24.08.08. 12-й км. А. Битов».

Последняя наша встреча при скорбных обстоятельствах произошла в ноябре 2013 года, на похоронах Виктора Дольника. Он прилетел на похороны из Москвы и проникновенно произнес последние слова прощания, подчеркнув особое влияние молодого тогда Виктора на свое восприятие основных идей эволюции жизни и человека как биологического вида.

В одном из подаренных мне Андреем листов со стихами были части из повести «Лес» (стихи Лёнечки). В двух катренах были такие строки:

Не бойтесь, больше вашего не дам
За эту жизнь. Не надо сдачи: что там?
Пусть эта мелочь вновь приснится вам
К обогащенью… Я – за поворотом.

И слышу плач у гроба своего…
Явилась наконец?.. – ответ в конверте.
Иль не пришла… – «Хоронят-то кого?» –
За гробом нищенкой хихикает бессмертье…

Александр Великанов [13]

Битов и архитектурный деконструктивизм (записки архитектора)

Эта история мне рассказана Андреем давно, а произошла она еще раньше. Андрей в то время был молодым и еще малоизвестным писателем, еще до знаменитой полемики в Литгазете, которую «страшный Владимир Ермилов» (один из самых влиятельных критиков в СССР, заслуживший прозвище «Громила советской литературы») неожиданно окончил словами «За Битова трех небитых дают». Так вот, вдруг звонят Андрею из «Большого дома» на Литейном и вежливый голос просит, если не трудно, зайти. Андрей приходит в ленинградское отделение КГБ, в надлежащий кабинет. Его встречает полковник и говорит ему, что приехавшие в Ленинград молодые американские писатели желали бы встретиться с ленинградским молодым писателем в непринужденной обстановке. Вы единственный писатель Ленинграда, владеющий английским языком. У нас к вам просьба пообедать с ними в ресторане. Деньги, естественно, мы даем, но с вами будет и наш человек, он и заплатит. Андрей согласился, почему бы не пообедать с американцами.

А. Великанов и А. Битов

Встретились, сели за стол, начался обед, и в самом начале

американцы спрашивают Андрея, как он относится к советской власти. Андрей спокойно и обстоятельно отвечает им, дальше пошли разговоры о литературе, о поэзии, о том о сем.

На следующий день опять звонок из «Большого дома»: не могли бы вы к нам снова зайти? Андрей приходит. Вам вчера американцы задали заранее подготовленный провокационный вопрос о вашем отношении к советской власти. Наш сотрудник не может пересказать ваш ответ, не могли бы вы сами нам рассказать, по-русски конечно, как вы им ответили? Андрей рассказал по-русски. Полковник задумался надолго. А не могли бы вы это рассказать самому генералу? Пошли к генералу. Андрей опять рассказал. Генерал молчал. Видно было, как мысль шевелится в его голове. «Угу», – сказал он, и аудиенция была закончена.

Эта история очень характерна и для всего творчества Битова. Ведь на простые вопросы у него получаются очень непростые ответы. Ничего общего не имеющие с предполагаемым ответом читателя (да – нет). Это происходит от того, что он всегда сложно мыслит и прямой ответ его не устраивает, жизнь – сложнее, и ответ должен быть сложнее. Эта сложность жизни присутствует во всем его творчестве.

Я вспоминаю несколько страниц текста «Пушкинского дома», где описывается, как герой увидел свою любимую женщину. А как же меньше, это же сложнейшая история – увидеть в окно «ее»…

А как понять, отчего произошли русские революции – девятьсот пятого года, а также Февральская и Октябрьская? Да что понимать – мы ведь с детства знаем, что из-за экономического неравенства классов. Но это для Битова слишком просто. Жизнь сложнее! И он рассказал мне, что причиной революций была – необходимость сохранить Империю. И ведь сохранили, на целых семьдесят с лишним лет! Трансцендентно, мистически… А почему неправильно? Жизнь-то – сложна… Ну и как такое понять простому работнику госбезопасности? Как и, главное, зачем ему понять трансцендентность жизни?

Но иногда не только ответы, но и вопросы Битова ставили в тупик. Сидели мы на даче и тихо выпивали, засиделись до ночи. Я уже клюю носом. Вдруг Андрей спрашивает меня: «Скажи, Саша, а ведь правда очень много общего в судьбах Фанни Каплан и мадам Бонасье?..» Этот вопрос меня просто напугал, от растерянности ответил коротко: «Я, пожалуй, пойду спать!»

Утром я почти забыл эту историю. А вспомнил в другие уже времена, когда сидел за столом рядом с Беллой Ахмадулиной. Андрей и Белла были близкими друзьями, очень уважали друг друга и, по-моему, даже были платонически влюблены. Белла

молчала, она не могла поверить, что Андрей просто сказал глупость. Надо просто понять его мысль, а что мысль есть, она не сомневалась! И действительно, вдруг она улыбнулась и говорит: «Сашка, а ведь он прав! Они обе ни при чем, обе не имеют никакого отношения к истории, в которую попали! Еще в детстве я возмущалась – зачем Дюма ввел эту любовь Д'Артаньяна в роман. Она только замедляет быстрое течение повествования!»

Да, Битов не мог, просто не мог сказать глупость! Это мы не можем понять его вопрос. А ответ ясен: они обе, и Фанни Каплан, и мадам Бонасье – жертвы. И всё. Одна жертва реальной политики, другая жертва развлекательности романа. Но обе просто жертвы!

Читая Битова, часто ловишь себя на мысли, что ты что-то сразу не понимаешь, но потом, читая дальше, вдруг понял! И сразу чувство облегчения и радости. И я же так думал!

Когда у меня родились внуки, я практически не мог работать дома, а мастерской у меня тогда не было. Я попросился к Андрею поработать у него, когда его нет. Но иногда мы совпадали. Как-то получилось, что я рисовал костюмы к спектаклю в одной комнате, а он стучал на машинке в другой, стучал не торопясь, но и не прерываясь ни на минуту. Когда кончил, принес лист, напечатанный без интервалов и без полей, весь черный. «Прочти, это статья к юбилею словаря Даля для Литгазеты». Я прочел, статья замечательная, особенно где он пишет, что такой огромный труд мог быть сделан только одним человеком, не институтом, а только личностью. Андрей собрался в Литгазету отдать текст… А я подумал: как же знаменитая горьковская «работа над текстом»? Она ему была не нужна!

Он не только писал, но и говорил всегда «начисто».

Был такой случай, меня просили для книги о моем друге художнике, недавно умершем, написать статью. Я помнил, что художник мне рассказывал, как замечательно описал его живопись Битов. Я попросил Андрея вспомнить, а он предложил форму беседы – так легче вспоминать. Мы записали на диктофон наш диалог. Расшифровывая запись, я с удивлением заметил, что все речи Битова прямо без изменений можно печатать. Все слова стоят строго на своих местах, ясно, где ставить точки и запятые. Готовый к печати текст! Чего нельзя сказать о моей речи, все полностью переписал.

Андрей даже думал уже готовым текстом, зачем ему была «работа над стилем»? Текст всегда готов к печати.

Однажды Андрей попал в больницу к знаменитому доктору Коновалову, тот определил абсцесс в мозгу. Когда я пришел,

Андрей был с виду здоров и принялся рассуждать о необходимости организации общества Кубертена с целью примкнуть к олимпийскому движению. Я слушал, и вдруг мне стало страшно, что-то в его речи отсутствовало, трудно объяснить что. Отсутствовало что-то среднее между юмором, иронией, остроумием, самоиронией. Был полный серьез. А все творчество, и не только творчество, а и речи Андрея всегда были полны ЭТИМ, чему я не нахожу названия, что вдруг исчезло из его речи. Я в ужасе ушел.

На следующий приход, уже после каких-то действий врачей, Андрей меня встретил веселой шуткой: «Коновалов сказал – могу вас обрадовать, Андрей Георгиевич, теперь у вас в голове ничего нет!» Кубертен был забыт, восторжествовал юмор. Андрей велел мне в следующий приход принести водки и выпить у него на глазах, ему ее запретили временно. Что я и сделал.

После этого эпизода я всегда чувствовал нахождение ЭТОГО в любых текстах Андрея, и в трагических, и в комических, и в возвышенных, и в злых, и в добрых. Во всем творчестве. ЭТО делало текст живым!

У Андрея появилась гениальная идея – создать последний памятник второго тысячелетия, памятник зайцу, перебежавшему дорогу Пушкину, когда тот собирался тайно убежать из Михайловского в Санкт-Петербург. Если бы не заяц, Пушкин попал бы как раз к восстанию декабристов и, конечно, принял бы в нем участие, и его бы сослали в Сибирь. Дуэли бы не было, и Пушкин, при его здоровье, дожил бы чуть ли не до двадцатого века, ну а что бы он написал, и подумать страшно. Но заяц перебежал дорогу, Пушкин как человек, верящий в приметы, не поехал. И все случилось так, как случилось…

Битов быстро нашел точное место, где именно заяц перебежал дорогу. Попросил меня слепить зайца. Я слепил пластилиновую модель. Сделал эскиз – заяц, отлитый в бронзе, сидит на гранитном верстовом столбе… Между тем время подпирало. Заканчивались лихие девяностые… Но пластилинового зайца так ловко окрасили в бронзу! И экономные хозяева Михайловского решили – с литьем можно не торопиться. И так заяц хорош! Будем убирать между праздниками… а то бронзу еще утащат, ведь цветной металл.

В самом конце декабря 1999 года в Михайловское съехалось много народу; был концерт, гениальный кукольник один разыграл за ширмой «Моцарта и Сальери». Великий ударник Владимир Тарасов на пионерских барабанах сыграл в честь зайца торжественный гимн. Доктор литературоведения выступил с лекцией «Россия XIX века и дороги». Доктор исторических наук – с докладом «Роль зайца в истории Российской империи».

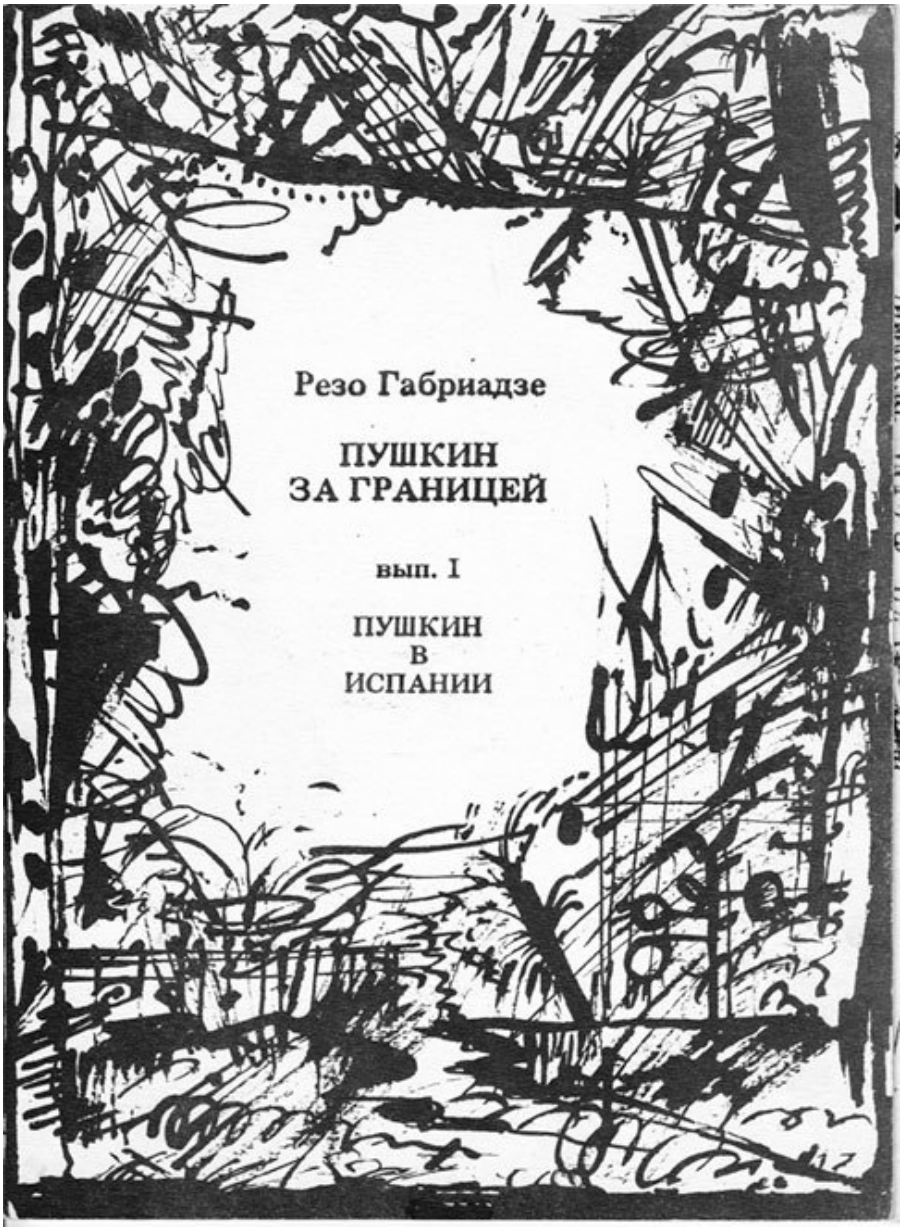
И наконец выступил сам Битов с научно-художественным анализом причины нашего сборища.

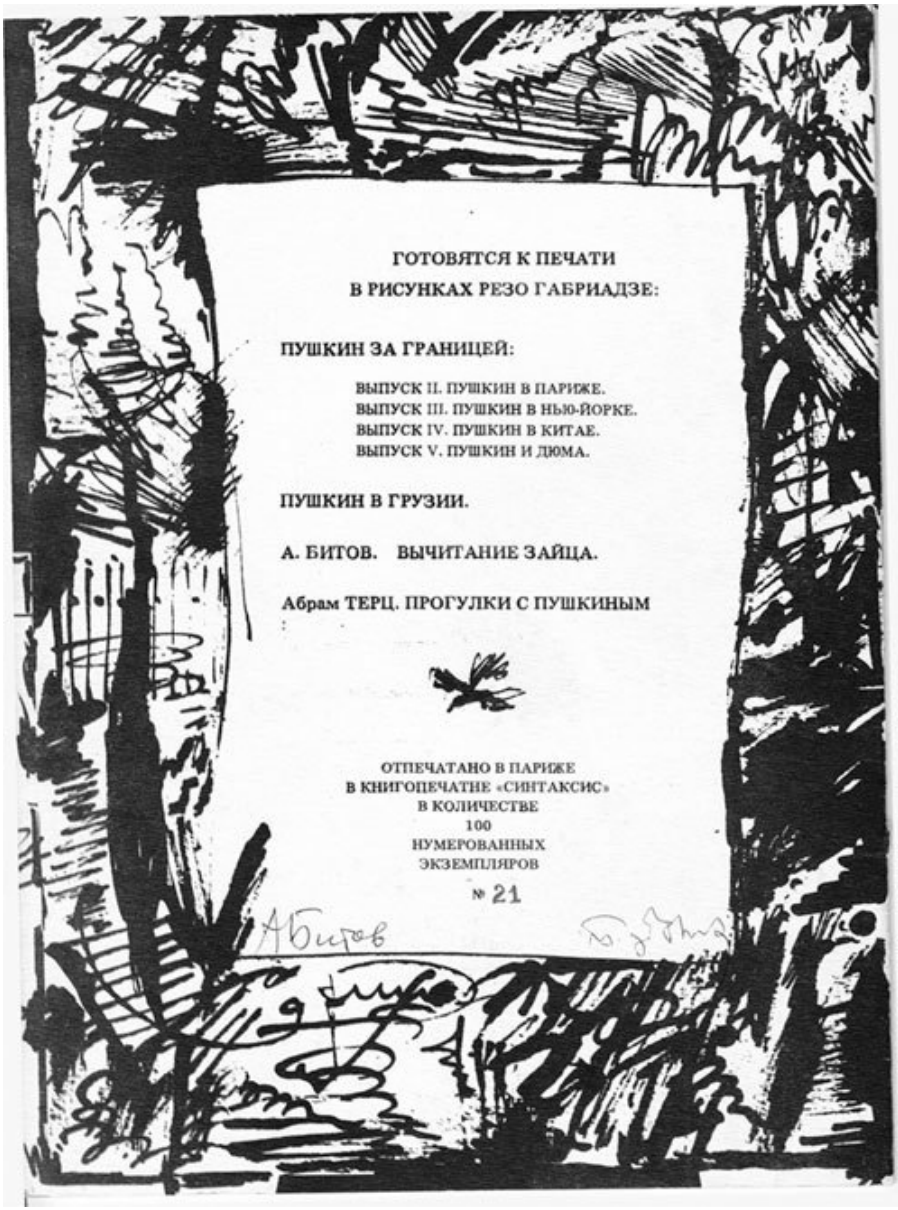
В конце праздника приехали сани с закуской и выпивкой, которая меня и погубила. Дело в том, что я заранее написал (под Д. Хармса) и нарисовал складную страничку. Ее напечатали шелкографией (за приличные деньги), и я хотел ее продать на празднике (вернуть затраченные средства). Но сани с выпивкой

смешали всё. Я напился и все восемьдесят экземпляров раздарил, еле-еле себе осталось.

Так закончился праздник зайца.

Есть у Битова одна совершенно неожиданная книжка «Пушкин за границей». Она печаталась в Париже в книгопечатне «Синтаксис» в количестве 100 нумерованных экземпляров. Это издательство Розановой и Синявского. У меня экземпляр № 21. «Пусть тебе всегда везет. ОЧКО! – сказал Битов, даря мне эту книжку. – Он (Пушкин) не только первый наш поэт, но и первый прозаик, историк, гражданин, профессионал, издатель, лицеист, лингвист, любовник, друг… В этом же ряду он, Пушкин, – первый наш невыездной». Пушкин делает попытки, много попыток поехать за границу, даже бежать – все неудачно! Выездную визу ему не дают.


Резо Габриадзе
ПУШКИН
ЗА ГРАНИЦЕЙ
вып. I
ПУШКИН
В
ИСПАНИИ



Битов попросит друга – Резо Габриадзе – выдать визу Пушкину. Резо сделал это тут же и без всякого промедления. Дальше в книжке идет блестящая пушкиниада Резо «Пушкин в Испании».

У меня иногда был ключ от квартиры Андрея, я там работал, когда был «художник». Вот однажды подхожу к двери, открываю ее своим ключом и вижу что-то страшное: на полу прихожей лежат покрышки, в комнате – рукописи, вещи и посуда на полу…

Первая мысль – ограбили, искали деньги. Вторая – КГБ, обыск, но почему такой беспорядок оставили?

Пригляделся: чашки – две, рюмки – две. Постепенно соображаю: с кем-то беседовал, потом собрались да внезапно и уехали вместе…

Всё что можно собираю, что – в шкаф, что – на кухню. Шины куда-то тоже пристроил. Всё вроде убрал и сел рисовать.

Проходит несколько дней, звонит Андрей. «Приехали мы с мамой из Питера, подходим к квартире, и я ее предупреждаю: мама, не удивляйся тому безобразию, которое ты увидишь у меня дома; ну, я такой человек, ну что поделать. Пропускаю маму вперед, она заходит – да, говорит, не убрано, что и говорить! Захожу я и удивляюсь. Что случилось, откуда такой порядок, даже шины не вижу. Удивительно, как ты все сумел убрать? Как сумел?..»

В этом весь Битов, все, что касается быта, для него невероятная, неразрешимая проблема. Один раз я приготовил у него дома яичницу с колбасой. Это вызвало огромное удивление и чуть ли не восхищение. Как-то мы с Розой (моей первой женой) пришли в гости к Андрею и принесли кастрюльку грибного супа. Он был счастлив, и это стало чуть ли не традицией. Приходить – так с супом. Теперь «с супом» мы уже приходили с Алисой (моей второй женой).

Как-то Битов рассказывает мне очень страшную историю.

«Иду я к тебе домой, подхожу к двери и автоматически нажимаю на звонок. Слышно шарканье и тонкий голос испуганно спрашивает: «Кто там?» Я отвечаю – Битов. «Я не открою незнакомому мужчине, я одна!» – еще испуганней отвечает голос. Тут я вспоминаю, что у меня в кармане ключи от вашей квартиры. Я их достаю… И вдруг вспоминаю, зачем я пришел к вам – действительно по важному делу! Но тут же представляю: вот я открываю дверь своим ключом, вхожу, иду к шкафу[14], открываю дверцу, беру пачку своих долларов и ухожу. Нет, этого «тонкий голос» не выдержит. И я твердым голосом говорю: «Извините, я в следующий раз. До свидания».

(Примечание: В тот раз у нас дома сидела испуганная мать жены моего друга, художника Эдика Зеленина, жившего в то время в Париже, а испугана она была тем, что у нее на контроле в аэропорту нашли спрятанные (естественно, в лифчик) золотые вещицы, которые она везла в подарок внучке: пару колец и сережек. Их нашли и бабушку к внучке в Париж не пустили. Я ей говорил: «Наденьте на себя», – не послушалась!)

Все это мелочи живой жизни, к литературе отношения не

имеющие…

Но однажды Битов забрал в издательстве положенные ему авторские экземпляры и оставил коробку с книгами у нас. Я залез в коробку. Это были книги другого советского писателя, в издательстве ошиблись. Я стал читать. Писатель был известный, но – какая разница в тексте! Читать просто нельзя, особенно когда ожидаешь Анрея Битова…

А как-то раз я выступил в роли литературоведа.

После того как Битов узнал, что я прочитал «Ожидание обезьян» в «Новом мире» (1994 год), он решил, что я непременно должен написать послесловие к изданию Ивана Лимбаха «Оглашенные». «Ожидание обезьян» было частью этого «романа-странствия». Андрей предложил написать на выбор: от художника (я член СХ), от архитектора (закончил МАрхИ) или от алкоголика (опыт был, не скрою). Я выбрал – архитектор. Художников для послесловия было двое – Александр и Ольга Флоренские. И алкоголиком почему-то Андрей выбрал тоже Александра Флоренского. Который был в тот момент не пьющим четырнадцать недель… Как будто мало было кругом других, не Флоренских… Мой текст без изменений попал в издание, включая вопиющую ошибку. Я там пишу, что архитектура влияет на людей независимо от того, знают ли они великих архитекторов или нет. Привожу длинный список имен, заканчивающийся Захой Хадид, ныне покойной единственной женщиной в этом списке. И вот в книге напечатано – Зажи Ходид. Пропустил корректор, но и Андрей, наверное, тоже…

(А вот к своему тексту Битов очень внимательно относился. Он однажды при мне чуть ли не матом крыл весь «Новый мир», когда они его «рассказец» изменили на «рассказик». Прямо буянил…)

В своем послесловии к «Оглашенным» я называю стиль литературы Битова – стилем деконструктивизма. Деконструктивизм – это архитектурный стиль-обманка. Примеров его пока мало, в основном «бумажные проекты». Объяснить словами трудно: если грубо – все, что кажется несущими конструкциями, на самом деле ничего не несет, это скорее декорация. Настоящая конструкция умело спрятана. Ну что-то вроде этого. Привожу целиком имеющиеся в послесловии по этому случаю примечания, которые относятся к стилю Битова.

«Подозревать писателя в намеренном плагиате у архитектуры нет оснований. Писатель даже отчасти глух к визуальным искусствам, о чем говорит следующий эпизод, произошедший несколько лет назад. Вручая для прочтения рукопись “Человека в

пейзаже”, писатель мне и говорит, находясь в несколько возвышенном состоянии: “А спорим на ящик водки (ящик водки – это 20 бутылок по 0,5 литра – специально для иностранного издания), что ты не найдешь, как художник (тут он ошибся, я являюсь лишь “членом Союза художников”), в этом тексте ни одной ошибки? Спорим?” Поспорили. И я тут же нашел, правда одну. Но не просто ошибку, а вопиющее незнание: Писатель, вспоминая знаменитую картину “Утро нашей Родины” (“стоит товарищ Сталин, в руках у него макинтош, и он смотрит вширь” – так в свое время ее описала бабушка моего приятеля), назвал автором ее Герасимова, хотя любой ученик средней художественной школы знает назубок, что это творение великого Шурпина, лауреата Сталинской премии. Когда я сообщил об этом писателю Битову, он стал объяснять, что все это, конечно, так, но он имел в виду совершенно другое, психологическое и т. д. Короче: ящик я так и не… Но это уже не имеет к данным рассуждениям никакого отношения, тем более что весь эпизод из текста был удален».

А вот и заключение послесловия:

«P.S. Я в этих, может быть, чересчур смелых рассуждениях не сказал ни одного слова об “идее произведения”. Тут, конечно, виновата профессия. Еще в 60-х годах в среде архитекторов бытовала одна шутка: здание рассчитывается на статические, ветровые, динамические, сейсмические и другие нагрузки, но никто и никогда не рассчитывал здание на идеологическую нагрузку. А что, если и литература в очень широком временном диапазоне, от Гомера до Битова, тоже не “рассчитывается” на сиюминутную идеологическую нагрузку?»

Чем больше пишешь, тем больше вспоминаешь историй за долгую, полувековую дружбу мою с Андреем. Я счастлив, что Бог свел меня с таким человеком, как Андрей Георгиевич Битов; счастлив, что прикоснулся к действительно великой русской литературе.

Борис Мессерер[15]

Слово о друге

Из выступления памяти Андрея битова в ЦДЛ 7 декабря 2018 года

Андрей Битов прожил огромную жизнь, полную литературной напряженности, литературного интереса, серьезности. Он отдал этому всё – без исключения – свое время. И тем не менее у Андрея бывали моменты и для дружества, для застолий, для свободного излияния чувств. Я сблизился с Андреем еще в то время, когда готовился альманах «Метрополь» и когда он при мне, со мной даже, обсуждал возможность издания своей книжки «Пушкинский дом» за границей. Тогда это был подвиг огромный. Я с большим внутренним напряжением следил, как же он решается на это, потому что это был большой криминал. И он говорил так решительно, так убежденно, что я понял: эта книга – дело всей его жизни. Он не может не издать ее. Вот он решился, и пошел уже другой отсчет времени.

Вы знаете, что название – «МетрОполь», с ударением на «о» – это была идея Василия Аксенова: все великие свершения в литературе происходят здесь, в метрополии, откуда само название, а не на Западе, где тогда издавался замечательный журнал «Континент» Владимиром Максимовым. Мы хотели противопоставить этому изданию отечественную почву и сказать: несмотря ни на что, это должно произойти на этой земле. Сам альманах, участие писателей в нем было продиктовано тем, что они хотели сказать правду о жизни. Писатели социалистического реализма так называемого писали о том, какой она могла бы быть. Но это не была правда. А правда была, как мы называем не совсем литературным словом, в чернухе жизни, в черноте жизни, то есть в том, какой жизнь была на самом деле. И писатели без этой правды не могли жить. Кончалось творчество. Цензура была неумолимая в то время. Это первый неподцензурный альманах в русской литературе. В нем не было ничего антисоветского, он был просто неподцензурный. И поэтому приглашали туда людей запросто. Здесь, в ЦДЛ, подходили к кому-то и говорили: «Старик, ты не можешь дать что-нибудь в наш альманах?» Это делалось на виду у всех, здесь не было секрета.

Участники альманаха «Метро́поль» в мастерской Б. Мессерера

Битов в числе очень немногих стал членом редколлегии журнала. Василий Аксенов первый, конечно, и Битов, и Фазиль Искандер, Женя Попов, Виктор Ерофеев – это те люди, которые были в редколлегии. А уже среди участников были и Белла Ахмадулина, и Володя Высоцкий (впервые в жизни), и Семен Израилевич Липкин, и Инна Лиснянская, и другие. Оказалось, что это и есть лучшие люди, кто не мог не говорить правду. И в этой напряженной литературной жизни, которую проживал Андрей, мы встречались у меня в мастерской, на даче в Переделкине. Все участники альманаха приходили туда и многие, кто примыкал к нам. Это были незабываемые минуты истории, и, несмотря на грядущую расправу, все были чрезвычайно веселы и открыты к добру, друг к другу, потому что все выступали с чистой совестью. Это было главное для литераторов – обладать чистой совестью. Дело, которому они служили, было благородное изначально.

‹…›

Были бесконечные поездки за границу, общение с Битовым, непрестанное, дружеское. Меня восхищала жесткость его позиции

во многих вопросах и вместе с тем радость открывания талантов, новых идей, новых далей. Кроме крупных форм, я помню все его блистательные эссе. Он особенно хорош был в этих эссе, где в потрясающей форме, парадоксальной и уникальной по писательскому дару, говорил о предмете своего исследования. Он писал замечательные предисловия, всегда с точными характеристиками, удивительные совершенно. Люди бывали счастливы, когда Битов писал о них что-то.

Андрей в моем сознании занимает главенствующее место. Я всегда видел, какими художественными средствами он владел и как он невероятно оригинально и вместе с тем принципиально оценивал то, что видел.

Живая память

Неоднократно следя за мыслью Андрея Битова в различных жизненных ситуациях, и особенно в тех случаях, когда он сосредотачивался на предметах, его интересующих и волнующих, я не мог не восхищаться емкими и четкими формулировками, в которые Андрей заключал свои наблюдения.

Актриса Людмила Хмельницкая, Андрей Битов в гостях у Бориса Мессерера. Переделкино

Но, не в пример вышесказанному, жизнь предлагала ему неожиданные случаи, когда приходилось выражать чувства спонтанно и непосредственно, тем самым выявляя самую суть себя самого, совершенно прелестную своей непосредственностью.

Так, я вспоминаю случай, когда Андрей попросил Беллу Ахмадулину и меня прийти на его вечер (съемки передачи

«Линия жизни»), сказав при этом, что машина от телевидения приедет за нами в семь часов и надо быть готовыми к этому времени. Помню, что мы настроились довольно торжественно и в означенное время приготовились к поездке. Начались томительные минуты ожидания. Машины не было. Конечно, я мог перезвонить Битову и узнать у него, почему машина не едет и как нам быть в таком случае. Но я не хотел этого делать, потому что логика вещей говорила, что инициатива должна принадлежать Андрею: он является ответственным за вечер и свое предложение. Мы нервничали и томились. Прошел час. Машины по-прежнему не было. Я не выдержал и позвонил. К моему удивлению, Андрей оказался дома. Его ответ был величествен и совершенно в духе Битова: «Может, это дело рассосется как-нибудь!» Он говорил так о своем вечере, на котором должен был выступать! Через полчаса мы уже ехали на телевидение вместе с Андреем.

* * *

Вспоминается такой случай.

Как-то раз мы ехали вместе с Андреем Битовым в одном купе «Красной стрелы» из Ленинграда в Москву. Мы были перевозбуждены близким и непрерывным общением в течение всей поездки, бесконечно разговаривали друг с другом и легли спать где-то в середине ночи. Кроме того, мы все время выпивали и, конечно, к моменту приезда в Москву головы у нас были тяжелые. Выйдя из поезда, мы побрели в направлении дома, в котором жил Битов. Он находился в начале Красносельской улицы, рядом с вокзалом. С трудом преодолев это расстояние, мы поднялись на лифте и вошли в квартиру Андрея. Желание выпить пива превосходило прочие желания. Но в этот момент жестокая мысль пронзила мое сознание! Я вспомнил, что забыл в вагоне ценную рукопись – пьесу, над которой я тогда работал, написанную в одном экземпляре. Меня охватило смятение. И я сказал Андрею, что не смогу воспользоваться его гостеприимством, поскольку мне необходимо бежать обратно на вокзал, чтобы найти рукопись. Реакция Битова была мгновенной – он ответил: «Я пойду с тобой!» Невозможно описать чувство радости, овладевшее мной. Дружеское участие Битова окрылило меня в тяжелую минуту. И мы побрели на вокзал.

Выйдя на перрон, мы не увидели поезда, на котором приехали в Москву. После коротких расспросов стало ясно, что состав нужно искать на запасных путях какой-то станции недалеко от Москвы. Нам посоветовали добраться туда на

электричке. И вот мы уже едем в неведомом направлении. За окнами мелькают составы, светофоры, полустанки, придорожные строения. Наконец заветная остановка. Мы вышли, и нашим глазам открылись бесконечные подъездные пути со стоящими на них поездами. Сойдя с перрона, мы стали пробираться под брюхами вагонов, перешагивая буераки, стрелки и запасные пути. На кочковатой земле между путями валялись искореженные железки, банки из-под пива, пустые тарные ящики. Пройдя около километра трудной дороги, мы обнаружили красно-коричневый состав, напоминавший по цвету «Красную стрелу». Мы пошли вдоль него, читая номера вагонов, и остановились у вагона, в котором приехали. Я постучал по его днищу найденным кирпичом в надежде, что кто-нибудь услышит. Действительно, открылась дверца, и на большой высоте вагона появилась наша проводница, которая, казалось, была совсем не удивлена нашим появлением. Она ушла куда-то в глубь вагона и вновь показалась с рукописью в руке. Счастью моему не было предела!

Мы проделали обратный путь, так же ныряя под днища вагонов и спотыкаясь между рельсами. А когда поднялись на перрон, то совершенно неожиданно увидели пристанционный буфет, где продавалось пиво. По существу, это было просто пивное заведение. Зрелище торговой точки привело нас в восторг. Вид, предложенный нашему вниманию, поражал своей первозданной красотой. Скорее, этот вид можно было назвать натюрмортом. Зеленые стены гармонировали с синим потолком, а янтарного цвета пиво резко, на контрасте, выделялось на их фоне. Выпив сразу по две кружки волшебного целительного напитка, мы возымели необходимые силы для продолжения жизни и вышли в город. Абсолютной неожиданностью для нас стало то, что мы находимся всего лишь на площади Рижского вокзала, откуда нам открывался путь в любом предпочтительном направлении.

Александр Казакевич[16]

«Я русский писатель…»

«Пережил Пушкина – переживай Толстого!»

Андрей Битов, 6 мая 2009 года

Андрей Георгиевич Битов до своей физической смерти уже несколько раз умирал, и всерьез.

С трудом выкарабкивался.

Как-то его пригласили на интервью в прямой эфир популярной телепрограммы. Ведущий задал вопрос, а Битов остался сидеть неподвижно. Это была клиническая смерть. Передачу прервали рекламой. Немедленно позвонили в «Скорую». Ведущий метался по студии. В это время Андрей Георгиевич пришел в себя, открыл глаза и неторопливо начал отвечать на тот вопрос, который ему был задан несколько минут назад, не осознавая всей драматургии момента.

На выставке в Государственном музее А. С. Пушкина, посвященной 75-летию А. Битова

Всего за три дня до скорбной новости, 30 ноября 2018 года, Анна Бердичевская опубликовала в фейсбуке его фотографии: «Только что вернулась от любимого писателя. Давно не виделись,

лето Андрей Георгиевич провел на даче под Питером. Исписал там три толстых тетради, компьютер забросил – “стал настоящим писателем”. Главная новость – правнучка родилась! На кухне за чаем призадумался: “Если мои 81 сложить с возрастом всех моих детей, внуков и правнуков – получится, что я старше Санкт-Петербурга…”»

А в понедельник вечером 3 декабря Анна по телефону приглушенным голосом подтверждала страшный факт его смерти: «Я в больнице. Он был со вчерашнего дня в искусственной коме. Я торопилась приехать, но опоздала»…

Однажды к Андрею Георгиевичу опоздало очень много людей – пассажиры целого вагона поезда. Он любил придумывать памятники. Чижику-Пыжику на Фонтанке в Петербурге. Памятник салу ему хотелось установить в Киеве с надписью «от благодарных москалей!» Памятник Хаджи-Мурату под Тулой. А тут он задумал в Михайловском установить памятник зайцу, который перебежал в 1825 году дорогу Пушкину. Суеверный Пушкин повернул коней обратно и избежал участия в восстании декабристов.

На открытие памятника Зайцу должно было приехать немало достойных людей, но в Москве случился какой-то коллапс на дорогах, и все разом опоздали. Андрей Георгиевич пришел к начальнику поезда и сказал: «Вы знаете, у меня вагон идиотов. Никто не успел к отправлению поезда. Я не могу ехать на открытие памятника один. Вы можете мой вагон отцепить и отправить несколько позже?» Начальник посмеялся и распорядился задержать отправление. Незначительно. Но за эти пару десятков минут все, в том числе и я, успели добежать до «вагона идиотов»…

Поезд благополучно шел в пушкинскую сторону. Я вышел в тамбур вагона. За суетой все забыли, что наступает двухтысячный год, Миллениум… Из туалета выглянул Битов и позвал меня. Я вошел, он развернул меня к зеркалу, кивнул на отражение: «Так вот ты какой, человек двадцать первого века!»… Никогда не забуду наши с ним физиономии в зеркале…

На ночном полустанке Андрей Георгиевич вышел покурить. Сел на лавочку на перроне. Я увидел, как к нему подошла милиция. Предчувствуя недоброе, я направился на выручку. Толстый милиционер пренебрежительно спросил Битова: «Ты кто?» Андрей Георгиевич спокойно ответил: «Я русский писатель». – «Чо? – не понял милиционер. – Будешь у меня объяснительную писать в отделении!» Обошлось! Вот так с пушкинской легкостью его находили сюжеты.

Потом было Михайловское и открытие памятника, савраска,

груженная местным самогоном и пирожками, цветные воздушные шарики вокруг монументального зайца. Мой телевизионный сюжет об этом событии до его отправки в Москву попросили во Пскове скопировать местные репортеры. Скопировали, показали у себя. А в Москву сюжет не передали. Сказали, что аппаратура сломалась. Смотрели на меня и смеялись между собой, как легко они провели московского журналиста.

И только через пару лет Андрей Георгиевич признался, что памятник зайцу в бронзе отлить не успели. Битов, не моргнув глазом, перерезал ленточку у символического верстового столба со временным зайцем…

Андрей Георгиевич вывел несколько формул, определявших творческий метод поэта и закономерности его биографии. А кому же еще открыть эти формулы, как не гению, который жил среди нас!.. И Александр Сергеевич откликался на изыскания Андрея Георгиевича. Он начал помогать в разных жизненных ситуациях – стоило только попросить. Поезд, который получилось задержать, памятник, который открыли, несмотря на отсутствие памятника, – это все был Пушкин. Вдвоем с Битовым.

В Анапе на кинофестивале «Киношок» две недели стояли холодные пасмурные дни. А в день отъезда выглянуло солнце. Все мы – пресса, жюри, гости фестиваля – уже сидели в автобусах, чтобы ехать в аэропорт. «Андрей Георгиевич! Попросите Пушкина, чтобы мы не улетали сразу, а немного задержались и искупались?» И тут же из аэропорта сообщили о многочасовой задержке рейсов! Мы отправились на пляж и несколько часов загорали и купались в Черном море. Спасибо Пушкину.

День рождения поэта Андрей Георгиевич однажды взял и с пушкинским изяществом передвинул поближе к своему дню рождения: «Пушкин бы очень удивился, – сказал он, – если бы узнал, что родился «6 июня»! Это дата придумана большевиками в 1918 году. Отмечать надо по старому стилю – 26 мая!»

Ему, постоянно познававшему скрытые от остальных законы Вселенной, было важно, что и день рождения Пушкина (по старому стилю), и день основания Петербурга – две главные знаковые величины Битова – совпадали с датой его появления в этом мире.

И он же однажды заметил, что, оказывается, в стране нет русской Пушкинской премии. И учредил ее. С достойными людьми. Безо всяких жюри сам выбирал номинантов, сам награждал. В правильном месте – в Государственном музее А. С. Пушкина на Пречистенке.

А однажды я встречал Рождество с Битовым и Пушкиным. В

Михайловском. Там было всего-то человек пять-шесть. Гуляли ночью среди заснеженных яблонь, варили глинтвейн, читали стихи, смеялись-выпивали, смотрели друг на друга влюбленными глазами и благодарили Пушкина. В один из дней среди гостей Михайловского появился Савва Ямщиков. Он делал вид, что Битова не узнает, хотя все трапезничали за одним столом. И вдруг Андрей Георгиевич не выдержал. Подошел к нему «глаза в глаза». «Савва! Ты что, меня не знаешь? Ты почему не здороваешься?» Все затихли. Опасались, что будет драка. На драку Битов был способен. Думаю Ямщиков тоже. Он мог быть разным… Но Александр Сергеевич у себя дома, в Михайловском, все уладил.

«А ведь мы ничего не знаем про Пушкина, – задумчиво говорил Андрей Георгиевич, – мы даже не знаем размер его ботинок!»

Мне на день рождения он передал в подарок книгу с надписью «Пережил Пушкина – переживай Толстого!» Битов сыпал афоризмами направо и налево, но если ты их сразу не запишешь, вспомнить потом было невозможно. Словно ты присоединялся к какой-то инопланетной радиоволне. Музыка позывных тебя восхищала, но повторить ее никто был не в силах.

И научиться у него ничему было нельзя, как нельзя заимствовать органику другого человека. Например, Битов говорил: «Моя главная привычка – это желание лениться. Когда я попал в больницу, врач выделил меня в общей палате, потому что там все мы были больные, но я один лежал на кровати так, чтобы не делать лишних движений». И писателем он стал, как рассказывал, чтобы быть максимально свободным от любых обязательств. А до этого выучился на геолога – тоже чтобы не ходить на службу. И рассказ «Бездельник» он написал об этом. О том, сколько сил забирает у человека суета повседневной жизни. А надо уметь взять и выйти из нее. И закрыть за собой дверь. И станет легче. А если при этом научиться не зависеть от славы, денег и властей, то образуется огромное количество здоровой энергии, которая поможет жить. И творить.

Но ему жить помогала не только эта энергия. Он всегда подчеркивал, что интуитивно в молодости создал правильный фундамент: начал бегать каждый день и помногу, когда это еще не превратилось в мировую моду. И качался в спортивном зале, не зная, кто такие культуристы. А потом он только расточал этот здоровый задел юности.

«Я тренировался, как будто готовился к будущей жизни. Без всякого знания. Вот тогда, когда надо было курить, пьянствовать, заниматься первым сексом или выходить в комсорги, я в это

время бегал кроссы, поднимал гири и так делал без перерыва, принимал контрастные души. И так делал пять лет, не пропуская ни одного дня. Это во мне все до сих пор. Я думаю, что после этого я только тратил» (А. Г. Битов).

Однажды Битов ехал в лифте и подумал: «Все со мной было, вот только в лифте не застревал!» И тут же лифт остановился. Мобильных тогда не было. Были, но мало у кого. Не у писателей. Через кнопку «вызов» Андрей Георгиевич договорился с диспетчером, что спасатели приедут побыстрее: он опаздывал на поезд. Спасатели приехали, вытащили его через маленькое окошко в потолке лифта и на своей машине помчали его на вокзал, который, кстати, находился в трех шагах от дома Андрея Георгиевича. Не успели. Битов походил по пустому перрону. Познакомился с местными жителями и загулял с ними. Гулял несколько дней. Вокзальные люди «вернули» его домой на тележке носильщиков и сдали в дрожащие руки жены, которая не знала что думать: муж пропал! Когда Андрей Георгиевич пришел в себя, он заметил, что на руке нет перстня. Собрался и отправился на вокзал. Нашел тамошних обитателей и обратился к ним с речью: «Все было мило, изысканно, спасибо за дивные дни, но перстень где?» И вот изысканные люди объявили поиск пропажи. И нашли. И вернули.

Откуда в нем была такая скрупулезность? Иногда у него дома все перевернуто и, как говорили его друзья, пишущая машинка использовалась вместо пепельницы. А через несколько дней – бах! – и немецкий порядок!

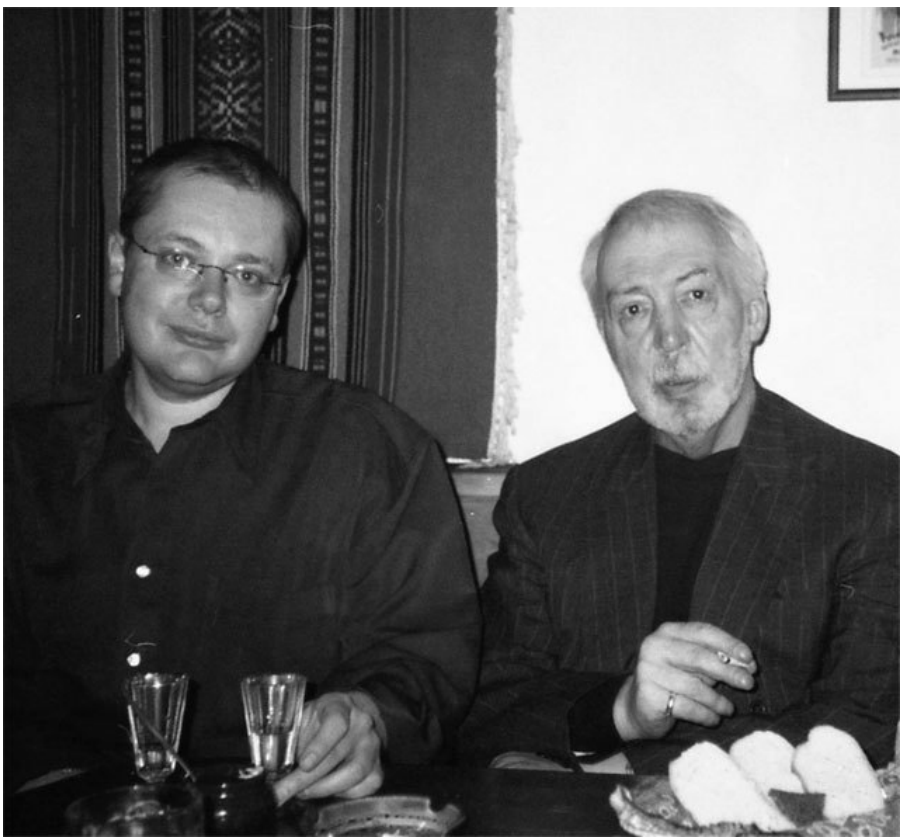
Сейчас читаешь воспоминания и кажется – нет человека, который бы не выпивал с Битовым на его кухне. Невольно думаешь, как он выдержал на себе весь этот поток друзей-родных-знакомых? Но он никогда не пил жадно, рюмку за рюмкой. Андрей Георгиевич накопил некий опыт, когда свою рюмочку он умучивал: бесконечно толок в ней дольку лимона, говорил, спрашивал, снова толок лимончик, интересовался закуской, опять занимался лимоном и потом делал какой-то незаметный глоток. И вместе с тем этот глоток делался постоянно, независимо от того, были в доме гости или он оказывался один. Когда Андрей Георгиевич жил за границей, он однажды зашел к наркологу. Спросил, является ли алкоголиком. «Нет, – сказал нарколог. – Вы не алкоголик». – «А кто же я?» – удивился Битов. «Вы бытовой пьяница». Но этот ответ его не устроил, потому что по-настоящему пьяный период он уже в своей жизни миновал. А теперь он пришел к какой-то лирике, когда в крови должен быть определенный градус, но не более того.

При этом текст должен создаваться абсолютно трезвым

человеком.

Это было для Битова абсолютно обязательное условие.

Из-за культа лени Андрей Георгиевич, как ему казалось, максимально оптимизировал свою работу над текстом. Работал без черновиков и правок. Уединялся. Трезвился. И сразу от первой буквы до последней точки писал, скажем, «Пушкинский дом». Но рассказывая, как он работает, Битов, конечно же, многое упрощал. По некоторым косвенным деталям было понятно, что он долго вынашивал идею, а потом тонким чутьем гения искал тот самый космический канал, подсоединившись к которому он сможет принять поток творческой энергии. Принять и максимально раздать ее через текст. В смысле «раздать» он был щедрым человеком. Он раздавал не только энергию и тексты, он раздавал свое время близким и не очень. Председательствовал, участвовал в комиссиях, собраниях, был членом жюри.



А. Битов с «внуком» Сашей

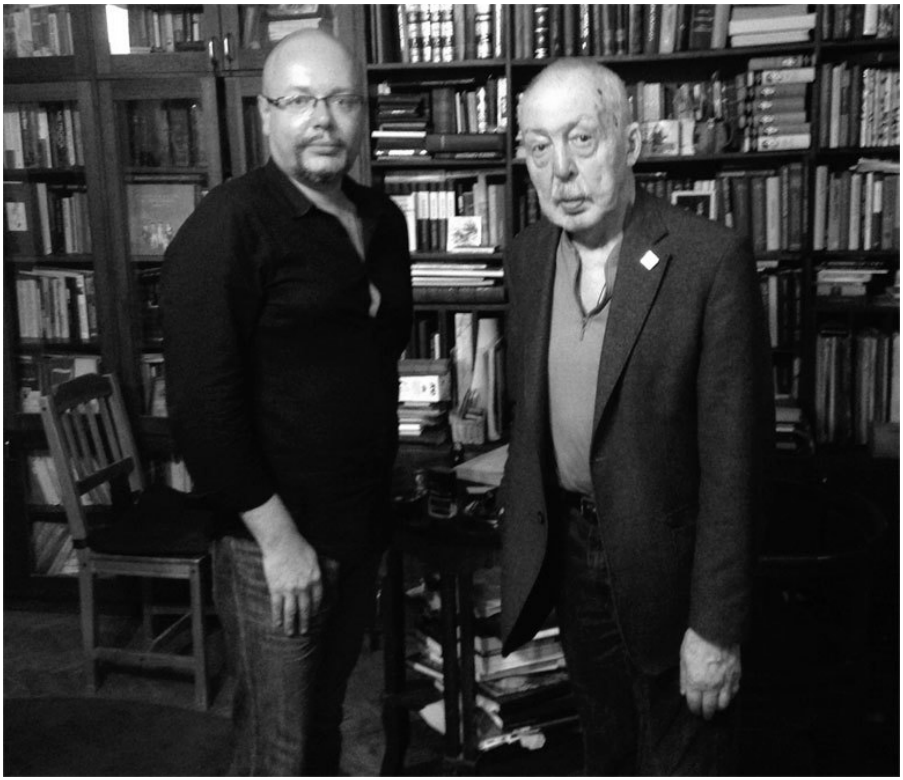
А еще Андрей Георгиевич несколько раз играл в усыновление. Его забавляло, что можно какого-нибудь человека раз – и как бы включить в число своих родственников. Так однажды он объявил,

что я могу считать себя его внуком. И с тех пор книги, которые он мне дарил, подписывал не иначе как «дедушка».

А когда у меня появилась идея снять фильм по прозе Битова, он взял и подарил мне рассказ «Автобус» – один из лучших! – чтобы я мог делать с ним все что хочу в творческом плане. Фильм не состоялся, а совместный творческий период с Битовым остался в моем сердце навсегда.

Он, кстати, умел принимать, когда что-то творческое не получалось. Например, должна была выйти одна из его первых книг. Но случилось какое-то партийное заседание, где искали идеологических врагов. Битов с точки зрения идеологии всегда был идеальной мишенью. А он-то уже представлял, как войдет в метро, а там все читают его книгу и улыбаются. Но напечатанный тираж был уничтожен. Через двадцать лет он спустился в метро («Люблю метро! еду и подсчитываю, сколько я заработал!»). Напротив сидела девушка. Читала ту самую уничтоженную два десятилетия назад его книгу в современном издании. И улыбалась. Андрей Георгиевич, рассказывая это, замечал: «В жизни все исполняется. Но не тогда, когда тебе нужно!»

Он жил большую жизнь и многое успел. Крестился только в 45 лет. Много раз пытался, но все не получалось. Резо Габриадзе наконец-то устроил таинство в одном из древних грузинских монастырей. К вере Андрей Георгиевич относился серьезно даже в атеистические времена. Он всегда знал, что вера и вдохновение – явления одного порядка. Поэтому каждое его произведение – о человеке, его душе и Боге.



Дома у А. Битова

Он все время думал о датах и сроках. И однажды придумал, как увеличить свою жизнь. Начал считать свой возраст не от рождения, а от зачатия. Подсчитал, что это произошло в Анапе в сентябре. И рамки жизни расширились.

Как-то за границей он увидел православный храм и решил исповедоваться. Батюшка начал исповедь, но понял, что русский прихожанин находится несколько не в том состоянии, когда совершается таинство. Священник задал Битову только один вопрос: «Вы желали кому-нибудь зла?» И Андрей Георгиевич честно ответил: «Никогда и никому». Этого было достаточно, чтобы батюшка прочитал разрешительную молитву.

Когда Битов дарил мне свою последнюю книгу, с юмором написал «предполагаем жить и глядь… опять живем». И не оставляет надежда, что ошибся не он, а все остальные. Как тогда, во время прямого эфира в телестудии – он откроет глаза и начнет отвечать на вопрос, который был задан до того, как все произошло.

Однажды на каком-то вечере жена сделала Андрею Георгиевичу замечание: «Что ты уходишь со всех вечеринок самым последним, как привратник!» Битов обернулся на

остававшихся с ним в финале. Ими были Белла Ахмадулина, Фазиль Искандер, Булат Окуджава. Битов пожал плечами: «Вполне нормальные привратники…»

Как же была права его жена. Он оказался привратником. Для многих своих. И вот ушел среди последних.

И закрыл двери.

Евгений Попов [17]

Битов. Единственный экземпляр

Писать про Битова, о Битове, для Битова – невозможно. Не получилось ни у кого, кроме, пожалуй, Валерия Попова. У меня тоже скорей всего не получится… Ну да попытаюсь… Хочется и надо.

Дело в том, что большое, как известно, видится на расстоянии, а я – так уж получилось – последние сорок лет был близок с ним, хотя, бывало, не виделись мы неделями, месяцами, а то и годами.

Близок не в том смысле, что он – мой старший друг, товарищ и брат, каковым мне был, например, Василий Павлович Аксенов. Битов, по моим наблюдениям, к себе никого никогда не подпускал, и глуп был тот человек, который самонадеянно полагал, будто он Битова познал, изучил или сдуру решил, что Битов его вдруг ни с того ни с сего одарил «людскою лаской», взял в «свой круг». Свой круг у Битова был неизменен: Юз Алешковский, Белла Ахмадулина, архитектор Александр Великанов, Резо Габриадзе, этолог Виктор Дольник, Михаил Жванецкий, певица Виктория Иванова, Отар Иоселиани, Грант Матевосян, Пушкин Александр Сергеевич, фотограф Юрий Рост, Володя Тарасов – мирового класса барабанщик.

То, что некоторые из этих личностей уже переместились в иной мир, значения не имеет. Ведь жизнь, как известно, вечна.

Я в сей круг не вхожу и не лезу. Во-первых, другое поколение, он – мэтр, он мне рекомендацию давал в Союз писателей СССР, откуда меня вскорости после принятия выперли. А во-вторых… ну, не вхожу, и всё. Отношения у нас всегда были сложные. Начиная с посвящения мне рассказа «Неистовый Орландо» и заканчивая дракой неизвестно по какому поводу на ночной морозной улочке Переделкина в 1979, что ли, году. Битов, как бывший боксер, бил хорошо, но я был младше его на девять лет. Как, впрочем, и сейчас.

Близок лишь потому, что близки мне практически все его строки. Начиная, естественно, с «Пенелопы», «Бездельника», которые были *про меня*. Были источником радости для меня и моих товарищей. Что, дескать, смотрите-ка, кругом сплошной Советский Союз, а в нем вдруг оказался такой замечательный Андрей Битов, по образованию, кстати, тоже геолог. И заканчивая даже не «Последним из оглашенных», а усложненной лексической невнятицей совсем новых его текстов – высказываний, которые невозможно было читать *просто так*, в которых нужно было мучительно искать сверхценный смысл. По ходу чтения то

обретая его, то вновь теряя.

Ведь Битов – умнейший человек, и это исключение среди крупных русских писателей второй половины XX века. То есть я вовсе не хочу сказать, что Василий Аксенов, Виктор Астафьев, Фазиль Искандер, Василий Шукшин были глуповаты. Я о том, что создание прозы поверялось у них данным им от Господа *даром прозы*. А у творца многих прозаических шедевров Битова – *даром ума* и сопутствующей этому уму рефлексии.

В этом есть что-то мистическое, как при расставании души с телом. То есть душа, отлетая, находится пока еще тут же, рядом, а телу уже каюк.

Как упомянутому XX веку, бывшей советской Империи или докомпьютерному человеку, только сейчас построившему «мы наш, мы новый мир», в котором сошли с ума уже ВСЕ, и это демонстрируется городу и миру ежедневно – от Москвы до самых до окраин типа Харькова, Вашингтона, Лондона и Донецка.

Битов за свою жизнь написал столько мучительно завлекательного, яркого, сочного, сложного и простого, что все рассуждения о нем, все попытки растолковать суть его существования в пространстве и времени заранее обречены на неуспех. Он многое, если не все в этой жизни предугадал и никогда не скрывал своих предсказаний.

Выражаюсь я, скорее от смущения, как-то неясно. Поэтому, чтобы пояснить эти свои смятенные фразы вспомню эпизод, произошедший при мне в доме Беллы Ахмадулиной.

80-е прошлого века. Выпивали тесной компанией. Андрей был задумчив и молчалив. Какой-то посторонний, богатый кавказский врач в восторге сказал своему кумиру Битову, с которым Белла только что познакомила его:

– Вы, оказывается, так молодо выглядите, я думал, вы гораздо старше, когда читал мудрые ваши «Уроки Армении» и «Грузинский альбом».

Битов промычал что-то неопределенное. Пропустил мимо ушей, как нечто неважное.

А тут Гриша Горин обронил следующий простенький анекдот:

«Офицеры приходят к генералу. Отдают честь.

– Товарищ генерал, ваше задание выполнено.

– А я ведь вам ничего не приказывал.

– Так мы ничего и не делали!»

И вдруг Битов возопил в отчаянии, то ли искреннем, то ли очень хорошо сыгранном:

– Ну почему?! Почему не я это сочинил?..

И я, кажется, только сейчас начинаю понимать смысл и битовского равнодушия к похвале, и этого отчаяния. Битов

испытывал ревность не к успеху у читателей, а – к мысли. Он писал и всегда знал, *что именно* он пишет, требовал от себя абсолютной полноты мысли – в собственном тексте…

Тогда как в прозе упомянутых выше *других классиков* элемент незнания того, что они делают, превалирует над выверенностью замысла, сюжета, фабулы, словосочетания, сути содеянного и его места на карте литературы – отечественной и мировой.

Я, впрочем, на этом своем утверждении не настаиваю, потому что кто я такой, чтобы Битову определения давать? Без меня таких определяльщиков в его биографии было предостаточно. Начиная с того «совецкого», который пустил в обиход на заре его писательской юности малокачественную фразу «За Битова двух небитовых дают» и заканчивая тем окололитературным говнюком, который пару лет назад среди прочего оскорбительного вранья публично сообщил, что Битов деградировал, что его уже много лет никто не видел трезвым.

Битов – великий человек, который к своим годам сделал все, что положено мужчине. Дерево, дом, сын… И огромная книга, как одна мысль. «Империя в четырех измерениях», ни больше ни меньше.

В нее вошло столько книжек, что тот, кто прочитает их от корки до корки, имеет весомый шанс поумнеть, избыв юдоль печали и воспарив над взбаламученным, мусорным морем мира сего.

Битов в шестнадцать лет получил значок «Альпинист СССР».

Битов свободно говорил по-английски, он читал на английском лекции в лучших университетах мира.

Битов стоял у истоков Русского ПЕН-центра и первым забил тревогу, когда правозащитная *писательская* организация стала, вопреки постулатам Джона Голсуорси, превращаться в митинговое политическое сообщество.

Битов являлся вице-президентом Международного ПЕН-клуба и почетным президентом Русского ПЕН-центра. Битов – кавалер всяческих орденов и лауреат множества премий, отечественных и международных…

Но если меня спросят, имея в виду Андрея Георгиевича Битова: «Что у тебя общего с ним?», то я не стану поминать альманах «МетрОполь», годы испытаний и потерь, встречи и разговоры в Москве, Питере, Берлине, Лондоне, Софии, общие дела – как мы, например, с помощью школьной линейки делили с неизвестным мужиком на троих во время сухого «горбачевского» закона бутылку 0,75 водки в магазине «Рыба», что существовал до новых времен на улице Красносельской, около трех вокзалов, где

он, коренной ленинградец, жил уже так много лет, что у него на подоконнике выросло дерево.

А отвечу, как скромный персонаж замечательной пьесы Людмилы Петрушевской «Чинзано», повествующей о выпивающих людях Империи:

– Общего у меня то, что я люблю его.

А уж любил ли он меня – не суть важно.

P. S. Для придания убедительности моим словам присоединяю к тексту свидетельство БЕЛЛЫ АХМАДУЛИНОЙ:

Отступление о битове
Отрывок из цикла «Глубокий обморок»

Когда о Битове…
(в строку вступает флейта)
я помышляю… (контрабас) – когда…
Здесь пауза: оставлена для Фета
отверстого рояля нагота…

Когда мне Битов, стало быть, все время…
(возбредил Бриттен, чей возбранен ритм
строке, взят до-диез неверно,
но прав) – когда мне Битов говорит

о Пушкине… (не надобно органа,
он Битову обмолвиться не даст
тем словом, чья опека и охрана
надежней, чем Жуковский и Данзас) –

Сам Пушкин… (полюбовная беседа
двух скрипок) весел, в узкий круг вошед.
Над первой скрипкой реет
прядь Башмета,
удел второй пусть предрешит Башмет.

Когда со мной… (двоится ран избыток:
вонзилась в слух и в пол виолончель) –
когда со мной застолье делит Битов,
весь Пушкин – наш и более ничей.

Нет, Битов, нет, достанет всем ревнивцам
щедрот, добытых алчностью ума.
Стенает альт. Неможется ресницам.
Лик бледен, как (вновь пауза) луна.

Младой и дерзкий опущу эпитет.
Сверг вьюгу звуков
гений «динь-динь-динь».
Согласье слёз и вымысла опишет
(все стихло) Битов. Только он один.

Евгений Сидоров [18]

После Битова

В шестидесятые Ленинград был для меня Афинами.

Мне там нравилось все: широкая вода и низкое небо, балет «Спартак» в постановке Якобсона, рюмочные и кафе «Норд», «Мещане» Товстоногова, Соломон Волков, комсомольский вождь консерватории, уже знаменитые композиторы Сергей Слонимский и Борис Тищенко, шекспировская Джульетта Алисы Фрейндлих, эрмитажные «Атланты» Городницкого и, разумеется, альманах «Молодой Ленинград», о котором я только что опубликовал статью в еще старой, выходившей трижды в неделю «Литературной газете», особо выделяя прозаиков Андрея Битова и Рида Грачева.

И до переезда в Москву Андрей был замечен в цедээльском писательском кругу благодаря активности Вадима Кожинова, сразу почувствовавшего незаурядное дарование автора рассказа «Пенелопа». Собственно, он меня и навел на Битова и на литгазетовскую статью, которая произвела некоторое впечатление в Питере, позволив (надеюсь) выйти на свет божий некоторым почти андеграундным авторам. Но главная поддержка исходила от двух писательниц, двух Вер, Пановой и Кетлинской, которым Смольный, выдержав небольшую паузу после известных литературно-политических репрессий, не мог отказать в идеологической лояльности. Кетлинская взяла на себя редактуру альманаха выпуска 1965 года.

Питер тех лет был набит молодыми гениями и корифеями. Они принадлежали к разным литературным тусовкам, и многие мечтали о первой самостоятельной книжке или, на худой конец, о публикации в журнале «Юность». Битов был успешнее других. У него уже было две книги и известность.

Напомню, что в это время Бродский отбывал ссылку. Владимир Марамзин начинал собирать самиздатовское избранное. Сергей Довлатов подрабатывал поденной журналистикой и числился литсекретарем Веры Пановой. Валерий Попов только готовился к дебюту. «Ахматовские сироты» еще не стали легендой.

Трагической оказалась судьба Рида Грачева. Его почти не печатали. Талантливый и светлый человек постепенно сошел с ума. Навсегда врезалась в память его раненая улыбка вечного детдомовца. Лишь после смерти писателя друзья (и прежде всего Яков Гордин) подготовили и издали собрание его рассказов и эссе.

Лучшие авторы «Молодого Ленинграда» не походили на

московских шестидесятников. Романтических коллективных иллюзий здесь не наблюдалось (я говорю о тенденции, а не о персоналиях). Почиталась человеческая индивидуальность, свободная от всех, даже самых лучезарных, идеологических одежд.

«Всю правду сказать невозможно, но все сказанное тобой должно быть правдой». Пожалуй, это изречение Бисмарка созвучно битовскому пониманию литературного труда, оно просится в эпиграф к его творчеству. Он рано нашел свою нишу, где старался не лгать, все глубже и глубже погружаясь в психологию молодого интеллигентного горожанина, проверяя его на моральную прочность при свете несомненных этических ценностей.

Битов стал чутким диагностом нашего нетвердого расползающегося времени. По времени и герои, улетающие, когда надо приземлиться, безвольные, когда дело доходит до дела. Но это в беллетристике. Совсем другой тон в его лирической прозе и эссеистике. Битовский шедевр такого рода – «Уроки Армении». Эта книга (как и всё у Битова) не столько об Армении, сколько о себе и о России. Здесь голос любви и веры начинает звучать открыто и свободно, разрушая оковы уже привычного для автора аналитического стиля.

Не «Метрополь», а выход годом раньше (с помощью Василия Аксенова) романа «Пушкинский дом» в американском издательстве «Ардис» наконец-то дал Битову ощущение своего подлинного места на карте литературы. Про «Метрополь» он вспоминать не любил, ему, в сущности, не нужен был такой общественно-литературный перфоманс. За Битовым стояли Пушкин, Петербург, изысканный стиль прозы, отточенный после внимательного чтения Набокова и чурающийся нажима, эпатажа, картинного протеста. С Аксеновым Андрей повязался за компанию, по дружбе, из Союза писателей не вышел, постепенно становясь мэтром отечественной словесности и будущим многолетним президентом Русского ПЕН-центра. Конечно, помогли политические перемены, но не только они решали дело.

При любых обстоятельствах (если они не грозят полной гибелью всерьез) оставаться прежде всего писателем, мастером, для этого в России требуется немалая отвага и немалое достоинство. Битову претило и диссидентство, и позиция жертвы произвола. Он был слишком умен, чтобы быть однозначным. Не случайно он часто располагался в своих сочинениях между автором и героем.

Раньше многих Битов понял, что Россия и ее культура нуждаются не в плоско понятом демократизме, а скорее в

аристократизме. Он жил не только в пейзаже, но и в истории. Его пушкинский дом – это вырубленный и невосстановимый вишневый сад русской классической литературы, ее уроков и смыслов. Тоска и глубокий пессимизм автора порой принимают здесь причудливые и гротескные очертания; поэзия и абсурд гуляют рука об руку; филологические штудии прелестны, но словно бы навеяны Мефистофелем, а не Лотманом с Бахтиным.

Между тем Бродский волновал, задевал, беспокоил. Андрей редко касался этого сюжета, то описывая краткое общение с нобелиатом в Нью-Йорке среди писателей-соотечественников, то собирая, как крошки со стола, отдельные нейтральные реплики Бродского в свой адрес. Бродский был далеко, как ленинградская юность, и Битовым не интересовался. Зато у Битова постоянно звучит тайный ревнивый мотив: есть, есть русская литература и здесь, а не только в эмиграции! И почти нескрываемая гордая обида от неполного признания этого факта в среде бывших коллег, сменивших Невский проспект на Бродвей. Когда у Битова побеждает непосредственность, его сразу хочется защитить.

В Штатах оказался и Юз Алешковский, неповторимый тип русского писателя, создавший целую языковую культуру, впитавшую обсценную лексику советской обочинной жизни. Это был закадычный друг Андрея и одновременно друг Иосифа Бродского, связующее, но не связывающее звено. Другой близкий друг – Резо Габриадзе, художник и драматург, создатель мира дивных марионеток, нацеленного на торжество простых и ясных человеческих отношений. Юз и Резо хранили в себе то, что так любил Андрей, но что ему не всегда было доступно.

Он стремился мыслить и страдать (опять Пушкин!) не столько от несовершенства мира, сколько от собственного, как ему казалось, несовершенства. Он примеривал свою судьбу к Высоцкому и обезоруживал беззащитностью рифмованных признаний:

…Горстка образного праха
Эти смерти… Знали б вы!
Как не умер я от страха…
Как не умер от любви!

В жизни, как звезда успеха,
Светит нам частица «не»:
Я не умер, не уехал
И не продался вполне.

Глубже истины не выдашь

И не превзойдешь умы:
«Раньше сядешь – раньше выйдешь»,
«От тюрьмы да от сумы…»

Дом казенный – свет в окошке –
Нас в обиду нам не даст.
Недомучит понарошке,
Через век переиздаст.

Я не умер, я не умер,
Я не умер… вот мотив!
Неужели это в сумме
Означает, что я жив?..[19]

Все мы так или иначе писали и пишем стихи, но Битов настолько свободен и безразличен к мнению и толпы и знатоков, что опубликовал их. И правильно сделал! В сборнике «В четверг после дождя» (1997) он неожиданно приблизился к читателю, обнажив некоторые заповедные зоны своей души. Условный стих с пушкинскими реминисценциями и здесь позволил Битову ускользнуть от исповеди, но почвы и судьбы стало все же больше, чем искусства.

«Неизбежность ненаписанного» пришла к читателю примерно в то же время (1998). Это блестящий, порой лихорадочный коллаж из старых дневниковых записей и отрывков из опубликованных сочинений, касающихся главным образом личности автора и его настроений. Смелая книга, лишенная каких-либо устойчивых жанровых примет. Никакой это не постмодернизм, господа, это просто зрелый Битов с непобедимым молодым эгоцентризмом! Посреди чуда жизни думающий о Смерти и Боге как о ее главных Смыслах.

Свои поздние книги он подписывал мне, слегка дразнясь: «министру», «послу» и прочее. Прилетал в Париж, мы ходили вместе на «Страсти по Иоанну» Губайдулиной. Автор была рядом, дирижировал Гергиев… Андрей казался спокойным, умиротворенным, пил меньше обычного. Похоже, болезнь, которая давно его мучила, временно отступила.

Когда он ушел, я почувствовал сиротство, оставленность. Личной близости никогда не было, близка была его проза… «Улетающий Монахов» протягивал трепещущую руку «Пенелопе», и они взмывали над стрелкой Васильевского острова, над Пушкинским домом, заглядывая в распахнутые окна.

Левы Одоевцева не было. Он ушел вместе с автором.

Июнь 2019

Игорь Сид [20]

Геопоэт, или По дороге на Лхасу

«Вообще же, письмо есть освобождение…

Путешествие, пересечение пространства, есть познание и тоже освобождение…»

Андрей Битов, 2006

Вот, остановилась жизнь человека, целиком погрузился он в янтарь прошлого, кажется неподвижным. И кажется, что можно уже измерить масштаб. Подходишь с линейкой, с лекалами. Андрей Георгиевич Битов, человек экстраординарной субъектности, на самом деле уже очень давно – объект, объект исследования. Однако в сторону, культурология, прочь, лингвистика. Битов – бездонный материал для авторской антропологии.

А. Битов на конференции по геопоэтике

Антропологический статус Андрея Битова, это было ясно уже давно, – геопоэт. В его лице явлен нам образ *писателя-и-путешественника*. Не путешествующий писатель (таких большинство), не пишущий путешественник (тоже много), а

живое воплощение теории путешествий.

Теория эта (детище XXI века, а инструмент уже, возможно, не ранее чем XXII) постулирует тождество *путешествия* как перемещения в географическом пространстве, *текста* как нарратива и *судьбы* как жизненного пути. Триединство метафорическое, но не только. Книга может стать путешествием, а путешествие – целой жизнью, и так далее.

Географическое странствие и письмо для А.Б. неразрывны, и они то и дело забегают вперед друг друга:

> «*Я сам после первого путешествия, отправляясь в путь, уже всегда заранее знал, что я напишу. И ехал только за правом это написать. Как бы за оплодотворением уже сложившегося сюжета…*» *(АБ)*

Многим запомнилась его строчка на старте литературной биографии: «*Хорошо бы начать книгу, которую надо писать всю жизнь…*» А первое осознанное движение к литературе – в четыре года. Зима 41/42-го, письмо матери к отцу на Урал, где тот в эвакуации вместе со своим предприятием: «*…младший мечтает быть писателем (?!)».* И это в Питере, во время блокады.

И практически одновременно начинается первое путешествие:

> «*…весной 42-го года через Ладогу, по тающему льду, в марте – апреле. И мне кажется, что я капитан на корабле, поскольку грузовик идет колесами полностью в воде, с брызгами как от катера. И мне не страшно… Потому что рядом мама. Мама и есть мой первый, так сказать, руководитель экспедиций».*

В этом исходе, видимо, корни персонального модуса путешествия у Битова: как правило, это тот или иной вариант бегства, даже когда речь идет о геологической экспедиции. Порой даже эскапада – пожалуй, что сразу в обоих смыслах:

> «*…Побег от врага! Врагом была система, и от нее можно было убежать в любую сторону. Она была всюду, но ты был наиболее уязвим там, где живешь». «Бегство – здоровое стремление. Удрать из прайда… Удрать от семьи!.. На законных причем основаниях, – ведь для меня это бывало всегда одновременно работой, заработком*».

Абсолютно номадическая – кочевническая – сущность героя открывается воображаемому биографу, просматривающему

железнодорожные билеты «СПб. – Москва» и обратно: А.Б. всю жизнь «по семейным обстоятельствам» кочевал между двумя столицами и, за редчайшим исключением, не находился больше месяца на одном месте. Называл себя в шутку «почетным железнодорожником Октябрьской железной дороги». В эссе «Исповедь двоеженца» писал о разрывавшей его душу любви к двум этим соседним, но внутренне взаимно полярным локусам, в каждом из которых его считали «изменником». И ровно посередине жизненного срока, с точностью до полугода, точнее пусть высчитывают архивисты, – смена прописки с питерской на московскую: о чем бы такая точность?

Однако же не только геопоэтика, то есть страсти по пространству… Битов – мэтр зоософии. За двадцать лет до Деррида с его «L'animal que donc je suis» он понял, что «животное» – это «сведения о человеке», это прежде всего разговор о тебе самом. Вместе с двумя другими главными птицеведами русской литературы – Виктором Ковалем и Михаилом Эпштейном – А.Б. выступал на круглом столе «Ереа pteroenta, или Птичий базар. Птица в небе и в литературе» в Институте проблем экологии и эволюции (название почтенной организации вселяло уверенность, что у нас проблемы не только с экологией, но и с эволюцией). «Орнитология духа» – так вспоминали впоследствии слушатели.

Дружба с Виктором Дольником была прямым отражением непрямой связи литературы и биологии. Если птицы, пойманные в силки, почему-либо умирали, ученые считали своим долгом их приготовить, как дичь, и съесть. Органично преосуществлять природные циклы – не в этом ли базис орнитологии духа?

«*Неожиданный и яркий, как птичка колибри, микроинфаркт Даура*»… «Колхидский странник» Даур Зантария, писатель и геопоэт Кавказа, – отдельная тема. Близкий литературный друг, от которого А.Б. ожидал очень многого, ушедший очень рано. В 80-е Битов пишет о нем в «Оглашенных»; в новом веке посвящает его памяти новые тексты. Абхазия Даура – один из ключевых маршрутов путешествий Битова. «Один из *многих* ключевых»: уточнение, сразу все говорящее о персонаже этого эссе. К Битову много ключей…

Зоопоэтика Деррида препарирует образы животных в культуре. Зоософия идет дальше, исследуя высшее значение этих образов для человека. Один из великих, антропологических по своей сути художественных жестов Битова – памятник Зайцу, ключевому «стоп-сигналу» в судьбе Александра Сергеевича Пушкина. Животное в отношении человека может все. В том числе – запретить человеку заниматься политикой и тем самым

спасти ему жизнь. А этот арт-проект – очередное острое пересечение областей геопоэтики и зоософии в жизни А.Б.

В 2009 году Битов участвовал во второй конференции по геопоэтике в Москве. О Битове как *человеке-проекте*, проекте геопоэтического свойства, шла речь в первой международной антологии по геопоэтике (2013). В этой книге два текста Битова, и в статьях других авторов его имя упоминается множество раз.

Эти строки я помню с ранней юности:

> «*Больше всего меня манила Центральная Азия. Знал, что Пржевальский погиб в пятом путешествии, намереваясь достичь Лхасы*[21]. *И я думал, как ребенок, что ее достигну. Сейчас я знаю, что я ее не достиг*» *(А.Б.)*.

Из года в год их горечь и свет всплывали в моем сознании и в наших беседах, как Ultima Thule…

Я думаю, что Битов все-таки достиг Лхасы. Восполнив откуда-то оттуда неизбежное единство текста, путешествия и судьбы.

Александр Колесов [22]

«Там человек проявляется в чистом виде…»

Кто для меня Андрей Битов? Русский писатель, последний классик XX века, как и другие наши классики, чудом не ставший нобелевским лауреатом. Учителя называет ученик – это справедливая формула дает мне право сказать, что он – мой учитель. И главный собеседник на протяжении тридцати лет. Мне посчастливилось приятельствовать, быть с ним «на ты», общаться с Андреем Битовым и в обеих столицах, и на Дальнем Востоке, где он был моим гостем добрый десяток раз. Мы познакомились в Центральном доме литераторов осенью переломного для Битова 1987 года, когда Андрей заново стал выездным, в очередной раз женился и набрал курс в Литинституте. Тогда же в журнале «Новый мир», в трех последних номерах за этот год – через девять лет после издания в «Ардисе» – был впервые опубликован в России его легендарный «Пушкинский дом»…

А. Битов, А. Колесов и А. Ткаченко на открытии первого памятника Осипу Мандельштаму во Владивостоке. 1 октября 1998

* * *

Будучи питерцем по рождению, полжизни он прожил «меж двух вокзалов» – между Москвой и Петербургом. Московская же квартира на Красносельской была для него этаким логистическим

хабом, о чем свидетельствовал всегда присутствующий в прихожей видавший виды чемодан… А на излете 90-х Владивосток стал едва ли не третьим по ранжиру российским городом, куда писатель мог прямиком наведаться из Нью-Йорка или Берлина. Разумеется, всякий раз имея для этого весомую причину.

* * *

Летом 1997-го состоялся первый приезд Битова во Владивосток. По дороге из аэропорта мы с ним заехали к моему товарищу, скульптору Валерию Ненаживину, – нам с Валерием было что показать гостю. Во дворе мастерской, прямо напротив калитки, стояла скульптура Мандельштама, сделанная из железобетона. Портрет в рост. Потрясенный Битов мне заявил: «Мы должны с тобой обязательно поставить этот памятник Осипу…»

В это трудно поверить, но уже через год вопрос был решен. На открытие памятника 1 октября 1998 года президент Русского Пен-центра Андрей Битов приезжает во Владивосток с директором Пен-центра Александром Ткаченко. И вот мы мчимся на моем «Субару» по проспекту «100 лет Владивостоку» и сворачиваем к Второй Речке. Здесь, недалеко от места бывшего пересыльного лагеря, где погиб поэт, мы должны открывать первый в мире памятник Осипу Мандельштаму. Битов в черном костюме и белоснежной рубашке, что придает особую торжественность моменту… И тут нам преграждает дорогу некий залихвастый прораб и на доходчивом русском мате объясняет, куда именно мы должны… «свернуть», поскольку его бригада делает ямочный ремонт дороги за час до приезда мэра. Странно, Андрей не возмутился. Он рассмеялся. Но к памятнику мы попали раньше городского начальства. Потом местная дворничиха проникновенно скажет, обращаясь к нам с Битовым: «Сынки, я Эмильича в обиду не дам!»

Памятник Осипу Мандельштаму. Скульптор Валерий Ненаживин

А живущий неподалеку поэт и рок-музыкант Саня Демин (Дёма) торжественно разлил по стаканчикам уссурийскую настойку… Дворничиха свое обещание выполнить не смогла. Через три года мы с Битовым будем заново открывать на том же месте памятник великому поэту – та же скульптура, на этот раз отлитая в чугуне. Первый монумент изуродовали вандалы… Между прочим, нержавеющую сталь для нового постамента мы

купили тогда в складчину с американским бизнесменом и большим любителем русской литературы Майклом Алленом, вице-президентом сахалинского филиала «Эксон Мобил». Стоял холодный ноябрь. Битов прилетел на открытие прямиком из Штатов в тулупе ирландского полицейского. Увидев памятник Осипу на блестящем стальном постаменте рядом со Сбербанком, он изрек: «Поэт на сейфе». Эта реплика, как и вся эпопея с памятником Мандельштаму, войдет в замечательный фильм владивостокского режиссера Глеба Телешова «Шум времени»… В феврале 2001 года в эссе «Текст как поведение (Воспоминание о Мандельштаме)» Битов напишет: «Здесь, в тесном дворике, в толпе пограничников и горнистов, я видел подлинного Мандельштама! Предсмертный, он вытянулся к квадратику неба, гордо задрав свою птичью голову, поднеся задыхающуюся руку к замолкающему горлу…» (Этот текст был написан в Берлине, впервые опубликован в Тихоокеанском альманахе «Рубеж», а затем вошел в самый полный том его эссеистики «Пятое измерение», который мы издали во Владивостоке в 2007 году – к 70-летию Андрея Битова.)

А. Битов во Владивостоке

* * *

В первый приезд Андрея Битова во Владивосток мы отправились вдвоем на аудиенцию с мэром в госпиталь Тихоокеанского флота, где под предлогом болезни мэр Виктор Иванович Черепков прятался от губернатора Наздратенко. Между ними тогда разворачивалась самая настоящая война. Наш разговор проходил в госпитальной палате, мэр с порога поведал нам, как на него покушались и он чудом остался жив… Битов спокойно выслушал и предложил Черепкову: «Виктор Иванович, ПЕН поможет вам написать и издать об этом книгу…» Андрей, питерский, якобы отстраненный от мира интеллектуал, на моих глазах не раз вел себя как должно президенту Русского Пена – международной писательской и правозащитной организации. Так было и во время эпопеи, связанной с освобождением редактора отдела газеты Тихоокеанского флота «Боевая вахта» Григория Пасько. Шел показательный процесс. Прокуратура ТОФ необоснованно обвиняла Пасько в шпионаже в пользу Японии. Благодаря мужеству и бульдожьей хватке Саши Ткаченко и выдержке Андрея Битова Русский ПЕН-центр смог тогда в самый последний момент вытащить Пасько из тюрьмы. В общем, появление у нас на Дальнем Востоке писателя Андрея Битова – это был в самом широком смысле и правозащитный, и мандельштамовский сюжет, увенчавшийся через год первым в России памятником поэту и зэку.

* * *

По странному стечению обстоятельств сегодня во Владивостоке установлены по сути два совершенно одинаковых памятника Осипу Мандельштаму одного и того же скульптора, оба в университетских кампусах: один недалеко от центра, другой – на Русском острове. Открытие памятника Мандельштаму по неслучайности совпало тогда с другим важным событием в литературной жизни Владивостока. По инициативе Андрея Битова был образован Дальневосточный филиал Русского ПЕН-центра – Владивостокский ПЕН-клуб, и нескольким счастливчикам, среди которых Виктор Пожидаев, Юрий Кабанков, Александр Лобычев, Макс Немцов и ваш покорный слуга, вручили новенькие членские билеты. Праздновали торжественно в Галерее современного искусства «Артэтаж» у Александра Городнего.

* * *

А на следующий год, уже под эгидой Русского ПЕН-центра, по приглашению Союза писателей провинции Хэйлунцзян с Битовым и Ткаченко мы отправились в Харбин, где встретились с китайскими писателями и впервые подписали договор – между издательствами «Бэйфан» и «Рубеж» – об издании в Китае переводных книг современных российских авторов. Этот проект затеял мой дорогой друг, профессор Хэйлунцзянского университета и известный переводчик Диао Шаохуа, к сожалению, ныне покойный. За несколько лет до этого мы познакомились с ним на почве взаимного интереса к литературе и истории дальневосточной российской эмиграции. Диао Шаохуа перевел на китайский «Остров Сахалин» Антона Чехова, «Мастера и Маргариту» Михаила Булгакова, романы Сергея Клычкова, «Мелкого беса» Федора Сологуба… Диао Шаохуа и Андрей Битов, при первой встрече в Харбине, сразу же сошлись в дружеской беседе. Очень плодотворной. Незадолго до кончины Диао Шаохуа выпустил в Харбине сразу две уникальные книги: библиографический указатель по литературе русского Китая и весьма объемный «Энциклопедический словарь русской литературы XX века» – такого полного и политически не ангажированного издания в России нет до сих пор.

* * *

Перед отъездом в Харбин нам с Андреем необходимо было составить для китайских коллег рекомендательный список из 15–20 имен нынешних российских прозаиков. По предложению Битова каждый из нас написал свой перечень писателей, и, когда мы положили оба списка рядом и сравнили, то они, к нашему искреннему удивлению, совпали на 90 процентов. Андрей был очень увлечен играми такого рода – связанными с именами, цифрами и словами (вспомните его «О – цифра или буква»!). Но в этом случае нас обоих порадовал результат – мы с Андреем совпали в литературных оценках. Совпасть с Битовым в оценках современной литературы! Это уже не игра…

* * *

В начале 2000-х мы с поэтом Иваном Шепетой по линии Владивостокского ПЕН-клуба занимались проведением Тихоокеанских творческих встреч. После развала Советского Союза известные писатели перестали приезжать в наши края.

Дальний Восток стал для них уж слишком дальним. Мы решили приглашать литераторов сами – нам хотелось вернуть для наших читателей утраченную возможность прямого общения с поэтами и прозаиками – представителями современной российской литературы.

В сентябре 2007 года, в компании с поэтом Сергеем Гандлевским и прозаиком Игорем Клехом, на Тихоокеанские творческие встречи прилетел Андрей Битов. После насыщенной программы встреч во Владивостоке мы отправились за двести километров на юг: решили показать нашим гостям одно из красивейших мест Приморья – Дальневосточный морской заповедник, полуостров Гамов и бухту Витязь. Там, на веранде гостеприимного дома энтомолога Юрия Чистякова, под добрую хозяйскую настойку, состоялся самый грандиозный разговор из всех, в коих когда-либо довелось мне участвовать, – о литературе, природе и человеке…

Битов был в ударе, но и собеседники были ему под стать. Мы просидели за большим столом под сенью монгольского дуба далеко за полночь. Кроме писателей Сергея Гандлевского, Игоря Клеха и Александра Лобычева там были еще два моих старших товарища – ровесник Андрея, знаменитый дальневосточный рыбак, капитан-директор плавбазы «Алексей Чуев» Анатолий Семашко и известный наш антрополог, профессор Дальневосточного университета Анатолий Кузнецов. И сегодня остается только сожалеть, что я тогда не догадался включить диктофон…

* * *

…Во второй половине 1990-х, на пике противостояния между правым и левым лагерем российских писателей, мы с Битовым сошлись во мнении, что очень важно организовать прямой диалог между ними, и Андрей, без долгих размышлений, вызвался сесть перед телекамерами за один стол с Валентином Распутиным. Оставалось только заручиться согласием Валентина Григорьевича. Как оказалось, у них было много общего: будучи одногодками, Распутин и Битов одновременно и одинаково успешно входили в литературу, симпатизировали друг другу и даже какое-то время довольно близко общались… Увы, но такой разговор не состоялся – ни тогда, ни позже.

Битов был легок на подъем и всегда с готовностью откликался на мои, порой весьма авантюрные, идеи. Все три десятка лет нашего общения меня не переставала удивлять в

Битове его почти юношеская увлеченность тем или иным делом и отзывчивость на просьбы людей и события, казалось бы, напрямую его не касающиеся.

Так было и с нашим многотомным проектом – «Антологией литературы Дальнего Востока». Битов первым горячо поддержал его и вместе с основоположником нивхской литературы Владимиром Санги подписывал все письма, которые мы рассылали губернаторам региона. Андрею особенно пришлось по душе наше с эссеистом Александром Лобычевым и директором Дальневосточного филиала Фонда «Русский мир» Александром Зубрицким намерение составлять все пятнадцать томов Антологии «по гамбургскому счету» – без дружеских и конъюнктурных предпочтений.

– Величие замысла может выручить, – скажет он тогда.

Битов любил эту фразу Иосифа Бродского и часто ее вспоминал.

А по-настоящему, то есть на постоянной и литературной основе, свел и подружил нас с Андреем Битовым мой Тихоокеанский альманах «Рубеж». Битов сразу его оценил и на протяжение многих лет принимал самое активное участие в работе редакции, а на одной из презентаций громогласно заявил: «“Рубеж” уникален, потому что нет другого издания в стране, которое обнимало бы столь обширную географию и погружалось бы на такую историческую глубину, начиная с поэзии Древнего Китая…» (В качестве высокого примера Андрей хотел подарить мне все четыре номера журнала «Русский современник», выходившего в Ленинграде в 1924 году, – «лучшего толстого журнала всех времен». Но в воровские 90-е этот драгоценный комплект у него умыкнули…)

Андрей Битов состоял в редколлегии и всячески помогал и поддерживал издание альманаха, охотно давая для первой публикации свои новые тексты. Некоторые из них, как, например, эссе о своем близком друге Гранте Матевосяне, он написал специально для «Рубежа». Битов публиковался почти в каждом номере нашего владивостокского ежегодника, и всякий раз было понятно, что это по-настоящему важно не только для нас, но и для него.

Во многом именно благодаря поддержке Андрея «Рубеж» стал широко известен в России и далеко за ее пределами. С легкой руки Битова альманах перезнакомил меня со многими известными писателями и славистами – по сути, со всем белым светом…

* * *

В середине 90-х Андрей Битов был приглашенным профессором Нью-Йоркского университета, и в 1995 году мы с ним решили позвать во Владивосток Иосифа Бродского. Если Иосиф не дает согласия приехать в Петербург, рассудили мы, то, быть может, он согласится вернуться на родину с ее восточной имперской окраины… Андрей взялся переговорить с Бродским, и мы направили Иосифу официальное приглашение. Как раз тогда жена культуролога Соломона Волкова Марианна, известный в Америке фотограф, неотступно следовала в Нью-Йорке за Битовым, и ее фотографиями широко проиллюстрировано американское издание его книги «Жизнь без нас». Так вот, на одной из фотографий Марианны запечатлено мое письмо Бродскому, отправленное по факсу, полученное накануне и лежащее поверх других бумаг на профессорском столе Андрея Битова. Как потом рассказывал Битов, Иосиф Бродский неожиданно увлекся идеей приехать во Владивосток и дал свое принципиальное согласие, но 28 января 1996 года осуществлению нашей затеи помешала его скоропостижная кончина.

* * *

Андрей Битов на встречах с читателями нередко говорил о том, что своим присутствием в русской литературе он обязан великим предшественникам – Чехову, Платонову, Мандельштаму, Заболоцкому… Как-то Андрей поделился со мной своей мечтой посетить на Сахалине те места, где в 1890 году побывал Антон Павлович Чехов. Это послужило основным толчком к тому, чтобы я нашел спонсора и в августе 2002 года организовал «Сахалинскую экспедицию».

Сегодня стоит назвать всех участников экспедиции, тем паче что некоторых уже нет с нами. Помимо Битова (на специально выпущенной по случаю визитке он именовался «главным писателем экспедиции») в ней приняли участие: замечательный поэт из Иркутска Анатолий Кобенков, сахалинский историк и археолог Михаил Прокофьев, краевед из Хабаровска, в прошлом геолог и знаток северного Сахалина Виктор Ремизовский, кинорежиссер Глеб Телешов и звукооператор Антон Шепшелевич из Владивостока, а также два иностранца – фотограф и путешественник Лев Рухин из Лос-Анджелеса и известный итальянский кинематографист Томмазо Моттола – это был его первый приезд на российский Дальний Восток, но потом он еще много раз побывал в наших краях.

На Сахалине

Талисманом экспедиции была битовская «Книга путешествий». Она тоже странствовала с нами по острову в моем рюкзаке и «тайно двигала наш сахалинский сюжет»…

На острове полмесяца напролет шли проливные дожди, а в день нашего прилета в Южно-Сахалинск они вдруг резко прекратились. Когда на пресс-конференции островные журналисты спросили меня, как «начальника экспедиции», зачем мы пожаловали на Сахалин таким солидным составом, я, не раздумывая, выпалил:

– Мы хотим заглянуть в душу острова.

Наша группа на машинах и вертолете намотала на родном для меня северном Сахалине (я там вырос, там окончил школу) многие сотни километров. Мы увидели своими глазами, как трудно живется сахалинским нивхам (о чем Битов не преминул сказать при встрече губернатору Игорю Фархутдинову), изрядно всполошили своим визитом тамошнее руководство «Роснефти», сняли фильм о своем путешествии и собрали материал для книги о Сахалине. И вот Андрей Битов и все мы наконец-то увидели заброшенный поселок Дуэ, где Антон Павлович Чехов 11 июля 1890 года с борта парохода «Байкал» высадился на сахалинский берег.

Миша Прокофьев нашел в экспедиции подтверждение некоторым своим историческим гипотезам… А Лева Рухин на

одном дыхании расстрелял все сто слайдовых пленок, что были в его распоряжении… И Глеб Телешов, кажется, ни на минуту не выпускал из рук свою видеокамеру… Толя Кобенков позже напишет несколько замечательных стихотворений… А Томмазо Моттола безоглядно и навсегда влюбился в Сахалин и задумал снять фильм о пребывании на острове Антона Павловича Чехова…

Помню последний день экспедиции. Мы провели его на северной оконечности острова – в устье реки Пильво, на полуострове Шмидта. Томмазо, как завороженный, весь день просидел на галечном пляже, облокотившись на огромное бревно, выброшенное штормом, и вперившись взглядом в безбрежное Охотское море. А Андрей моим острым швейцарским ножом «первый раз в жизни», по-мальчишески решительно вырезал на серой, продубленной ветрами поверхности стола рыбацкого стана: «А. Битов».

«В 2002 году мне выпал шанс повторить чеховский маршрут, с одной принципиальной разницей: я не доехал до Сахалина, а *долетел*, – не месяц в пути, а несколько часов. И проехал я Сахалин *навстречу* Чехову – не с севера на юг, а с юга на север, и не на лошадях, а на вездеходе. Дорог не было, как и при Чехове… Я сидел в кабине с водителем, меня везли бережно, как яичко, и однако путешествие считалось экстремальным… Нивхи понравились мне больше всего: они были по-чеховски интеллигентны, эти язычники и охотники…» (Эссе «Мой дедушка Чехов и прадедушка Пушкин: *Автобиография*» Битов начал писать еще в привокзальной гостинице Южно-Сахалинска, в первую же ночь после нашего возвращения из экспедиции.)

Это было незабываемое путешествие для каждого из нас. Битов терпеливо сносил все невзгоды, шутил даже тогда, когда 200 километров мы «плыли» девять часов на вахтовом «Урале» из Ноглик в Оху по абсолютно расквашенной после дождей дороге. Этот питерско-московский человек не только справлялся с обстоятельствами, но и подзаряжал всех нас странной веселой энергией. А ведь Андрей в экспедиции постоянно подкашливал, хотя я его достаточно хорошо экипировал. Потом оказалось, что уже тогда он начинал бороться со страшной болезнью, раком гортани. Но – справился, за два года победил ее! Он был настоящий боец.

Андрей Георгиевич Битов… Оригинальнейший, глубокий и свободный мыслитель. Тончайший русский писатель. Сколько-нибудь похожего на Андрея собеседника у меня никогда не было и уже не будет. «Битов – умный. Мало писателей, о которых это скажешь, – напишет однажды Петр Вайль. – Одаренных – намного больше. А вот чтобы талант и ум вместе – редкость». И это правда. Битовская книга эссеистики «Пятое измерение: на границе времени и пространства» – одна из самых умных и талантливых книг о литературе за последние полвека как минимум…

* * *

Он умел дружить, умел работать, совершать неожиданные, яркие и смелые поступки. Ему было у нас ХОРОШО. Все по плечу. Он любил Дальний Восток и неоднократно признавался в этом. В октябре 1998 года, сразу после установки во Владивостоке памятника Осипу Мандельштаму, он сказал в интервью «Литературной газете»: «В столицах человек как-то снивелирован, а ТАМ проявляется в чистом виде…»

У нас с Андреем Битовым, как всегда, были совместные планы. Им теперь уже, увы, не суждено будет сбыться. Но и то, что он у нас успел сделать, сказать, написать, прожить, оставило

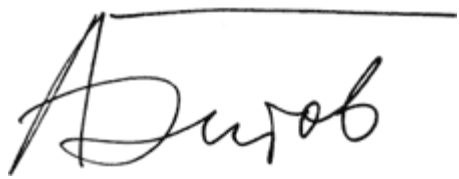
глубокий, отчетливый след. Главное теперь не забыть. И – передать… причем именно в открытое им Пятое измерение. В измерение внутреннего мира человека и памяти, которую он считал главным свойством всех живущих.

Черкесское происхождение

Отец не знал происхождения нашей фамилии… Я был в черкесском селе, где Битовых – пруд пруди. Я уродился не в мать, не в отца, во мне выскочило черкесское даже во внешности, хотя я черкес лишь в пятом поколении. У нас абсолютно русская семья, но с немецкой примесью, традиционная петербургская, в нескольких поколениях, где было много врачей. Русские Битовы тянутся с севера. Мой дед приехал в Питер из Череповца.

Мне понравилось то, что я ношу черкесскую фамилию.

Это многое объясняло в моей биографии. Когда я впервые увидел горы, это было… как первая любовь. Моя душа рвалась на Кавказ, все мне было там близко – и нравы, и еда, я много написал о Кавказе.



Заур Чесебиев [23]

Памяти А. Б.

Пусть Всевышний простит грехи ему и откроет двери Рая

В 2003 году, вскоре после Нового года, мама, взволнованная, забежала ко мне и сказала по-адыгски: «*Мо телевизорым кьигъэльагъуэр хэтыми дыдейщ, псынщ|эу накъуи еплъыт*!»[24]

Мы жили на разных этажах в одном доме, и я как-то не слишком поспешил бежать смотреть на «нашего» в телевизоре. А мама настаивала и начала, как часто случалось, думать вслух – о своем отце, нашем деде, пропавшем без вести на Отечественной войне. Ей всегда хотелось верить, что отец выжил, вернулся из плена. И даже, возможно, завел новую семью… А человек в телевизоре – он так похож на отца.

Анапа, фестиваль «Киношок», ночь перед отъездом в Адыгею

С мамой не поспоришь. Я пошел за ней, но передача кончилась, в телевизоре были уже другие кадры. Тогда мама решительно попросила, чтоб я нашел «нашего человека». Сверив по телевизионной программе канал и время, я увидел фамилию – Битов, что меня более чем удивило.

Дело в том, что моя мама – Битова, в паспорте ее значится Битова Лида Ахмедовна, настоящее имя Щихьэрхан, но все зовут Нуса… Битовы, каких я знал, жили в Адыгее в селении Уляп, либо

в Кабарде.

Мы всей семьей довольно давно живем в России, но мама хранит в семье адыгский язык, традиции, память рода. Русский понимает, но говорит не часто. И еще интуиция и память у нее – редкие… Когда я маме сказал, что выступавшего зовут Андрей Битов, она не удивилась, а просто потребовала дать ей возможность с ним поговорить. Я попытался объяснить нелепость ситуации, но ответ был: «Он все поймет, ему кровь подскажет». Я отыскал сведения об Андрее Битове, узнал что он писатель и родом из Ленинграда. В Питере тогда училась племянница моей супруги, она и нашла домашний телефон Битова. Я позвонил. Трубку взяла его жена Наталья, мы с нею коротко поговорили, она посоветовала перезвонить завтра, он будет дома… На следующий день трубку взял уже Андрей Битов, звонка он ждал. После краткого моего рассказа почему-то спросил, кем я работаю, услышав, что коммерческим директором на хлебокомбинате, он рассмеялся и попросил дать трубку маме. Я предупредил, что мама плохо говорит по-русски. Однако говорили они довольно долго, как-то у них получалось понимать друг друга. Потом она передала трубку мне. Голос А. Б. был уже другой, серьезный. Он попросил мой телефон и сказал, что скоро приедет к нам.

Ханты-Мансийск, с дочерью Анной и «черкесской родней»

Вот тогда и меня эта история заинтриговала всерьез. Заставила кое-что вспомнить. Версия, что он сын моего деда, сводный брат мамы, мой дядя, как я и думал, не подтвердилась. Однако ведь была еще одна, гораздо более старая семейная история, почти легенда. Я ее не раз слышал от мамы в детстве, но ведь как это в детстве бывает – послушал сказку, убежал и забыл. Я не задумывался о том, было ли все это на самом деле. Помнил только, что свой черкесский род Битовых мама и близкая родня считали с трех братьев Битхэ. Жили они, по-видимому, в первой половине девятнадцатого века… Я попросил маму рассказать все снова.

Легенда о русском Битхэ

…Двух младших звали: Битхэ Хьащ|эмахуэ (что означает Светлый гость или Гость дня) и Битхэ Шумахуэ (Всадник дня, Светлый всадник). Как назвали при рождении старшего из братьев Битхэ, точно неизвестно, но впоследствии его прозвищем стало Пшибий (Враг князя). Происходили они из числа военной аристократии – были приближенными одного из местных князей в Кабарде – в восточной Черкесии. После очередной экспедиции царских войск, закончившейся уничтожением большого аула, князь, у которого служили братья, решает собрать выживших детей-сирот, чтобы продать их туркам. Старший из братьев Битовых категорически и открыто этому воспротивился, что уже означало – стал заклятым врагом княжескому семейству (почему и получил прозвище Пшибий – Враг князя). Понимая, что в неравной кровной войне может погибнуть род Битхэ, средний брат увозит своего первенца, маленького Якуба, подальше, к своему другу, который служил где-то у русских.

Пшибий собирает родственников и друзей, нападает ночью на княжескую усадьбу, в этом бою княжескими наездниками схвачен младший из трех братьев Битовых – Хьащ|эмахуэ. Князь велел его казнить. И вот в княжеском дворе спиливают старое дерево, в огромный пень вгоняют клин, превращая его таким образом в орудие позорной и мучительной смерти – в колодку. В расщелину пня вставляют одной ногой пленника. И так бросают умирать…

Не прийти на выручку таким образом унижаемого младшего брата было бы смертельно для чести старших. На это, вероятно, и рассчитывал князь… Еще до возвращения Шумахуэ Пшибий вызволяет искалеченного Хьащ|эмахуэ.

Понимая, что жить в Кабарде дальше невозможно, братья

Битовы решают перебраться в западную Черкесию. По дороге у беглецов возникает стычка с царским отрядом, с русскими. И братья теряют друг друга. О судьбе Пшибия и Хьащ|эмахуэ более ничего не известно.

Средний брат – Шумахуэ – поселяется сначала в ауле Бенокохабль, а в дальнейшем переезжает со всеми близкими в Уляп. Всю жизнь он искал своего первенца Якуба, отправленного к русским. И не нашел. Если он выжил, то вполне мог стать русским Битхэ…

Второго сына, родившегося уже в Уляпе, Шумахуэ называет своим именем.

О Шумахуэ-младшем сохранились более подробные сведения. Во взрослом возрасте он совершил паломничество в Мекку, и к имени его появилась приставка Хаджи. Его отец, умирая, оставил завещание – найти Якуба.

Хаджи-Шумахуэ был человеком образованным, кроме черкесского знал турецкий, арабский, русский языки. Он стал купцом, много путешествовал по России и миру, в том числе и в поисках Якуба. Но так и не нашел. В Уляпе Хаджи-Шумахуэ имел свой магазин и первым построил кирпичный дом. Жил он долго и в советское время успел попасть под раскулачивание, но расстрелян не был. Умер и похоронен в Уляпе. Его сын Ахмед Битов – отец мамы и мой дед – родился в Уляпе и пропал без вести на Великой Отечественной…

Когда мама увидела по телевизору Андрея Битова, для нее как будто разомкнутый круг сомкнулся… Возможно, черкесский мальчик Якуб, в пятом колене принадлежащий к маминому роду, действительно был увезен в Россию и стал родоначальником русских Битовых.

Как Андрей Георгиевич обещал, он приехал в Ханты-Мансийск скоро, в феврале 2003 года. Позвонил из гостиницы «Югорская долина», я поехал к нему. Встретил меня так, будто давно знает. Улыбнулся, окинул взглядом, на что-то мимоходом пожаловался. Собрался довольно быстро, и мы отправились к нам домой. По дороге А.Б. попросил заехать в цветочный магазин и, к моему большому удивлению, купил кактус.

Дверь открыла мама, первые ее слова: «Ой, Андрей!» Она заплакала, и они обнялись. А.Б. долго всматривался в лицо моей мамы, Лиды Ахмедовны.

Они разговаривали долго, расспрашивали друг друга о семье, перебрали всех родственников, детей и внуков, конечно и родителей. Андрей попросил маму рассказать историю рода

Битовых, выслушал ту самую легенду. И, пока слушал, нарисовал мамин портрет. Потом, уже за столом, Андрей говорил о своей необъяснимой тяге к горам, о том, что впервые горы увидел именно в Кабарде еще ребенком. Говорил об Абхазии, о дружбе с Фазилем Искандером («Фазиль написал совершенно гениальный роман» – это о «Сандро из Чегема»).

Андрей Георгиевич улетал в Москву в хорошем, приподнятом настроении.

Второй раз он приехал в Ханты-Мансийск через год с дочерью Анной. Встреча также прошла очень тепло, по-домашнему. Отмечу момент, когда он спросил маму, не поет ли она. Мама спела песню-плач (гыбзэ) царицы Марии, черкешенки – жены Ивана Грозного. По-черкесски ее звали Гуашэнэй. Наш гость

вслушивался в язык песни, в печальную ее мелодию, видно было, что это его волнует. Когда мама закончила петь, «Это Джотто, я видел фрески Джотто!» – сказал он. И сестра моя Лена в тот вечер спела гостю отрывок одной из арий Россини. Она певица, тогда училась в Ханты-Мансийском отделении Гнесинки… Мама в этот раз больше внимания уделяла дочери Андрея Георгиевича Анне, расспрашивала о жизни, предложила ехать вместе на Кавказ.

Провожали Битовых в аэропорт всей семьей. А.Б. сказал мне, что теперь мы действительно должны встретиться в родных для всех Битовых местах, в ауле Уляп. Добавил при этом, что местом своего зарождения он считает Анапу – его мама с папой отдыхали там в 36-м году. Кстати, там он будет осенью в жюри кинофестиваля. И я за ним смогу заехать…

Так все и сошлось.

Я позвонил одному из своих родственников, объяснил ситуацию. Ответ был истинно черкесский: «Наш он или нет, мы всегда рады гостям».

В сентябре (или октябре) того же года я с родственником поехал в Анапу за Андрем Георгиевичем. Он познакомил меня с друзьями – в том числе с Гией Данелией. Всю ночь сидели за столом прямо у моря. Утром – в дорогу, в Майкоп добрались на машине к вечеру. Встречал нас Касим Юсуфович Мамгетов – один из руководителей Республики Адыгея. По профессии врач, умнейший человек. Посмотрел на маму, на Андрея и сказал мне негромко: «Интересно, на каком уровне сознания она убедила его, что он – ваш?.. И как он понимает ее русский?»

Но уже на следующий день, когда приехал Казбек Хусенович Битов – брат матери из рода Битовых, – Касим Юсуфович посмотрел на Казбека, на маму, на Андрея Битова и произнес: «Не надо быть антропологом, чтоб понять – вы все из одного корня».

После церемонии «передачи гостя» все вместе поехали домой к Казбеку. В республике уже знали о приезде выдающегося писателя, дома у Казбека собрались солидные люди – госслужащие, предприниматели, преподаватели майкопских вузов. Встреча-застолье проходила традиционно, немного даже церемонно. Битов приуныл, но держался хорошо, просто и с уважением. Потом в зал зашел высокий человек лет сорока в светлом плаще. Легкой уверенной походкой, возможно нарушая (а может, и нет) строгий адыгский этикет, он подошел к А.Б. и со словами «Дорогой Андрей Георгиевич, как я рад вас видеть!» – обнял его. Кто он был? Просто *читатель писателя Битова*. И, как будто эти двое были всю жизнь знакомы, потекла живая беседа, живое общение. Человек в светлом плаще был родом из Уляпа. Он с ходу начал рассказывать про аул, сетовал на то, что люди

меняются – черствеют, молодежь все больше сама по себе. Что речка их детства почти высохла, и это мало кого беспокоит… Новый гость был открытым, искренним человеком со свободным и сильным духом. И как-то все ожили, застолье из чинного ритуала превратилось в живую человеческую встречу.

На следующее утро Казбек повез нас (маму, Андрея и меня) в Уляп в свой родовой дом. Встретили нас многочисленные родственники. Примечательно, что мама сама до этого момента сорок лет (!) не была в ауле, где родилась. Среди гостей был местный краевед, подарил А.Б. свою книжку. Он рассказал Андрею, что до Уляпа Битовы жили в предгорьях Кавказких гор, их родовой аул – Бенокохабль. Во время Кавказской войны оставшихся в живых обессиленных, изможденных голодом и войной черкесов сгоняли на равнину и окружали казачьими станицами. Андрей попросил отвезти его на первоначальное место. В этот же день мы с Казбеком и Андреем Битовыми снова отправились в путь.

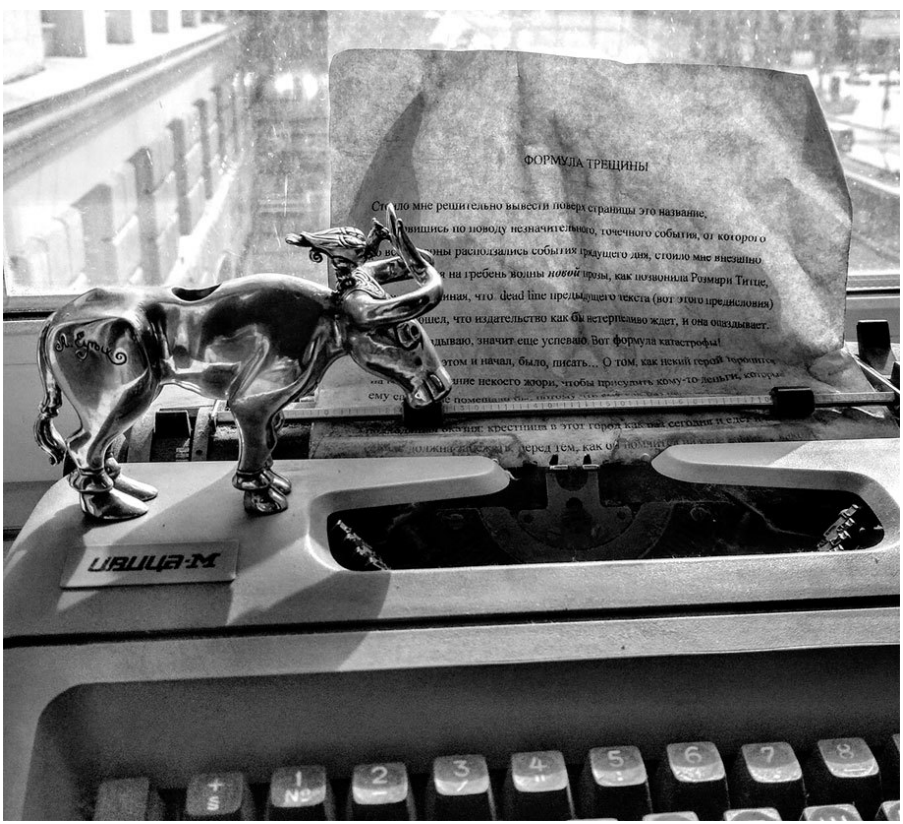
Примерно в ста километрах от Уляпа мы въехали в казачье селение Беноково. Много раньше это и был аул Бенокохабль. Живописная станица со старыми домиками, скамейками у ворот. Но людей почти не видно. Встретив, наконец, одного пожилого человека, Андрей Георгиевич поинтересовался, не сохранилось ли старое кладбище. Сельчанин махнул рукой в сторону гор – «там, может, какие камни остались». Мы вышли на окраину полузаброшенного села и стали подниматься на большой курган. Он возвышался над станицей – и с него открывался вид на Кавказ. Несмотря на то, что я и Казбек годились А.Б. в сыновья, он умудрился оторваться от нас, ушел вперед и присел возле одиноко стоящего дерева на вершине кургана. Когда мы подошли к нему, я страшно испугался. Лицо А. Б. было бледно и неподвижно, из левого глаза текла слеза. Я спросил: «Что с вами?!», но он никак не реагировал. Вместе с Казбеком мы, держа под руки, приподняли его, повели. Он едва передвигал ноги, никак не реагируя на нас… Минут через пять, когда мы зашли в тень и остановились, А.Б. посмотрел на меня – как будто ничего не произошло. И спокойно сказал: «Здесь красиво». Добрались до машины и поехали домой. По дороге он кратко объяснил, что после операции – трепанации черепа – у него такое иногда бывает. До Майкопа мы ехали почти не разговаривая, он смотрел на дорогу и о чем-то глубоко думал… Уже в Майкопе Андрей Георгиевич обнаружил, что, видимо, когда умывался по дороге в горной реке, обронил свой старинный серебряный перстень, подаренный ему в Израиле. Так и остался лежать в кавказской речке Щхъагуэщэ (Белая) перстень русского писателя Андрея

Битова. Похоже на песню… Но правда.

Мы еще не раз встречались. Я стал его читателем, не хуже, чем тот человек в белом плаще… Моя роль в этой истории невелика – мама захотела, и я его нашел. Кто же он теперь для меня?

Андрей Битов, русский человек с истинно русским великодушием, с немецким порядком и ясностью в голове, с библейской глубиной познаний о мире и свободным духом черкеса – вот его портрет в моей душе.

Последняя моя встреча с ним состоялась в Питере в год его 70-летия. Я никак не мог ему подобрать подарок на юбилей. Потом вспомнил, что А.Б. с интересом относится к гороскопам, и решил подарить ему Тельца (27 мая). Заказал статуэтку у Аси Еутых, она известный дизайнер и скульптор. Как и все, что она делает, подарок получился просто чудесный!.. Только вот билетов на самолет не оказалось, а поездом я на юбилей не успевал…



И вот 24 мая вечером я рванул в Питер на машине из Ханты-Мансийска, и 27 мая в половине девятого утра я все-таки был по

адресу Невский проспект, д. 2, где должен был забрать посылку Аси Еутых с моим подарком. И здесь я столкнулся с проблемой, с которой мы в Ханты-Мансийске тогда еще не были знакомы. Я не мог нигде припарковаться. Решил встать под знаком, но тут же увидел «машиноуборочную» технику и поехал колесить по культурной столице дальше. Прошло не менее двух (!) часов, пока я нашел место парковки. Короче, на юбилейное торжество я опоздал. Мы встретились с юбиляром после обеда, дома у Ани Битовой. Когда я объяснил причину задержки, А.Б. засмеялся и сказал: «Пол-страны успел проехать, а в Питере застрял».

Мой подарок его впечатлил. «Это красиво и умно. А главное, теперь все сошлось», – так сказал А.Б.

Дело в том, что еще в Уляпе ему передали особый рисунок. Называется он тамга (дамыгъэ), это знак рода Битовых. Что он означает, какой смысл несет – не смог пояснить никто из всех наших, говорили только, что он сопровождает род Битовых «с начала времен». А.Б. только взглянул на бычка и сразу все понял. Он не задумываясь «прочел» свой тамга – это голова бычка с изогнутыми рогами, меж рогов на голове сидит птичка…

«Бычок», отлитый для Андрея Битова Асей Еутых, непрост – это точная копия бронзовой статуэтки, найденной при раскопках одного из курганов Адыгеи. Статуэтке несколько тысяч лет. Много еще похожих вещей из уляпских курганов вместе с датировками и описаниями хранится как раз в Питере, в Эрмитаже…

Вот и сошлись тысячелетия в одной маленькой точке, в одной птичке…

Александр Фагот Александров [25]

Пушкин-бенд

«Мы – музыканты!»

А. Битов Ленинградский вокзал 23.54, 26.05.1998

Пролетев пулей, как всегда в последнюю минуту перед отправлением, в то время еще не оборудованный металлоискателями Ленинградский вокзал, запыхавшись, оберегая главное – свои инструменты: сумку с текстами, фагот, контрабас, трубу, – подлетели к вагону. «Провожающих просим выйти из вагона» – разнеслось по платформе. Успели!!! «Вы это что? – с интонацией *Готовьсь, Цельсь, Пли!* рявкнула проводница. – С таким грузом, – указывая на контрабас, – и в последнюю минуту! Вот я вас! Билеты предъявляем!» Непередаваемое выражение классового превосходства, до боли знакомое всем, кто жил при советской власти, озарило ее лицо.

«Пушкин-бенд» отправляется на открытие памятника Ф. М.

«Извините… – ласково-заискивающе, но “с великим тщеславием” сказал Андрей Георгиевич. – Мы – музыканты. Понимаете? Музыканты!»

«Мммм! – смачно затягиваясь беломориной, как будто распеваясь перед исполнением самого жестокого романса, басом протянула она. – Залазьте уже. Отправляемся!»

Это был пик славы группы «Пушкин-бенд»! Никакие проводницы, никакие границы, ни во времени, ни в пространстве, не существовали для нас. Это было время, когда все в группе были одно целое, это был единый организм, существующий только для одной цели, ради одной идеи. Единодышащее сплетение голоса, инструментов, текста, музыки, атмосферы… Каждый был частью одного большого солнца-энергии – Пушкин.

Только что вернувшись из Нью-Йорка, где в камерном зале Карнеги-холл «родился наш Пушкин-бенд» (слова АБ), мы продолжали исследование «кухни» великого русского поэта, где мы пытались прикоснуться к глубинному сознанию человека-творца, человека-гения, создавшего современный русский язык и мировоззрение – уж точно на двести лет вперед.

А началось все это в 1996 году. С легкой руки Розмари Титце, Маши, как мы ее зовем до сих пор, замечательной переводчицы целой полки книг Андрея на немецкий.

Мы дружили. Моя жена Барбара, в то время шеф русского отдела в гигантской фирме Kubon & Sagner, распространяющей славянскую литературу по всему миру, Маша – лучший преподаватель русского языка в Мюнхенском университете и я, уже имевший к тому моменту опыт музыкальной импровизации с разными поэтами. И вот фестиваль авангарда в Карлсруэ. Конечно, с участием русских. И Маша говорит: «А давай с Андреем Битовым выступи, а?» – «С прозой?» – тогда не ведая, что Андрей еще и поэт, спросил я. «А она у него очень поэтическая!» – ответила нараспев Маша. «Тогда конечно!» И мы поехали.

Германия. Родина пива! Сотни пивоварен с глубины веков и по сей день никак не могут решить, чье же пиво лучше.

И вот мы в Карлсруэ. Организатор фестиваля – пивной король Hoepfner. Идеальное сочетание – пиво и авангард! В старинном замке невероятной красоты, с башнями, бойницами, флагами, гербами… просто игрушка. Кажется, вот сейчас из ворот замка покажется рыцарь, в доспехах, на коне и … пригласит на кружечку доброго пива! Внутри-то – пивоварня, год основания 1798. Невероятно! Сказка! А сейчас фестиваль авангарда! И мы с

Андреем, прямо «в цеху, сияющем куполами чанов, как в храме» *(А.Б.)*. Он рассказывал про Абхазию, я выводил мелодии на фаготе, как на дудуке, Маша переводила. А последнюю, «Открытие жанра», мы решили играть все вместе, одновременно. Авангард, в конце концов! Андрей читал по-русски, Маша – по-немецки, чаны гудели колоколами и я, играя на фаготе, апофеозно переходил от одного кипящего медного купола к другому. Публика завороженно рукоплескала!

Премьера удалась! И ознаменовалась она выпуском нашего первого компакт-диска «Оглашенные». На обложке – папиросные коробки «Беломор» и «Казбек», работы самого Лансере. Последний трек диска – запись прямо из пивоварни этой нашей чехарды!

Выступление на открытии памятника

А дальше… Дальше делали программы стихов и прозы, ездили по разным странам, фестивалям, давали концерты, устраивали акции и… открывали памятники. Зайцу в Михайловском! А в Питере – Достоевскому!

Последний памятник тысячелетия

«Авторы идеи мы с Резо. Но этот проект Габриадзе отдал Александру Великанову. Может, потому, что он наш друг и гениальный архитектор, а здесь нужен больше знак, чем скульптура. Знаком будет верстовой столб».

Андрей Битов

Битов предлагал поставить зайцу памятник с надписью «Косому – благодарная Россия», он открыл в банке счет для пожертвований с обязательной пометкой «Памятник Зайцу».

За плечами уже был опыт памятника Чижику-пыжику, изваянному в натуральную величину и в бронзе самим Резо Габриадзе…

Открытие памятника Зайцу прошло 24 декабря 2000 года под лозунгом «Подвигу пушкинского зайца жить в веках!». К открытию памятника была приурочена серьезная международная конференция.

Конечно, мы там играли!..

А вот что написал «Интерфакс»:

В селе Михайловском Псковской области в воскресенье состоялось открытие памятника зайцу, который, по преданию, перебежал дорогу русскому поэту Александру Пушкину и этим спас ему жизнь.

Памятник представляет собой верстовой столб с надписью “До Сенатской площади осталось 416 верст” и с фигурой сидящего на нем зайца.

Идея установить монумент зайцу-спасителю пришла в голову писателю Андрею Битову. Изваял зайца друг Битова архитектор и художник Александр Великанов, а в реализации проекта активное участие принял директор пушкинского музея-заповедника “Михайловское” Георгий Василевич.

Как сказал Василевич в интервью “Интерфаксу”, открытие памятника стало частью неформального литературно-исторического проекта “К 175-летию перебегания зайцем дороги Пушкину, а также восстания декабристов”».

Георгий Василевич, в треухе, облаченный в крестьянский тулуп, на телеге вместе с ряжеными угощал гостей самогоном.

Огромная бутыль вызвала всеобщее ликование. Во второй телеге ехала закуска: бутерброды с салом и соленые огурцы.

Вся процессия отправилась на поиски точного места, где произошло это историческое событие. Битов был Сусаниным! Кому, как не ему, точно известно это место. Прогулка сопровождалась веселыми рассказами об Александре Сергеевиче, няне и народных приметах. И вот, когда гигантская бутыль почти опустела, широким жестом Андрей Георгиевич указал на маленькую полянку. «Вот здесь! Здесь это произошло!»

«Ураааа!!!» – разнеслось на все Пушкинские Горы… И – наш джаз!

Счастливое время куража и куролесенья…

Бабушки

Как-то раз, сидючи на кухне битовской квартиры на улице Краснопрудной и разбирая черновики Александра Сергеевича, мы уже подбирались к большой концертной программе. Речь зашла о декламации черновиков, об интонировании. Андрей сказал, что слон наступил ему на ухо и даже бабушка не смогла продвинуть внука по музыкальной части.

«*С музыкой я сразу провалился, уперевшись в “Сулико” как в фортепианную пьесу величайшей сложности» (А.Б.).*

А бабушка была профессор Ленинградской консерватории Александра Ивановна Кедрова (урожд. Алиса Эбель), ученица Александра Глазунова.

Такой новости я не ожидал! Дело в том, что и моя бабушка, Надежда Ивановна Максимкова, в то же самое время училась в консерватории, во времена Александра Константиновича Глазунова, когда он был ее директором. Потом она стала известнейшим педагогом вокала, воспитала целую плеяду вокалистов Мариинского театра. Мы очень с Андреем Георгиевичем этому обрадовались! Хотя моя бабушка училась на вокальном отделении, а Александра Ивановна (Алиса Эбель) на фортепианном.

Вот такие линии судеб, переплетения семейных биографий и истории. И знай Александра Ивановна о наших с Андреем «подвигах», она «*…была бы теперь смущена и довольна» (А.Б.).*

«Зачем ты послан был»

Когда Битов был уже болен всерьез, в 2017 году, его позвали в ЦДХ на презентацию книги «Арион. От Михайловского до Болдинской осени». И он, несмотря на нездоровье, отправился

выступать. Позвал меня с женой, попросил прихватить и фагот. Мы с фаготом были рядом с Андреем Георгиевичем, а жена моя, Барбара Александрова, с тревогой наблюдала за нами, так сказать, из зала. Она вспоминает:

«У Андрея Георгиевича было удивительное музыкальное чутье. Он не только чувствовал и понимал музыку стихотворений Пушкина, но и ловил ритмы, мелодии и звуки музыкантов, становясь полноправным инструментом. Слова, голос и музыка сливались в одно целое, и этим объясняется восторженная реакция иностранных слушателей, не понимающих русский язык, на выступлениях «Пушкин-бенда". В Нью-Йорке, Лондоне, Берлине, Праге – везде публика выходила из зала очарованной. Какая-то сила жила в этом сочетании черновиков Александра Сергеевича и того, как Андрей Георгиевич почти внутренним голосом раскрывал тайный замысел "кухни" поэта и музыкальной импровизации, поддерживающей, а иногда и берущей на себя главенство или идущей в параллели с еще не оформившимся зародышем будущего образа. Это было заметно и во время выступления Андрея на выставке Non / fiction в 2017 году, где он представил свою новую книгу о Пушкине.

Работает «Пушкин-бенд»

Болезнь уже давала себя знать вполне, его голос был слабым… Но как только он вместе с Александром начал исполнять стихи Пушкина “Зачем ты послан был и кто тебя послал…”, он встал и звонким, крепким, выразительным голосом, равноценным звуку фагота, прочитал это стихотворение. Возникла опять эта сила – слова Пушкина, голос Битова и – музыка! Мурашки бегали по коже…»

Это была наша последняя с Андреем Георгиевичем совместная импровизация.

«Часы печальных иль…»

Но как же это у нас получилось, где, когда возник он, этот удивительный, уникальный музыкально-литературный, импровизационный жанр?..

Известно (в определенной среде, конечно): все однажды рождается на кухне.

Сумерки, неслышно переходящие в ночь. За окном скрежет трамвая.

На московской кухне Андрея совершеннейшая питерская атмосфера. Ведь он, его стиль, его образ жизни, его друзья, его кухни объединили Питер и Москву. Он создал одно на всех, общее культурное пространство двух столиц.

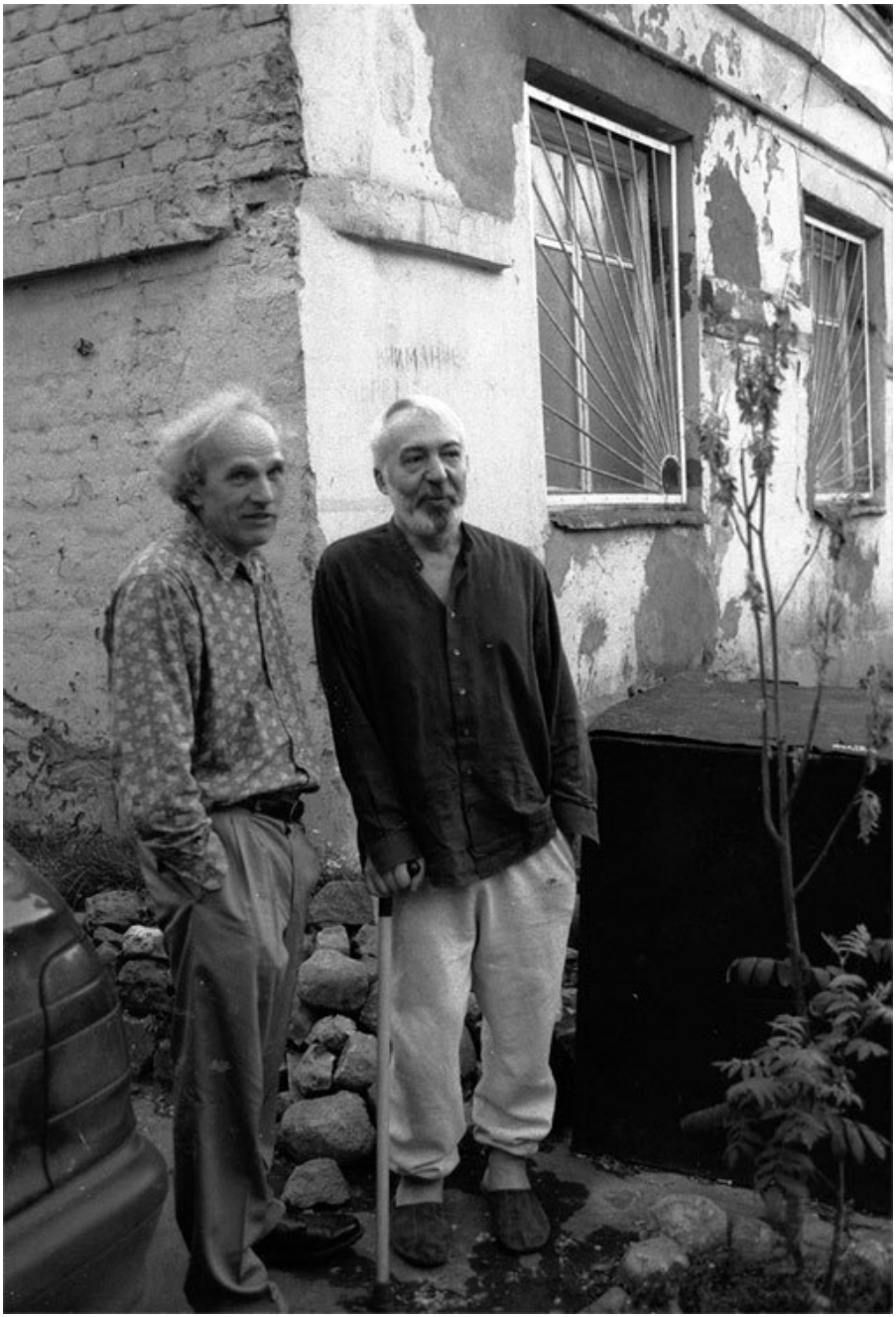
И разговор зашел о Пушкине. И вдруг говорит: «А вот попался мне случайно последний академический том с черновиками. Вот это кухня! Вот где полное понимание его!» И достал с полки увесистый том. «Взгляни! Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы. Стишок маленький, всего 15 строк. А черновик?! Вот!» И прочел. Пауза. Зазвучала вдруг проснувшаяся муха. Мы переглянулись, внезапно просветленные одной мыслью. Черновик – это импровизация поэта, а музыкальная импровизация вместе с черновиком дает новое качество, новое понимание окончательного текста поэта. Идеальное соприкосновение и рождение нового жанра, нового направления. Черновик поэта и музыкальная импровизация – вместе! А потом они соединяются в чистовике – и в тексте, и в музыке. А перед этим осторожное нащупывание, размышление, вычеркивания, то есть подготовка к чистой строке, которую потом будет знать каждый школьник…

«*Литература – всегда редукция, сокращение. Жизненный поток требует формы, а форма и есть ограничение» (А.Б.).*

Это он позже напишет.

А это написали о нем, тоже позже, когда уже «Пушкин-бенд» стал признанным явлением, концертировал по миру, получал призы, международную известность, выпускались компакт-диски: «Поздний Битов знаменует, в частности, борьбу с этим ограничением. Писатель проявляет себя в слове, но тоскует, что слово не вбирает в себя всего, будучи при этом всем».

А пока мы с жадность листали черновики, вспоминая по памяти чистовики, и все больше и больше укреплялись в уникальности этого открытия.



А. Битов и барабанщик В. Тарасов

«С таким грандиозным материалом, чтобы справиться с такой задачей, мне нужны мои друзья, самые лучшие импровизаторы в музыке» (А.Б.).

И я был уверен, что группа выведет эту идею на должный суперуровень. И это будет свободный джаз. Авангард!

Итак, состав: *Владимир Тарасов*. Барабанщик экстра-класса, известный во всем мире, уже показывавший, вместе с Андреем, Пушкину его родину – Африку, проплывая по Гибралтару. *Владимир Волков*. Равных ему фри-джазовых контрабасистов, думаю, нет до сих пор, а его нетрадиционное исполнение средневековой музыки заслуживает высшей оценки. *Юрий Парфенов.* Джазовый трубач, выросший в Средней Азии, как никто другой впитал и развивает до сих пор джазовую традицию, свободную импровизацию и колоссальное наследие Востока.

И мы решились! Звезды выстроились в счастливом порядке!

В Нью-Йорке в это время подготавливался Международный джазовый фестиваль памяти Сергея Курехина. Все наши музыканты были на него приглашены в составе разных групп. Я связался с организатором и предложил нашего Пушкина. Нас включили в программу!

«10 мая 1998 года в Cami Hall в Нью-Йорке на международном джазовом фестивале памяти Сергея Курехина родился “Пушкин-бенд”. Это был риск! Я отказался от исполнения собственных сочинений, в чем мы уже чуть поднаторели, и приехал с программой “Часы печальных иль…”, составленной из черновиков стихотворений А. С. Пушкина. Накануне выступления, в электричке Нью-Хейвен – Нью-Йорк, мы с А. Александровым расписали “партитуру” и без единой репетиции вышли на сцену (барабан, фагот, контрабас, труба Ю. Парфенов). Пушкин, выручай!

Джазовый трубач Юрий Парфенов, Александр Фагот, Андрей Битов в знаменитом ресторане «Самовар» на Манхэттене

Энергия и ритм его черновиков вдохновили музыкантов. Англоязычная публика благожелательно восприняла наше

выступление как музыку, русская часть была поражена еще и совсем неожиданным, “неизвестным” Пушкиным.

Почему это должен быть удел специалистов, я не понимаю? Народный удел – это все выслушать с лабухами. Только с лабухами можно это понять. Пушкин был лабух!

С 1999 года “Пушкин-бенд” выступает в России, Америке, Германии, Голландии и Англии. Я больше 40 лет писал, чтобы кто-то знал, что я есть. А тут за полгода мы прошли карьеру от Карнеги-холла до Рихтеровских вечеров. Принято считать, что Пушкин – Моцарт, у него все легко. А он говорил: “Какое там легко. Все кости болят!”» (А.Б.)

На гастролях по России и за границей были удивительные встречи, события, длинные разговоры ночью. Незабываемые! Поездка на карете по ночному Манхэттену после выступления в Cami Hall… Купание нашего друга Саши Ткаченко ночью в фонтане на Трафальгарской площади в Лондоне… Огромный каменный Ленин в доме культуры в Берлине… Я снова цитирую Битова:

«Все мы профессиональные бродяги, нам трудно совпасть во времени и в пространстве, но уже есть вера, что мы “сыграем Пушкина” еще и не раз» (А.Б.).

И я верю, когда выйдет собрание сочинений «Пушкин-бенд», четыре компакт-диска с исполнением черновиков за двадцать лет выступлений, из разных стран мира, мы сыграем Пушкина!

Ольга Васнецова [26]

Редкий элемент

В начале девяностых Андрея привела моя дочь Саша, вернее, она привела с работы двух подруг, а они как ни в чем не бывало привели знаменитого Андрея Битова. Хотя, честно сказать, я его тогда еще не читала, но имя знала.

Шла вторая половина дня, но Саша сказала мне: «Мама, Андрей Георгиевич не завтракал, ты покорми его, а я пока погуляю с собаками». Собаки наши, такса и пуделек, стали прыгать вокруг Битова – идем гулять вместе!.. Битов очень им обрадовался, был ласков, но прогулке предпочел завтрак… В те времена я и кафедрой в институте заведовала, и архивами художников Васнецовых занималась, а когда бывала дома, ко мне толпами ходили на консультации студенты-химики – «хвостисты» и просто заочники – народ молодой и обычно голодный. Так что в гостиной всегда стоял длинный стол, накрытый к «перекусу». Битов огляделся задумчиво, сказал несколько слов, каких-то очень простых и симпатичных, – голос у него был гулкий, глубокий… Присел к столу, девушки принялись за ним ухаживать. Потом все ушли. Но с тех пор мы с Андреем подружились. Бывало, он меня звал на свои выступления и сам изредка появлялся – иногда с новой книгой, подписывал ее и дарил, иногда с новой подругой. На стеллаже у меня появилась «полка Битова». Ранние рассказы, «Человек в пейзаже», отдельные тома восьмитомника, «Птицы, или Новые сведения о человеке», «Битва», «Оглашенные», «Преподаватель симметрии»… И ведь я все прочла, так сказать – в порядке поступления. Потрясающее чтение, ни на что не похожее. И неправда, что уж очень сложное. Просто он всегда искал и находил «новые сведения о человеке»… Даже когда смотрел на птицу.

О. Васнецова и полки А. Битова

Кроме редкой силы ума, кроме неожиданных познаний, в его книгах всегда был и навсегда теперь уже останется прекрасный русский язык… Очень ясный, не перегруженный ни сленгом, ни иностранными заимствованиями, ни ложной многозначительностью или «красивостями». Все по чувству и мысли, потому и понятно!.. Но мысли, чувства – просто бездонные, гораздо глубже, чем мы «привыкли нырять».

При всем том в Андрее было редкое мужское обаяние. Чуть холодноватое, он вовсе не был *ухажером*, нет. Он смотрел на женщин с симпатией и любопытством в равных долях. Но смесь получалась гремучая. Женщины были для него не менее интересны и таинственны, чем птицы. Но ведь даже ворону по имени Клара в самой любимой моей книге «Птицы, или Новые

сведения о человеке», Битов приручил. Думаю он, как и Пастернак, знал, что является для женщин полем сражения… А ведь что происходит с полем сражения, когда на нем взрываются снаряды и стреляют танки… Но очень часто женщины были ему опорой, утешением и в каком-то плане – руководством. Он был не очень-то сведущ в практических сферах жизни и с удовольствием передоверял всякие свои хлопоты и заботы любящим женщинам. А еще девушки, конечно же, как и для многих писателей и поэтов, были у Андрея поводом для вдохновения. Но вот сердца ему женщины, кажется, не разбивали. Разве что в юности. (Это я по книгам сужу.)

Я благодарна ему. И не только за книги. Будучи человеком очень занятым, я никак не могла быть ему полезна в бурном житейском море. А он тем не менее меня не забывал. Даже пригласил на очень камерный, всего человек десять, деньрожденный вечер своего 80-летия. Андрей был так мил, так хорош и элегантен в белом костюме… Это был, как я сейчас понимаю, последний праздник в его жизни, проходил он в кафе,

которое Битов любил. Он объяснил мне, что был нездоров, никаких торжеств не хотел. Но – друзья расстарались, и в это кафе он пришел. Оно называлось «Мадам Галифе», много лет назад его оформил Резо Габриадзе, близкий друг Андрея, все ему здесь было знакомо и мило. Несмотря на полумрак, Битова узнали и хозяйка, и посетители; когда хозяйка с официантами внесли торт с восемьюдесятью свечами, свет погасили, все посетители встали, зааплодировали…

Больше мы не виделись.

Когда он ушел, я почувствовала, что не стало чего-то очень важного, не только в моей жизни, но вообще на белом свете.

«Редкие элементы», есть такая условная группа в периодической системе Менделеева. Спрашивается, зачем они природе? Астадия, например, на всей нашей планете не больше одного грамма… Но некоторые из таких элементов являются катализаторами самых сложных химических процессов не только в неорганической химии, но и в биологии… Их присутствие совершенно необходимо!

Битов был вот такой, его вполне можно так назвать – редкий элемент. Мне кажется, книги Битова хороши не только сами по себе, они еще являются именно катализаторами «будущих идей у будущих людей»… Его книги будут читать. Содержания в них – не на одно поколение.

Светлая память Андрею Битову!

Марина Смирнова

Точные вещи. Точные слова

Много раз садилась писать про Битова, но получалась невообразимая чушь. Литературоведческие статьи про его творчество – совсем не то же самое, что написать про него самого. Андрей Георгиевич говорил, что важно не опозориться, эту «порченую жизнь не допортить до конца». И когда я пишу о нем, думаю, как же важно сказать существенное и не сказать лишнего, написать так, чтобы он сам мог прочитать и не рассердиться, чтобы ему не стыдно было это читать.

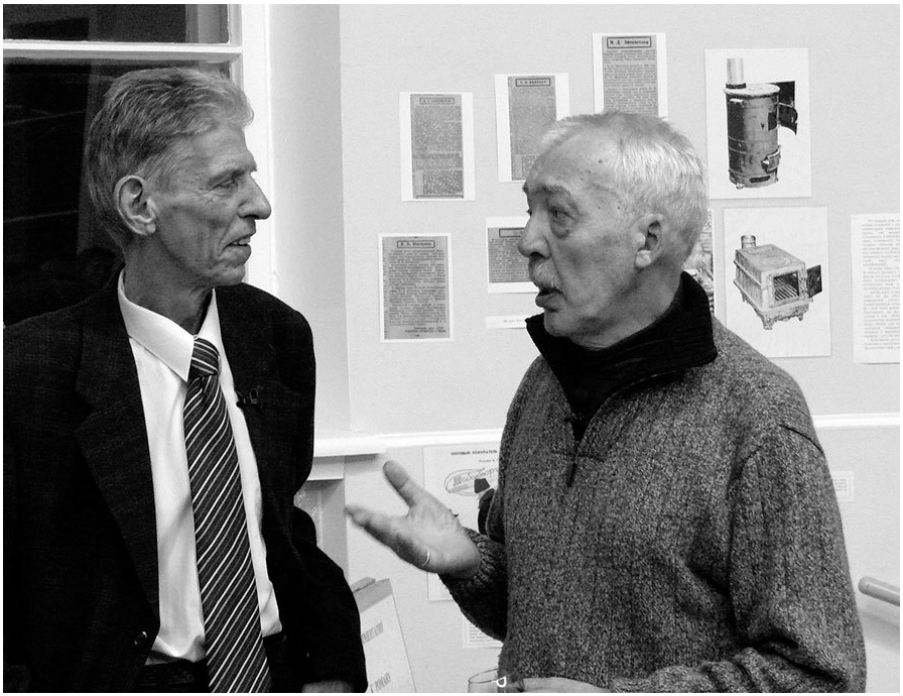
Наверное, воспоминания подразумевают, что нужно написать, каким человек был в жизни, то есть в быту. Про Битова я всегда думала, что быта для него вообще не существует. Под обеденным столом у него можно было найти зимний ботинок, посуда иногда подолгу не мылась, постель не застилалась. Не приводя квартиру в порядок, он складывал в сумку рукописи, табак – и отправлялся пешком на поезд, в другой город, где он также жил, не обустраивая быт, точнее, просто его не замечая.

Санкт-Петербург, 2007 год. Марина Смирнова (справа) ведет участников Битовского международного форума к Аптекарскому острову, где прошло детство А. Битова

Андрей Георгиевич начинает «Аптекарский остров» словами: «Хорошо бы начать книгу, которую надо писать всю жизнь, то есть не надо, а можно писать всю жизнь, пиши себе и пиши: ты

кончишься и она кончится». И когда я общалась с Битовым, мне всегда казалось, что в обычной жизни он не перестает писать книгу, живет внутри текста. Он сам – свой герой, люди, его окружавшие, тоже часто попадали в тексты. Битов дружил с Пушкиным и ценил Набокова. Дружил с Пушкиным так, как будто Александр Сергеевич сидел с ним за столом и так же, как Битов, выдавливал лимон в водку. Иногда мне казалось, что он сам себя воспринимает через Пушкина. На Восстания, где он жил в Петербурге, на полке в его комнате стояла деревянная раскрашенная статуэтка: Пушкин, который держит Битова за ноги, а Битов руки раскинул и как будто летит. Андрей Георгиевич очень сокрушался, когда однажды домработница разбила статуэтку, что-то у нее отломилось – чуть ли не Битов отлетел от Пушкина.

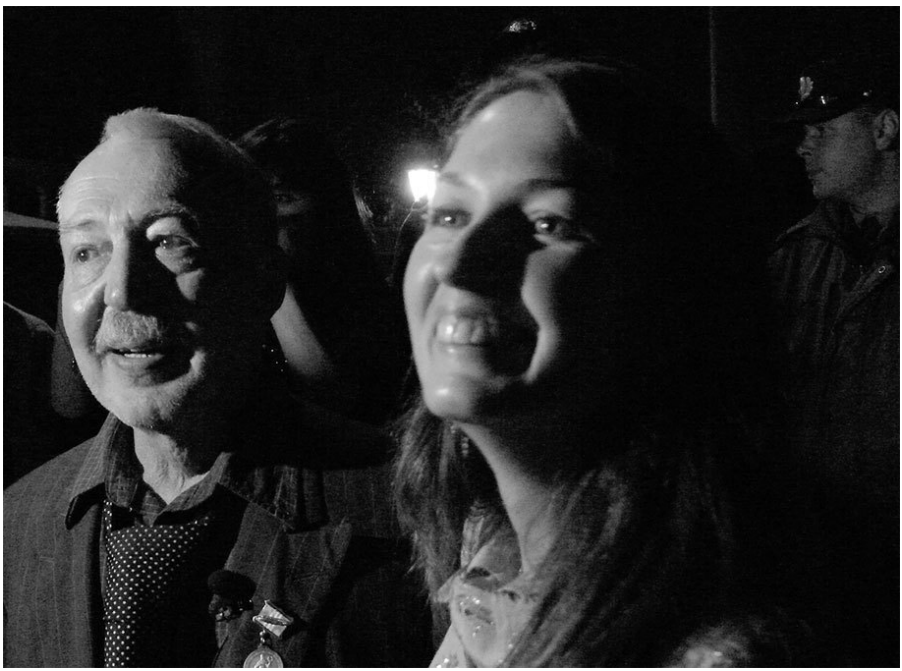
Вообще по поводу вещей Андрей Георгиевич никогда не расстраивался. Вещи ничего для него не значили – и это было обидно для тех, кто пытался дарить ему подарки. Когда мы с Битовым только познакомились, мне очень хотелось как-то обустроить его неустроенный быт, помыть посуду, застелить постель, купить какие-то недостающие вещи. Наверное, у каждой женщины, попадавшей к Андрею Георгиевичу в дом, возникало такое желание. Но желание быстро разбивалось о реальность. Однажды я подарила Андрею Георгиевичу ширму, чтобы отгородить диван, на котором он спал, от другой части гостиной. Мне казалось, что он оценит подарок. Но буквально через несколько дней я обнаружила за диваном склад каких-то деревяшек. Я спросила, что за дрова, а Битов не глядя ответил, что все сломалось: собака прыгнула, он споткнулся, и японская ширма превратилась в кучу сломанных досок. Такая же судьба ждала красивый бокал, который при чоканье пел happy birthday. Кажется, бокал не пережил даже одного дня рождения. Скоро я поняла, что дарить материальные подарки Битову – дело довольно бессмысленное, он этого не ценит, красивые вещи ему попросту не нужны, совсем. И сам Битов дарил по большей части свои книги. Правда, однажды он подарил мне целый браслет из крупного черного янтаря. Дольки, из которых состоял браслет, были похожи на его собственные ногти, такие большие, овальные, как желуди. Все-таки какие-то вещи он ценил – точные вещи. И точные слова. А точных вещей много быть не может, остальное – хлам.



А. Битов с профессором Санкт-Петербургского университета Борисом Авериным. Битовский форум, 2007 г.

Битов ценил совсем другое. И иногда это другое удавалось ему подарить. Андрей Георгиевич любил хеппенинги. Но они должны были быть осмысленными, как его «Пушкин-бенд» или памятник Зайцу в Михайловском. И чтобы сделать точно, нужно было, как на серфе, поймать его волну. В 2007 году нам с друзьями это удалось. Битову тогда исполнялось 70. Только что не стало его жены, Натальи Михайловны Герасимовой, и юбилей обещал просто не быть. Битов был грустен и подавлен. А Наталья Михайловна была не только его женой, но и моим научным руководителем. И кроме литературоведческой науки ей еще кое-что удалось мне передать. Она была прекрасным организатором и невероятно креативным человеком. Правда, когда я сама пыталась организовывать что-то, что уводило меня от написания диссертации, она ругалась и говорила, что мне «лишь бы печь пирожки по-праздничному». Именно такую «рецензию» я получила на свою первую кураторскую выставку. Наталья Михайловна меня не похвалила. А вот за статьи хвалила. И поддерживала в моем намерении стать серьезным битоведом. Но когда Натальи Михайловны не стало, я почувствовала, что подхватить ее идею с юбилеем – мой долг. Юбилей не мог быть традиционным, пошло-праздничным, потому что был все-таки ЕГО и в память о НЕЙ. А Битов всегда казался мне великим, даже

когда сидел в халате, за столом, уставленным давно не мытой посудой. Фестиваль должен был иметь в своей основе научную конференцию, а все мероприятия должны были быть совершенно битовскими, точными, взятыми из его текстов. Мы с друзьями пригласили более ста человек из разных стран – Эллен Чансенс и Присциллу Мейер, Вольфа Шмидта и Петра Вайля, Людмилу Петрушевскую и Резо Габриадзе, Беллу Ахмадулину и Юза Алешковского и многих-многих других.



А. Битов и М. Смирнова на открытии памятника Чижику-пыжику на Фонтанке. Битовский форум, 2007 г.

Международная конференция была посвящена разным этапам творчества Битова, а потом на ретро-автобусе мы ездили на экскурсию по битовским местам, которую вел он сам. В Ботаническом саду Битов посадил кедр, в полночь на башне Пушкинского дома мы открыли выставку по комментариям к роману «Пушкинским дом», поставили спектакль «Пенелопа», где Лобышев на улице сталкивается то со мной, то с сыном Битова Егором. Мы на этом фестивале перемешали творчество и жизнь, друзей и героев. И фестиваль получился точный, битовский. Помню, как на Фонтанке рядом с памятником Чижику-пыжику Битов прослезился. Он был счастлив, плакал от счастья и не скрывал слез. Андрей Георгиевич умел чувствовать момент и умел быть благодарным.

Люди по природе своей эгоистичны. Битову нравилось поддерживать других людей, он выдавал тем, кого считал талантливыми, нешуточный кредит доверия. Мне казалось, что он даже слишком многим этот кредит выдает, что это неоправданно. Но Андрей Георгиевич и не ждал, наверное, что все оправдают его доверие, – он просто щедро одаривал проходящих мимо. Я много раз попадала под этот дождь – молодежная премия «Триумф» (уверена, что тогда сыграла его поднятая рука) и мои рассказы, которые, прочитав, он отправил в «Звезду» и в Москву к издательнице Анне Бердичевской. Так получилось, что Битов нашел мои рассказы дома у своей жены и прочитал их раньше, чем я прочитала хоть один его рассказ. Он вызвал меня, студентку, поговорить о моем творчестве, и ни слова в тот день не сказал о своем. И это то, что отличает Битова от огромного количества других писателей и успешных людей, с которыми мне приходилось общаться. Для него были важны другие люди, он помнил какие-то подробности из разговоров, читал и был внимателен к другим писателям. Он входил в жюри многих премий – и это было важно для него, потому что таким образом он мог поддержать. «Новую пушкинскую премию» Битов присуждал единолично, сам выбирая кому.

У А. Битова на кухне

Я много раз садилась писать этот текст и начинала рассказывать какие-то сюжеты: пошли туда-то, сделали то-то. И вдруг я поняла, что эти сюжеты – не то. Когда я думаю о Битове, я

слышу его смех – он закидывает голову, зажмуривается и хохочет – заразительно, как ребенок, смеется весь: телом, ртом, глазами. Еще, когда думаю о Битове, вижу, как он открывает дверь, чувствую запах табака, его спина в синем полосатом халате, потому что он, как только дверь открыл, так сразу и повернулся спиной и поскользил в своих тапочках-лыжах, громко шаркая и уже что-то рассказывая на ходу то ли мне, то ли другому сидящему на кухне гостю. На кухне часто кто-то сидел. Битов заваривал в турке крепкий кофе, на столе овсяное печенье, сыр «Виола», рюмки. Он выдавливал в рюмку лимон и сворачивал самокрутку фирмы Drug. Сидел нога на ногу, болтая одним коричневым кожаным тапком, и рассказывал, рассказывал.

Когда я приходила к Битову, никогда не знала, о чем пойдет речь. Он мог думать до прихода гостя о чем угодно, но только не о том, что можно было бы предположить. Битов рассуждал о коротких рассказах, составлял из букв имени слова и доказывал, что эти слова описывают характер, для него большое значение имели цифры. Почти все, о чем Битов размышлял, так или иначе попадало в тексты. Даже когда он отнекивался.

Наталья Михайловна всегда говорила, что «Вид неба Трои» – это про нее. Битов этот разговор не поддерживал. И вот однажды, когда Натальи Михайловны уже не стало, мы гуляли по Петроградке, и он показал мне на дом: «Вот здесь мы целовались с Натальей в Трое».

Одну главу в «Преподавателе симметрии» он отказывался мне показывать, выдав всю остальную рукопись. «Андрей Георгиевич, я так диссертацию не допишу, мне нужна эта глава». И когда я ее получила, удивилась и расстроилась. В этой главе были стихи, которые он читал мне однажды в Токсово, и я узнавала какие-то моменты, но никак не могла эту главу расшифровать. В итоговую версию романа кое-что из рукописи не попало. И я надеюсь когда-нибудь найти ключ к этому тексту, тексту-шифру.

Я думаю, очень немногие собеседники Битова понимали все, что он говорил. Я тоже понимала не всегда и не все, иногда переспрашивала, просила объяснить. Я по образованию филолог, но мне часто не хватало базы, чтобы понять интертекстуальность его речи, в которой было слишком много отсылок к тому, что казалось ему очевидным, но вгоняло посетителей в ступор. Андрей Георгиевич подчеркивал, что мало читает, хвастался, что не читал «Евгения Онегина», но это было лукавством. Все книги, которые он читал, он читал медленно, внимательно и глубоко, говорил: «Вот Пушкин – у него каждое слово надо взять и понять. Он очень боялся празднословия и много раз вымаливал у высших сил, чтоб его не было. Надо научиться непраздноословно читать, и

только тогда уже начинает доходить каждое слово:

Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?

Кто меня враждебной властью
Из ничтожества воззвал,
Душу мне наполнил страстью,
Ум сомненьем взволновал?..

Цели нет передо мною:
Сердце пусто, празден ум,
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум.

Ни одного лишнего слова! Вот тебе всё описание бытия творческого, какое может быть».

Битов легко цитировал, каждый день учил наизусть стихи, чтобы тренировать память. Андрей Георгиевич говорил, что гадалка ему нагадала, что он проживет до 78 лет без маразма, а дальше с маразмом. Маразма он боялся и делал все, чтобы его предотвратить.

Я с боязнью наблюдала, как он подбирается к дате 78. Есть люди, которые устают жить. Битов жил жадно. Он говорил, что человек все что угодно отдаст за еще один удар сердца. Помню, мы как-то стояли в очереди в магазине и мимо нас пронесся ребенок, а потом остановился и стал что-то рассматривать. «Какой живой!» – с восхищением сказал Битов. Это слово «живой» я слышала от него часто.

Как-то я спросила Битова, о чем он писал в «Автобусе», что же было там «самым важным, главным, так сказать»? «Я думаю, что сама жизнь. Понимаешь? И ничего более важного и всеобъемлющего я не знаю. Надо жить и, по мере возможностей, с жизнью справляться и ее постигать – и тогда, возможно, не наделаешь много глупостей и гадостей. Может быть, вдруг удастся и что-то доброе сделать», – ответил Битов.

Андрей Георгиевич жил со вкусом, жил, играя, наслаждаясь, внутри текста и то и дело из жизни залезая в текст. Он лазал в 70 лет через забор, ухаживал за женщинами и все время прикалывался.

Как-то мы с режиссером Ильей Соболевским решили снять небольшой игровой фильм по рассказу «Автобус». По нашему

замыслу я должна была ехать в «Автобусе» и читать рассказ, а когда я выходила в конце, Битов должен был подать мне руку и прочитать последний абзац из рассказа: «И когда я стану абсолютно свободен, я лягу на полянку и буду долго-долго смотреть в небо – всю жизнь». Андрей Георгиевич, поворчав, что своим писклявым голосом я испорчу его рассказ, все-таки согласился участвовать в нашей авантюре. Но когда пришло время последней сцены, он подал мне руку со словами: «Ну привет! Тебе есть где остановиться? Пойдем ко мне? Или, как Анна Каренина, под поезд?». Дубль был снят, и переснимать Битов отказался.

– Андрей Георгиевич, как же так? Ну какая Анна Каренина? Мы же договаривались, что вы скажете про полянку.

– Кто тут автор? Что хочу, то и говорю. И вообще – на полянку я еще не собираюсь.

Когда я прислала свой первый текст про Битова своему другу, он сказал: «Текст ужасный, наверное, ты просто еще не готова. Когда-нибудь напишешь про Андрея Георгиевича книгу, но это время еще не пришло». Я переписала текст с нуля, выбросив из него все поездки, прогулки, все то, для чего пока не нашлось слов. Я не верю, что Битова нет. Эта книга воспоминаний выходит слишком рано. Я включаю диктофон и слышу его голос здесь и сейчас:

– Есть бездна брошенных замыслов и начал. А потом вдруг из этой свалки выворачивается какое-то одно начало, и ты за него цепляешься, и оно уже не кончается, пока ты его не напишешь. Я выработал одно правило, но ему все труднее следовать: если удается все-таки включиться в текст, то уже не вставать до тех пор, пока ты его не кончишь. Это очень правильный подход, поскольку текст – это связь всех слов. И ты сюда уже не вернешься, как говорят, в эту реку ты уже не вступишь, следовательно, надо пройти весь текст, но это не всегда удается. Это называется «вдохновение» или, может быть, это еще какое-нибудь состояние, но когда ты вступил в текст – это уже то, что нельзя победить, и то, что происходит уже помимо тебя.

– Андрей Георгиевич, откуда у вас энергия, силы?

– А вот почему-то любопытство. Каждый раз хочется посмотреть, а что же еще может быть. ‹…›

На самом деле человек быстро живет, и не надо думать, что ему суждена долгая жизнь. Ну, как кому… Вот мне дана пока долгая, и я явно чувствую, что не то чтобы я это заслужил. Потому что, может быть, я этого еще и не заслужил. Вот поэтому… – сказал Андрей Георгиевич, запивая крепким кофе сигарету. – А что ж мне не тратить здоровье, для чего оно?

– Чтобы тратить?

– Ну вот. А для чего время? Чтоб его тратить. Для чего деньги?

– Для того, чтобы тратить.

– Тоже. Да. И, даже если дан тебе какой-то дар, то он тоже для того, чтобы ты его истратил. Надо все истратить. Обязательно. Вот мы пришли к какому-то правильному заключению, что все надобно истратить. Когда все будет истрачено, тогда привет-пока – и тебя отпустит. ‹…› Мы состоим из ничего и уходим в ничего. На самом деле это чистое счастье: быть ничем и стать ничем. Так что ровно напротив нашего этого гимна: «Кто был ничем, тот станет всем», ровно напротив. Был ничем и станешь ничем. На самом деле, это полная справедливость, гармония и счастье. ‹…› Великое благословение, что мы погружены в эту жизнь от рождения до смерти, как в неведомое. Иначе можно было бы сойти с ума. Сразу. В ту же секунду.

– Есть ли в жизни главный смысл?

– Главного смысла нет. Вот считай, что это диапазон божьего благословения от недоумения до конечного недоумения. И это конечное недоумение нас туда и уведет, где якобы ответят на вопрос. Это самая большая тайна.

Ася Гусева [27]

В ожидании осени

Мне кажется, Битов был всегда. Он дружил и работал с моей мамой, Галиной Гусевой. Оба не самые легкие люди. Зато с юмором. Приходил к нам домой, сидел на кухне, курил самокрутки, пил кофе, и – говорил… Так, с перерывами, продолжалось годы и годы. Я и не заметила, что Битов стал болеть. Как-то пришла сделать расшифровку его письменных записей, а Битов накануне упал, разбил лицо. Смеялся: «Передай матери, что я теперь полностью соответствую своей фамилии!..» Передала. Она: «Ты ему скажи, что я тоже еще жива». Дружба была без сантиментов.

Он, конечно, входил для меня в понятие «родители», где папа и мама, их друзья, учителя… Мой личный пантеон.

Когда умерла его мама, сказал, что чувствует, как его очередь к смерти приблизилась. Год не брил бороды… Через много лет мы сидели у него, правили окончательный текст последней его книжки о Пушкине, а мне принялись звонить по очереди все мои многочисленные дети, Битов ждал, слушал, потом махнул рукой, мол, не извиняйся, и спросил, посмеиваясь: «Они уже поняли, как это важно, что мама жива?..»

Так Андрей Георгиевич Битов и работал…

Рассказал, как испытал в детстве панический страх. Они ехали в эвакуацию, мать выскочила из поезда, чтобы набрать

горячей воды – на остановках многие сооружали быстрые костры и стаивали снег в котелках. Поезд тронулся, а ее все еще не было. Всего минуту. Или две. Но за это короткое время мир почернел, так ему стало страшно, что он может никогда ее не увидеть.

Вокруг Битова роились люди – студенты, друзья, женщины… Чего-то ждали, требовали от него. Многие его не понимали, побаивались, не любили, я знаю. Но все равно именно – роились. Ему было не важно – плохие, хорошие, любят, не любят. Они были – люди.

Меня восхищало – Битов все про людей знал. Не сомневался, что могут опоздать, обмануть, использовать, даже предать… Иногда он сердился, мог и послать… Но он людей – принимал. Принимал целиком. Не всякий может так – видеть в каждом человеке себя, как отец видит себя в ребенке. Безо всякого лицемерия и сюсюканья, а так, по-крупному, весело и с пониманием всего. С какой-то отцовской широтой.

Может быть, именно поэтому Битов очень многим помогал, писал предисловия к чужим книгам, ручался своим именем, соглашался в чем-то там участвовать, совершенно ему ненужном… При всем своем внешне жестком и неудобном характере.

Сколько раз он помог мне, я даже и не вспомню. Остались какие-то реперные точки – как я уходила от мужа и это было непросто, а он вдруг позвонил и заставил меня – работать. Как помог одному из моих сыновей после серьезной травмы вернуться в спорт. А однажды пришла, он хрипит: «Я тебе написал предисловие для книжки». – «Я ее еще не дописала!» – «Так допиши».

Когда я училась в Литинституте и ходила на битовский семинар, он ничему не учил. Не рассказывал технологию, как надо писать. Я вынесла из его семинаров только одно – надо писать правду. Самую глубинную, предельную правду о самом себе. Тогда это имеет хоть какой-то смысл.

Сам он так и делал. Поэтому все, кто его читает и любит, считают его своим близким другом, личным собеседником.

Битов был, конечно, магнетической личностью. Не раз видела, как люди в его присутствии начинали вдруг говорить, как он, – как бы впроброс, в себя, словно проговаривая только что придуманный текст. Жаль, точность мысли не была такой же, как у Битова. Он притягивал, заражал, заряжал.

Мы с мамой делали литературный журнал «Другие берега», и Битов придумал тему – собрать в одном номере тех, кто родился в год Красного Быка. Потому что он вдруг обнаружил, что в 36-м году в СССР ввели запрет на аборты.

В результате в 37-м родились сам Битов, Белла Ахмадулина, Мариэтта Чудакова, Владимир Маканин, Валентин Распутин, Виктор Мережко, Сергей Аверинцев, Александр Вампилов, Эдуард Успенский… Так как восточный календарь не совпадает с астрономическим, сюда же попал и Высоцкий. Год Красного Быка, знаменательный год для русской литературы… Битов увлекся этой идеей. И мы сделали такой сборник, он вышел в 97-м году.

Битов так много всего придумал, так многое, однажды захотев, осуществил! И все-таки не все успел. Он задумал две новые книги – «В ожидании осени» про Пушкина и окончательный, полный «Пушкинский том». Битов попросил, чтобы я ему помогла. Он диктовал – я записывала, он правил расшифровку – я собирала все в единое целое, и он снова правил… Почти все было готово…

И вот Битова – нет. Но книги – будут. Его бумажные тетради тоже ждут расшифровки, об этом думает его дочь Аня – предстоит огромная работа. А на книгу «В ожидании осени» подписан договор с «Эксмо». Надеюсь, одновременно выйдет и фильм «В ожидании осени. Пушкин – Битов – Габриадзе». По жанру это будет анимадок – документальный фильм с большим количеством рисунков и анимации.

Кому-то покажется странным, но Битов никогда не был в Болдине. Как мне кажется, он не ездил «туристом по пушкинским местам», потому что хотел к самому, к Пушкину, и не зря тревожить, а *по делу*… После открытия придуманного Битовым «Памятника Зайцу» в Михайловском, после их общей с Резо Габриадзе Пушкинианы, после Пушкинского джаза и множества эссе – Битов почувствовал право встретиться с Пушкиным в Болдине. Я позвонила ему, когда была в Питере, договорились, что приду и мы прикинем, когда можно ехать. Но – я заболела. «Ну что ж ты меня кинула? – прохрипел он в телефон. – Ладно, теперь в Москве. Если не умру».

Мы созванивались еще несколько раз. Но добраться до Болдина так и не смогли.

Зато он видел фотографии тех, пушкинских мест, в том числе эту, осеннюю, закатную. Смотрел долго, внимательно. Сложил. Прихлопнул ладонью: «Ну вот, можно сказать, побывал».

Наверное, Болдино для Битова – это некое фантастическое, райское место, в котором его уже поджидает Пушкин, да и много кто еще.

Резо Габриадзе, когда этим летом мы снимали его для фильма, сказал: «Битов – вечный странник, наверняка отправился именно туда».

Над последней книгой Битова «В ожидании осени» мы работали так: он надиктовывал, я записывала, потом расшифровывала, правила, выстраивала в единый текст по смыслу, давала ему на вычитку, правила снова. И так пока Битов не считал, что текст готов. Самые последние правки он вносил в распечатку. А отчасти записывал в большие общие тетради. Они же служили и дневником. Сейчас я расшифровываю эти его тетради.

Среди текстов о Пушкине попадаются и записи снов – их очень много, и рассказы о детях, внуках и правнуках, и какие-то даже технические записки.

И вдруг натыкаюсь на рассказ об очередном сне.

Запись от 29 августа 2017 года, 2.30 утра. Она довольно подробная и длинная. Перескажу коротко. Приснился сон, словно на границе двух снов и двух времен. 63-й год и наши дни. Как будто Битов из 63-го года сам себе сегодняшнему приносит некий роман и вместе – нынешний Битов и тот, из 63-го года, – решают, куда идти автору. Соглашаются – в рай. И сразу уже они бегут по солнечному футбольному полю, и счет в их пользу, и вдруг становится совершенно ясно, что все зеркально и все повторяется, что двухлетняя дочь – это копия двухлетней правнучки (а не наоборот), что надо бы съездить на Камчатку к другу детства Кулакову, которого уже давно нет в живых, и сразу же он

просыпается из нынешнего сна в тот, 63-го года. И следует такая запись:

«…просыпаюсь. Я еще пишу “Записки” и не ездил ни к какому другу детства, ни на какую Камчатку, и не возвращался 3 декабря, чтобы вступить в свое новое время “После Кулакова”. Господи, спасибо и прости! Упокой Господи!»

Получается, что 29 августа 2017 года Битов, записывая в тетрадь свой только что приснившийся сон, назвал дату своей смерти. Он скончался через два с половиной года – 3 декабря 2018-го…

Эллен Чансенс [28]

Немного о себе

В 1980-м я делала исследование в Москве и Ленинграде. Я хотела найти блестящего современного русского писателя, который не идеолог и не политический диссидент, а просто замечательный писатель. Я спрашивала у всех, кого знала – у ученых, писателей, друзей и т. д. Мне часто отвечали: «Я предпочитаю классику». Человек, который сказал мне, чтобы я прочитала Битова, – моя пратетя, Елена Соловейчик. Леля осталась в России, когда мой дедушка, моя бабушка (эсеры) и мама, тогда очень маленькая девочка, эмигрировали после революции большевиков. Подруга Лели с детства, Наталья Ральбе, была сестрой Елены Ральбе, которую Битов назвал своим «первым читателем». Он посвятил «Похороны доктора» ей.

Я продолжаю писать о творчестве Битова. Я теперь пишу вторую книгу о его творчестве. Один из курсов, который я преподаю, – это семинар для аспирантов, «Семинар по Андрею Битову».

Темы других моих публикаций – русский роман XIX, XX и XXI веков, Достоевский, Чехов, Хармс, литература и кино, литература и другие виды искусства, журнализм. Пишу эссе, стихи, рассказы и мемуары.

Письмо Андрею

Памяти Битова

Дорогой Андрей!

Я скучаю по тебе, но рада, что ты теперь можешь разговаривать с ангелами – с ангелами Имени и Судьбы; с ангелами, «обрусевшие лица» которых «…были просторны…» («Оглашенные», 1995, с. 380); с «ангелом битв» (обложка, «Неизбежность ненаписанного», 1998); с семейными ангелами – с мамой, папой, Наташей, Ингой, тетей, Азари Ивановичем; с ангелом Пушкиным; с ангелами-друзьями – с Беллой, Грантом, Олегом Волковым; и с твоими героями-ангелами – с Павлом Петровичем, доктором Д., с Модестом Платоновичем, Левой, Урбино Ваноски, с Бибо – и со многими другими.

Конечно, твои герои также живут на земле, между обложками твоих книг, в воображении твоих читателей и с нами, с твоей семьей и твоими друзьями… И ты продолжаешь жить с нами…

Твоя дочь Аня попросила меня написать личные воспоминания о тебе. Вот что я помню.

Я помню, как мы познакомились. Осенью 1980 года я была в России по программе официального культурного обмена между США и (тогда еще) СССР. Я спрашивала всех, кого знала, как с тобой связаться. Когда я была в Москве, мне говорили: «Он в Ленинграде», а когда я была в Ленинграде, мне говорили: «Он в Москве». И наконец, вдруг, в один прекрасный день, ты мне позвонил – в мой номер гостиницы «Академическая» в Москве – и сказал, что все твои знакомые говорят тебе, что я хочу с тобой встретиться. Тогда, при советской власти, русские, конечно, знали, что опасно звонить иностранцу в гостиницу, потому что КГБ прослушивает телефонные разговоры. Мы договорились о том, что ты заедешь за мной. Мы поехали в твоей машине в Переделкино, где вы с Аней жили месяца три в комнате какого-то Дома творчества (может быть, Союза писателей? хотя у тебя тогда были трудности с властями из-за твоего участия в «Метрополе» и из-за публикации «Пушкинского дома» в США). Ты подарил мне «Уроки Армении» и посоветовал прочесть «Пушкинский дом».

Наша следующая встреча произошла в апреле 1987 года, когда власти в первый раз разрешили тебе поехать в Соединенные Штаты. Причиной поездки послужило твое участие в Международной конференции писателей под эгидой Wheatland Foundation, проходившей в Вашингтоне. Это было историческое событие, поскольку в первый раз в одной и той же секции

официальной конференции принимали участие и советские писатели, и писатели-эмигранты. Другими участниками секции «Literature of Russia» («Литература России»), кроме тебя, были Иосиф Бродский, Андрей Синявский, Олег Чухонцев, Ефим Эткинд и Томас Венцлова. Я помню, как замечательно ты себя чувствовал в эти дни в Вашингтоне, потому что твой большой друг Юз Алешковский приехал из Коннектикута, чтобы быть рядом с тобой. После его эмиграции вы оба думали, что больше друг друга никогда не увидите, так же как вы с Иосифом думали, что больше не встретитесь, после того как он уехал из Советского Союза.

После конференции ты приехал в Принстон на несколько дней. Ты остановился у моих друзей, и их большой дом напомнил тебе грузинские дома. Ты прочитал лекцию в Принстонском университете, послушать которую пришло более сотни людей. Ты также дал интервью студенческой газете.

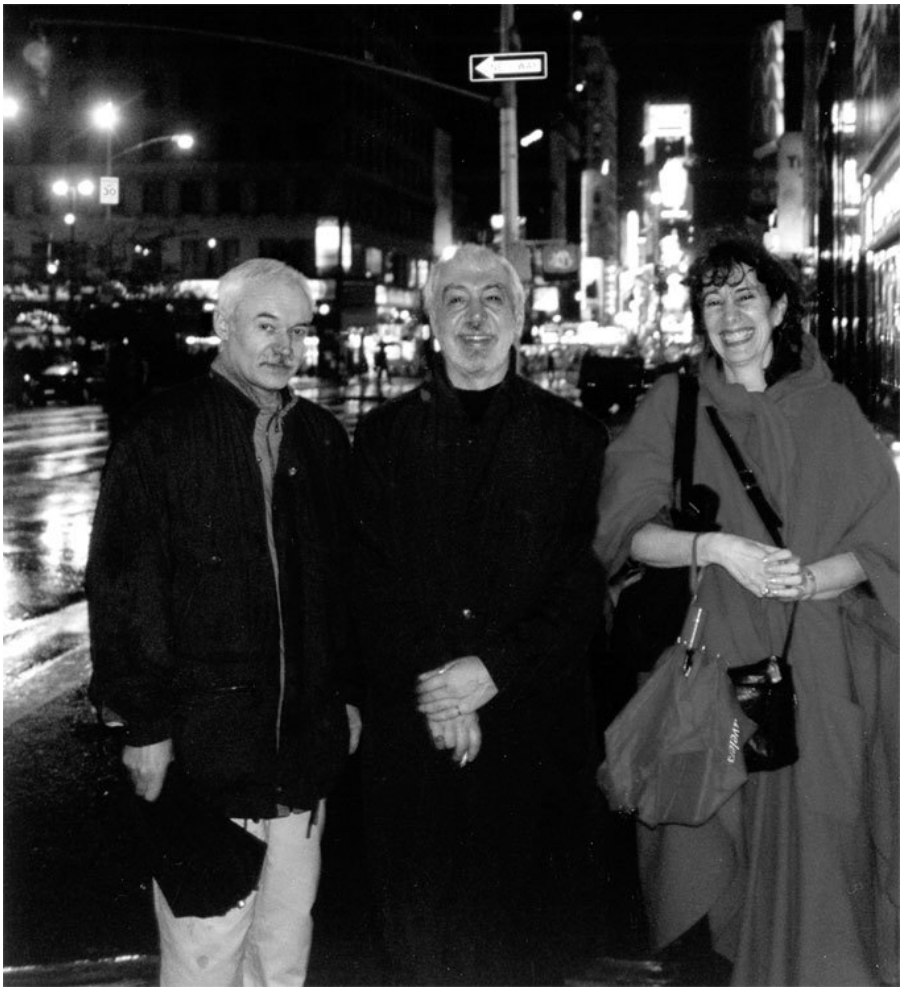
Но то, что я помню больше всего из этого визита и из многих следующих после этого встреч, продолжавшихся до конца твоей жизни – в Москве, Петербурге, Нью-Йорке и Принстоне, – это твои невероятно интересные, глубокие, по-настоящему живые, мудрые, заставляющие думать, смешные наблюдения. И я помню наши долгие телефонные разговоры – Нью-Йорк – Петербург; Нью-Йорк – Москва; и один из Нью-Йорка к тебе, когда ты ехал ночным поездом из Петербурга в Москву. Наши разговоры тоже «бродили». Иногда они продолжались часами. Некоторые были о твоем творчестве. Я задавала много вопросов, на которые ты терпеливо отвечал. Ты всегда был щедр со своим временем.

Но мы также говорили о многом другом. О чем? Например, о телевизионной программе BBC, которую ты недавно посмотрел и в которой рассказывали об изобретении телескопа, позволяющего видеть удаленные космические тела. И об изобретении микроскопа, дающего возможность разглядеть мельчайшие частички. Мы говорили о телевизионных программах BBC о животных, которые ты так любил смотреть. О том, что ты предпочитаешь кошек собакам, потому что кошки, как ты считал, независимые, а собаки нет. (Я помню, что когда-то у тебя была кошка Джойс, названная в честь Джеймса Джойса.)

О чем еще были наши беседы? О том, что происходит в мире. О том, что происходит с планетой. О том, что происходит в литературе. О человечестве, его силах и слабостях. О музыке, кино, искусстве. О том, как ты обожаешь свою дочь, о которой ты говорил: «Аня – ангел». Ты очень гордился своей внучкой Полиной. Ты очень любил ее воображение и творческую изобретательность. Ты восхищался внуками. Мы также говорили о

твоих последних произведениях и о том, где их опубликовали. И конечно, ты говорил о Пушкине и цитировал его поэзию. Однажды ты спросил меня о разнице в английском языке между понятиями «свобода» и «воля». Как-то ты упомянул, что хочешь наконец закончить писать роман «Преподаватель симметрии», потому что Наташа так сильно этого хотела. Я помню, что после того, как его опубликовали, ты сказал: «Не будет больше романов»… И их больше не было…

Я помню те несколько месяцев, когда ты преподавал в Принстонском университете, с сентября 1996 по январь 1997 года. Я помню, что ты пошел подстричься в небольшую парикмахерскую недалеко от своей принстонской квартиры и оказалось, что ты там был единственным белым посетителем. Позже в одном из твоих эссе ты написал, что атмосфера этой парикмахерской напомнила тебе парикмахерскую, которую ты посещал в детстве. Я помню тебя сидящим на полу принстонской квартиры. Ты резал ножницами картинки петербургских сфинксов. Эти нарезанные кусочки позже появились на обложке первого издания «Нового Гулливера», вышедшего в США в 1997 году. Я помню, как ты читал мне вслух что-то из только что написанного, и потом год или два спустя я читала те же слова в твоих новых публикациях.



Прогулка по Манхэттену после выступления «Пушкин-бенда» в Карнеги-холле

Я помню, как ты курил и как готовился к этому процессу, заворачивая голландский табак «Drum» в тоненькую папиросную бумагу. Я помню, что поскольку вредно курить в помещении, ты открывал окно моей нью-йоркской квартиры и держал сигарету на вытянутой руке, выдувая дым на улицу. Я помню крепкий турецкий кофе, который ты варил. Я также помню, что как только ты входил в мою квартиру, ты тут же подходил к книжным полкам – посмотреть, какие на них книги.

Я помню интенсивность, с которой ты слушал. Я помню интенсивность твоего взгляда. Я помню твой смех. Я помню и восхищаюсь тем, что ты был всегда самим собой. Ты был «свободным духом» («free spirit»), не обращавшим внимания на то, что говорят другие. Я помню твое бесстрашие. Однажды, уже

после 11 сентября 2001 года, ты выступал в Нью-Йорке. Ты говорил о Коране и о том, что в нем сказано о битве индивидуального человека с самим собой на пути к совершенству, но не о битве с другими людьми. А ведь в то время некоторые в аудитории хотели бы услышать что-нибудь антимусульманское.

Я помню твою толерантность и уважение ко многим религиям. Ты читал Библию каждый день. Ты написал о «двенадцати еврейских ангелах», помогавших тебе в трудные минуты жизни. Ты сказал: «Таоизм мне близок». Ты включил несколько мусульманских сур в свое произведение «Жизнь без нас».

Я помню ту нежность, с которой ты положил цветы на могилы своей матери, отца и Азари Ивановича.

Я помню твое чувство юмора и твою игривость, когда, например, ты позвонил мне на Хэллоуин, пытаясь изменить свой голос. Я помню, как ты и другие члены «Пушкин-бенда» были потрясены барабанной игрой черного музыканта в переходе нью-йоркского метро.

Я помню то, что ты написал о Винни-Пухе: «Опасаясь уйти сильно в сторону, отыскивая этимологические связи с более поздним культурным героем – Winnie-The-Pooh – на одном лишь основании созвучия в русской транскрипции: Пух – Пушкин, могу лишь отметить, что широкая популярность этого милого героя в России, возможно, подсознательно поддержана дорогим сердцу созвучием» («О лишних именах» в «Вычитании зайца. 1825», в «Пушкинском томе», 2014, с. 86).

Я помню интенсивность, с которой ты жил каждую минуту, и время, которым ты наслаждался, общаясь с друзьями. Но ты никогда не скрывал своего плохого настроения. Я это тоже уважаю, поскольку ты никогда не был ненастоящим. Например, однажды ты был не очень вежлив, но был самим собой, со злостью обругав слишком громко проезжавших мимо окна твоей кухни мотоциклистов.

Я помню, что ты хранил письма-отказы от редакторов и издателей. Более того, ты ссылался на эти отказы в комментариях своих книг.

Я помню твой ум, мудрость, оригинальность и воображение. Я помню красоту и изящество твоего стиля. Я помню уникальность того, как ты описывал места и предметы. Однажды ты сказал, что Нью-Йорк тебе напоминает «биологический организм». Я помню твою способность связывать вещи, которые обычно не связывают. В «Колесе» ты пишешь о мотогонке по льду в Уфе, в Башкирии. Ты говоришь, что если посмотреть на

мототрек сверху, то он напоминает «…серое гнездо с одним большим сверкающим яйцом» (в «Путешествии из России», 2013, с. 175). Ты пишешь, что для мальчиков сегодня машины являются тем, чем являлись лошади в прошлом.

Для тебя Монголия была чем-то похожа на Западный Берлин. Монголия, как ты написал, это «…стран[а], втис-нут[ая] между Россией и Китаем», а Западный Берлин – это «…островок западной цивилизации в океане соцлага с набережной из Берлинской стены». Они – «…два уникальных острова, лишенных моря» («Последовательность текстов», в «Неизбежности ненаписанного», с. 577).

А сравнивая Исландию с Монголией, ты пишешь: «В Исландии все напоминает Монголию: трава и небо, бесплодие почв и отсутствие полезных ископаемых, могучая история и древняя письменность при полном отсутствии архитектуры» (Там же).

В попытках увидеть реальность такой, как она есть, ты находил связи там, где их обычно не видят. И ты таким образом находил самую неправдоподобную «случайную симметрию» в самом необычном.

Я помню, как ты ценил «внутреннюю свободу», ту же самую «внутреннюю свободу», которая была, как ты написал, так важна для Моцарта, Пушкина и Модеста Платоновича.

Я помню чувства уважения и признательности, которые ты испытывал к своим переводчикам: Rosemary Tietze (на немецкий язык) и Susan Brownsberger (на английский язык).

Я помню щедрость твоей души и твою преданность. Выступая на международном форуме в 2007 году, посвященном твоему семидесятилетию, ты говорил о своей невероятной признательности редакторам, которые работали с твоими текстами и в советскую, и в постсоветскую эпоху, когда они тебе помогали, несмотря ни на что. Одна из них, которую ты упомянул, Кира Успенская, была твоим первым редактором.

Не так давно, когда «Молодой Петербург» хотел дать тебе премию, ты сказал, что ты их достаточно получил, и вместо этого предложил дать эту премию Кире Успенской, на что «Молодой Петербург» согласился и наградил ее в номинации «Легенда». (Между прочим, я об этом узнала не от тебя, а от самой Киры Успенской.)

Ты очень дорожил дружбой. Ты даже написал книгу «Багажъ», включившую эссе о десяти из твоих друзей.

Ты был очень тонким наблюдателем, всегда готовым к неожиданностям. Однажды в Принстонском отделении славянских языков и литератур наша секретарша дала тебе

длинную деревянную палку с металлической ручкой, чтобы ты мог открывать и закрывать ею окно в своем кабинете. Ты искренне рассмеялся и сказал, что рад тому, что такая простая старомодная вещь все еще используется. А в Петербурге в своей квартире ты указал мне на мерцающее пламя свечи, двигающееся вперед и назад, как в танце.

И все же ты не восхищался жизнью каждую минуту каждого дня. Ты понимал опасность, стоящую перед человечеством и нашей планетой. Тебя в буквальном смысле трясло в 1991 году, когда бомбили Югославию, и ты тогда сказал, что даже не мог себе представить, что в Европе опять будет война. Ты писал об экологии и защите окружающей среды – эта знаменитая речь Модеста Планотовича – за многие годы до того, как это стало постоянной темой дискуссий.

Ты был очень мудрым психологом, например когда это касалось некоторых разрушающих психологических моментов. Ты написал, что никто не может властвовать над другими людьми. Это случается, как ты сказал, только если мы сами даем им силу и позволяем властвовать.

Ты был очень справедливым. Ты уважал людей, невзирая на то, являются ли они «Важными Людьми». Например, в 1974 году один из студентов Принстонского университета писал дипломную работу: перевод твоего произведения «Колесо» на английский язык. Он написал тебе письмо, в котором спросил, можно ли подробно узнать о твоей биографии, творчестве и твоих авторских планах на будущее. Он спросил, какие писатели, русские и зарубежные, тебе нравятся. Ты отнесся к его вопросам со всей серьезностью и написал длинный и подробный ответ. Ты бы мог все это проигнорировать, ведь студент не являлся «Важным Человеком». Этот случай – лишь одно доказательство твоего уважения к людям, вне зависимости от их официального положения и статуса.

Ты был очень мудрым писателем. Я помню, как однажды мы говорили о Толстом и о том, что некоторые любят объяснять, как надо писать романы. И ты ответил: «Кто сказал, как надо?»

Я помню твою писательскую одаренность. Я помню твою страсть к книгам, литературе, идеям и словам. Я помню наши разговоры о литературе – русской, английской, американской, французской, немецкой, латиноамериканской, японской, исландской, армянской, грузинской и т. д. и т. д. Ты очень глубоко любил книги и слова. Мне очень нравится то, что литература и слова для тебя были так же важны в человеческой жизни, как воздух, вода и пища.

Я помню наш последний телефонный разговор. Твой голос

был бодрым и живым.

В «Дыхании на камне» (часть «Уроков Армении») ты написал: «Что остается в предметах от человека? Только ли форма, им приданная, или – тепло рук, прикосновение взглядов, вмятины от слов?.. Тут все говорило языком жизни – бывшей и будущей – вечной жизни…» («Путешествие из России», 2013, с. 134).

Один из твоих романов называется «Улетающий Монахов». Ты сам часто улетал. Ты путешествовал – по России, Европе, Америке, Азии, Латинской Америке, Армении, Грузии, Абхазии, по другим местам бывшего Советского Союза. И наконец ты, ангел Андрей, улетел, чтобы веселиться со всеми другими ангелами.

Мы все – твоя семья, твои друзья, твои читатели – будем продолжать наши разговоры с тобой. Правда, расстояние между землей и небом немножко больше, чем расстояние между Петербургом и Нью-Йорком. Ничего, мы все справимся.

Винни-Пух мне сказал, что есть специальные мобильные телефоны для связи между небом и землей, но что он забыл, как их использовать. Он сказал, чтобы ты узнал у ангела Пушкина.

Обнимаю,

Эллен

«Пушкинский дом», Пролог, или Глава, написанная позже остальных

«А вот то будет, что и нас не будет».

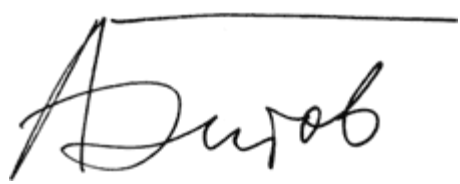
Пушкин. 1830

…И действительно, утро восьмого ноября 196… размывалось над вымершим городом и аморфно оплывало тяжкими языками старых петербургских домов, словно дома эти были написаны разбавленными чернилами, бледнеющими по мере рассвета. И пока утро дописывало это письмо, адресованное когда-то Петром «назло надменному соседу…» – на город упал ветер. Он упал так плоско и сверху, словно скатившись по некой плавной небесной кривизне, разогнавшись необыкновенно и легко и пришедшись к земле в касание. Он упал, как тот самый самолет, налетавшись… Словно самолет тот разросся, разбух, вчера летая, пожрал всех птиц, впитал в себя все прочие эскадрильи и, ожирев металлом и цветом неба, рухнул на землю, еще пытаясь спланировать и сесть, рухнул в касание. На город спланировал плоский ветер, цвета самолета. Детское слово «Гастелло» – имя ветра.

Он коснулся улиц города, как посадочной полосы, еще подпрыгнул при столкновении, где-то на Стрелке Васильевского острова, и дальше понесся сильно и бесшумно меж отсыревших домов ‹…› он вкатился на парадную площадь и, подхватив на лету мелкую и широкую лужу, с разбегу шлепнул ею в игрушечную стенку вчерашних трибун ‹…› повернул назад и стремительно помчался по свободе, чтобы снова спланировать на город где-то на Стрелке, описав таким образом нестеровскую петлю ‹…› Так он утюжил город, а следом за ним, по лужам, мчался тяжелый курьерский дождь – по столь известным проспектам и набережным, по взбухшей студенистой Неве со встречными рябеющими пятнами противотечений и разрозненными мостами; потом мы имеем в виду, как он раскачивал у берегов мертвые баржи и некий плот с копром… Плот терся о недобитые сваи, мочаля сырую древесину; напротив же стоял интересующий нас дом, небольшой дворец – ныне научное учреждение; в том доме на третьем этаже хлопало распахнутое и разбитое окно, и туда легко залетал и дождь, и ветер…

Он влетал в большую залу и гонял по полу рассыпанные повсюду рукописные и машинописные страницы – несколько страниц прилипло к луже под окном… Да и весь вид этого ‹…› музейного, экспозиционного зала являл собою картину непонятного разгрома ‹…›; ничком лежал шкаф, раскинув дверцы, а рядом с ним, на рассыпанных страницах, безжизненно подломив под себя левую руку, лежал человек. Тело.

На вид ему было лет тридцать, если только можно сказать «на вид», потому что вид его был ужасен. Бледный, как существо из-под камня – белая трава… в спутанных серых волосах и на виске запеклась кровь, в углу рта заплесневело. В правой руке был зажат старинный пистолет ‹…› другой пистолет, двуствольный, с одним спущенным и другим взведенным курком, валялся поодаль, метрах в двух, причем в ствол, из которого стреляли, был вставлен окурок папиросы «Север»…



Анна Бердичевская[29]

С кем говорил ты, с кем ты говоришь?..

Приведенный выше текст, этот Пролог к роману, я помню почти наизусть лет с двадцати трех. Точнее – помню само ленинградское утро 8 ноября 196…, следующего после Октябрьской демонстрации дня… то есть утро, которого никогда не видела. Но, что поделаешь, я помню и ветер по имени «Гастелло», и подхваченную им на лету широкую лужу, и разгром в зале *научного учреждения «Пушкинский дом»,* и мертвое тело человека лет тридцати… А на следующих страницах и то вижу, как тело оживает и становится – героем романа. Полный эффект присутствия. *Я там была.* Хотя на самом деле всего лишь читала текст, ночью, в Перми, лежа на раскладушке в чужом доме. И текст-то был слепым, машинописным, отпечатанным через один интервал, под копирку – типовой «самиздат». Так для меня начался «Пушкинский дом».

Последнее фото. Андрей Битов читает Пушкина. Ноябрь 2018. Фото Анны Битовой

Но другие тексты автора романа я уже знала. То есть – читала все, что издавалось. Первая из прочитанных его книг была «Дачная местность, или Жизнь в ветреную погоду». По тем временам название странное. Я купила ее в середине шестидесятых, в крохотном магазине в торце панельного дома в городе Закамске под Пермью… Случайность. Но, заглянув в

книгу, почувствовала, что это НОВОСТЬ, да такая, что ее необходимо немедленно узнать до конца. Прочесть!..

«Дачную местность», как до этого «Над пропастью во ржи» Сэлинджера, я долго носила с собою повсюду.

К началу семидесятых к моему тайно любимому писателю Битову пришла известность. Настоящая, но до странности молчаливая. Никаких отзывов в прессе я не помню. Но когда у меня появились друзья – оказалось, что чуть не каждый в отдельности знает Битова. Каждый открывал его сам и «держал про себя». Каждому из нас казалось, что этот одинокий автор не имеет в нашей стране предшественников. И ты, возможно, его *единственный читатель*. Автор Битов как бы «самотеком» находил своих, он сам и самим собой очерчивал свой круг. Но круг этот ширился, разбухал, как ветер над ноябрьской Невой в прологе «Пушкинского дома».

Как это происходило? Возможно, что постепенно чтение Битова кроме прямого воздействия приобретало новое качество: оно становилось поводом к читательскому самоуважению… *Читаю Гессе, или Камю, или Набокова. Или вот еще Битова.* Как бы там ни было, над Битовым сгущалась настоящая, негласная, а потому и нетленная бескорыстная, великая слава…

Через много лет про наше с ним знакомство Андрей придумает фразу – «Мы познакомились в лифте». Фраза ему самому нравилась, время от времени он ее повторял. Ну что же, лифт действительно был, в Пицунде, в Доме творчества писателей. В середине восьмидесятых как-то летом вместе с толпой литераторов я поднималась на самый верх, там, на крыше двенадцатиэтажного дома был жаркий стеклянный павильон, можно сказать советский пентхаус, где проходили семинары и лекции. В тот раз семинар вел Битов, и сам лектор поднимался со всеми. В лифте. Который останавливался на каждом этаже. С некоторой тревогой я почувствовала на себе битовский взгляд. Как-то это было чересчур, как с Чеховым переглянуться в толкучке. Андрей был тогда очень хорош – загорелый, с серебряными коротко стриженными волосами, худой, но с шеей и плечами боксера. И в круглых очках Джона Леннона. Взгляд внимательный. Уже не женат и еще не женат и плотно окружен женщинами. В том числе умными и красивыми. Нет, я в него не влюбилась. Не случилось. По самым разным, объективным и необъективным причинам. Произошло нечто совсем другое.

Однажды после ужина Андрей подошел ко мне и сказал: «У меня с собой есть рукопись, я ее только что закончил, писал здесь, неподалеку. Она на машинке и в одном экземпляре, копирки не было. Повесть, не очень большая. Могу вам дать

почитать… если ненадолго. Дня на три. Хотите?..»

Да, я хотела! Повесть называлась «Человек в пейзаже». Впервые я держала в руках битовскую рукопись, Почти без правок, почти безупречную, разве что с надписями карандашом кое-где на полях. Я прочла ее в ту же ночь, не спала, совершенно обалдев от текста, на рассвете отправилась искупаться, с моря побежала на завтрак, поглядывая, нет ли Битова. Утром он редко появлялся в столовке. Зато я увидела моего бывшего мужа, Леню Юзефовича, отдыхавшего с нашей дочкой Галей здесь же. Я не смогла не сказать ему, что ночью прочла новую вещь Битова. Он попросил у меня рукопись на один день, но я сказала: «Нет. Не велено».

В обед, в полдник, в ужин и весь день Битов нигде не появился. Исчез. Как исчезал его же герой в «Улетающем Монахове». Вечером я дала Лёне прочесть повесть – на одну ночь. Но Битов, начисто забывший про рукопись в единственном экземпляре, появился только через неделю. Возможно, он пал жертвой кавказского гостеприимства, не знаю. Слава богу, уже под конец своего срока я застала процессию, провожавшую Битова в микроавтобус. Он шел как бы безупречно трезвый, но и абсолютно отсутствующий в реальном мире. Я сходила за рукописью, сдала ее с рук на руки автору, для надежности сунув в битовскую холщовую авоську. И мы, похоже, «расстались на всю оставшуюся жизнь»… Как бы не так. Через пару месяцев совершенно случайно встретились в Москве, где я оказалась проездом из Перми в Тбилиси и зашла в издательство «Советский писатель». Там у меня лежала книга стихов. И вслед за мной вошел Битов – подписывать первый после многолетнего перерыва договор на книгу. Он немедленно меня узнал и спросил: «Куда это вы пропали?..»

На следующий день я улетала в Грузию, и Битов сделал мне бесценный подарок – подарил дружбу с Резо Габриадзе. В Тбилиси я жила меньше года, почти никого не знала и про существование в Старом городе маленького театра марионеток только слышала краем уха. Андрей огорчился этому обстоятельству и задумался. Затем достал из портфеля книжку – новенький покетбук «Лолита» Набокова, на русском, но изданный, кажется, в Германии. Битов поручил мне передать Набокова своему другу Габриадзе. Это был безусловно «контрабандный» и особо ценный подарок. Я обернула томик в газету, прочла «Лолиту» в самолете и по прибытии немедленно доставила книжку в театр марионеток. Передала привет от Андрея. С тех пор мы друзья и с Резо, и с Андреем.

Это сколько же надо случайностей, чтоб вышел сюжет на всю

жизнь?.. Дело все-таки в самом Битове. Он был гений. Ему было дано видеть, чувствовать простую, текучую, неуловимую жизнь не как суету, не как броуновское движение, а как некий скрытый сюжет, как послание. Как текст. Или как ткань, в которой нет ни одной лишней, случайной нити… Редкое свойство. Чаще всего им обладают большие поэты. Битов стихи писал, но почти не публиковал их. Однако близкий его друг Юз Алешковский недаром сказал: «…кто же такой Битов – прозаик или поэт? Поэт или прозаик? Эта неопределенность кажется мне чудесной…»[30].

Было у Битова еще одно чудесное свойство. Те, кто общался с ним или просто был его читателем, начинали усваивать и присваивать его талант, сами, хотя бы на время, становились талантливы. И – счастливее. Думаю, что книжка, которую вы держите в руках, по-своему это подтверждает. Человек ушел навсегда. Книга памяти по определению трагична. Но на самом-то деле – почти все написали о счастье, связанном с Андреем Битовым. Мы были счастливы – путешествовать с ним, участвовать в общих невероятных проектах, с Битовым разговаривать, его слушать, принимать участие в издании его книг, дружить с ним и любить его. Но главное – просто читать и понимать.

Мне никогда не казалось, что Битов «сложный писатель». Он писал просто, без лишних слов. Как бывает абсолютный слух, так у него было абсолютное чувство русского языка. Это позволяло ему всегда поспевать за собственной мыслью. И он отдавал эту мысль нам, читателям, совершенно новорожденную, развивающуюся у нас на глазах, превращающуюся в текст буквально сейчас и здесь! Мысль эта была никакая не «сложность»… но абсолютная новость. Никому до этого не приходившая в голову. Не прошедшая еще процесс коллективного разжевывания и усвоения… Вот и все.

«Ничего более русского, чем язык, у нас нет». Что может быть проще этой фразы? Но ведь она – действительно! – в момент публикации книги «Битва» прозвучала абсолютной новостью. И вся книга «Битва», начинаясь этой фразой-открытием, – непрекращающаяся мысль, которая безо всякой натяжки, очень просто и ясно излагает цельный и глубокий сюжет становления, существования и значения родного нашего языка – на родном историческом ландшафте. Только читай и следи за внятно произнесенной, за подвижной и яркой, живой мыслью… Точно такими по форме и значению были битовские устные выступления – не важно где, дома ли на кухне или в почтенном научном собрании, – ему внимали вполне поспевавшие за битовской речью слушатели. Думая вслух, он говорил как бы

наизусть! – потому что как раз это сейчас и думал…

В разные времена – в девяностые и в начале двухтысячных – я издала семь битовских небольших книг. Среди них первой была первая прочитанная с листа «Человек в пейзаже». Потом были «Фотография Пушкина», «Битва», «Текст как текст», «Победа», «БагажЪ», «Все наизусть»…

Андрея Георгиевича Битова нет. Но его книги переживут не только автора, но и всех любящих его книжных издателей. Таких у Андрея было, слава богу, немало. Но – недостаточно. Верю, появятся новые.

Когда-то давно я написала Андрею стихотворение, ему оно понравилось. Им и закончу свое воспоминание о любимом писателе и близком друге.

* * *

С кем говорил ты, с кем ты говоришь?
Почем мне знать, случайный мой учитель,
Попутчик в лифте, гений-попечитель,
Седой абрек с пробитой головой.

Живой. И жизнь пребудет так жива,
Так легкомысленна, что не запомнит года,
Не назовет день встречи и ухода.
Но сохранит
Слова, слова, слова.

Шрифт «Пушкин» подарен Андрею Битову его другом Резо Габриадзе в 2012 году и опубликован впервые в качестве иллюстрации в книге А. Битова о дружбе «Багажъ»

notes

Примечания

1

Цит. по книге: *Битов А.* Багажъ. Книга о друзьях. М.: Arsis Books, 2012.

2

Полина Баженова – внучка А. Битова, мать троих его правнуков. По профессии психолог.

З

Лео Габриадзе – режиссер, киноактер (исполнитель роли скрипача в фильме Г. Данелии «Кин-дза-дза!».

Ирина Сурат – доктор филологических наук, критик, эссеист, пушкинист.

5

Светозар Остров – художник-график, закончил институт Репина в Ленинграде. Иллюстрировал свыше двухсот книг, среди которых произведения А. Битова, М. Зощенко, Г. Х. Андерсена и др.

6

Юрий Рост – фотограф, писатель, журналист, актер, телеведущий.

7

Галина Юзефович – литературный критик, педагог.

8

Павел Крючков – редактор, журналист, звукоархивист, литературный критик, музейщик. Ведущий научный сотрудник Государственного музея истории российской литературы имени В. И. Даля (отдел ГМИРЛИ «Дом-музей Корнея Чуковского»), заместитель главного редактора журнала «Новый мир», создатель и ведущий литературных программ на радио «Вера». Руководитель просветительского проекта «Звучащая литература».

9

И выпуск этих десяти архивных компакт-дисков, и все многотрудное действо в Доме ученых не могли бы состояться, если бы не бескорыстная помощь разных замечательных людей, прежде всего геофизика и предпринимателя Александра Жукова (он еще будет опекать Новую Пушкинскую премию).

А железнодорожные билеты в Питер (там мы с Королевым записывали Александра Кушнера, Елену Шварц, Елену Игнатову и Владимира Уфлянда) нам оплатил кинорежиссер – который, как и Битов и как Хвостенко, уже покинул земной мир: Иван Дыховичный… Просто дал денег, и все.

10

Надо сказать, что сеансы аудиозаписей поэтов – дома, а не в студии – были гениальной находкой моего аудиосподвижника. Королев, сам радийный человек, отлично понимал, что «артисты» (так он шутливо называл наших героев) дома будут куда менее скованы, нежели в профессиональной обстановке. Я уж не говорю о том, что после работы Антон нередко доставал свою флейту и мы слушали божественную музыку.

11

Ольга Шамборант – биолог, писатель.

12

Владимир Паевский – орнитолог, доктор биологических наук, почетный член Американского союза орнитологов, главный научный сотрудник Зоологического института РАН. В 1961–1996 гг. работал на биостанции «Рыбачий» этого института на Куршской косе в Прибалтике.

13

Александр Великанов – профессор Московского архитектурного института (МАрхИ), лауреат Государственной премии СССР.

14

Наша с Андреем общая сокровищница. *(Примеч. А. В.)*

15

Борис Мессерер – художник, сценограф, педагог, Академик РАХ, лауреат Государственных премий РФ.

16

Александр Казакевич – кандидат филологическтих наук, журналист, телеведущий, автор фильмов и передач на канале «Культура».

17

Евгений Попов – русский прозаик.

18

Евгений Сидоров – литературный критик, эссеист, общественный деятель, чрезвычайный и полномочный посол, член Комитета РФ при ЮНЕСКО.

19

Андрей Битов. Памяти Высоцкого. 28 июля 1980.

20

Игорь Сид – поэт, эссеист, антрополог. Координатор международных программ в АНО Институт переводов. Участвовал в экспедициях в Африке, на Мадагаскаре, в Антарктике. Куратор Боспорского форума и других культурных проектов. Организатор первых конференций по геопоэтике и по антропологии путешествий. Автор книги «Геопоэтика» (СПб.: Алетейя, 2017).

21

Лхаса – историческая столица Тибета.

22

Александр Колесов – руководитель издательства «Рубеж», главный редактор Тихоокеанского альманаха «Рубеж». Председатель Владивостокского ПЕН-клуба.

23

Заур Чесебиев – предприниматель в области энергетики и экологии, живет в Ханты-Мансийске.

24

«Тот, кого сейчас показывают по телевизору, кем бы он ни был – это наш!»

25

Александр Фагот Александров – джазовый музыкант.

26

Ольга Васнецова – профессор, доктор химических наук, основатель и президент Фонда Васнецовых, автор книги «Васнецовщина» о судьбе и творчестве художников Виктора и Аполлинария Васнецовых.

27

Ася Гусева – писатель, кинорежиссер, мать шестерых детей.

28

Эллен Чансенс – профессор русской литературы в Принстонском университете (США) Автор книг *Andrei Bitov. The Ecology of Inspiration* (Cambridge, England: Cambridge University Press, 1993); *Андрей Битов. Экология вдохновения* (в переводе И. Ларионова, СПб.: Академический проект, 2006) – первая книга в мире о творчестве Битова.

29

Анна Бердичевская – поэт, писатель, издатель.

30

Цитирую по эссе Соломона Волкова «Азбука Битова».